УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ

СЪ ПОДРОБНЫМИ УКАЗАНІЯМИ

НА ИСТОРІЮ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЭТОЙ НАУКИ

въ Россіи и въ другихъ странахъ.

Ординарнаго Профессора Императорскаго Московскаго Университета

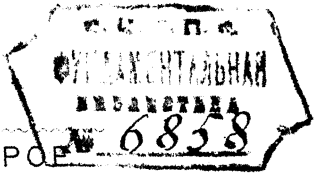
М. ТРОИЦКАГО.

160
Т.70

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. *Объ очевидности какъ предметѣ Логики.* Рѣчь произнесенная на актѣ Императорскаго Московскаго Университета 12 января 1886 г. *2. Введеніе въ Логику. 3. Логика Дедукціи.*



ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Арбатъ, домъ Платонова.
1886.

Б[illegible]ТЕКА
Б[illegible]ТЕСКИЙ
АКАДЕМИИ
1766
26

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран

Рѣчь объ очевидности какъ предметѣ Логики . . 3

Введеніе.

ГЛАВА I.

Вопросы Логики 51

Логика дедукціи.

ГЛАВА II.

Предварительный анализъ 67

ГЛАВА III.

Термины предложеній 71

ГЛАВА IV.

Объемъ и содержаніе терминовъ 85

ГЛАВА V.

Смыслъ предложеній 98

ГЛАВА VI.

Раскрытіе смысла даннаго предложенія посредствомъ другихъ предложеній 130

ГЛАВА VII.

Силлогизмъ 154

ГЛАВА VIII.

Сложныя дедуктивныя умозаключенія 210

ГЛАВА IX.

Дедуктивное доказательство 228

Предисловіе къ 1-му изданію.

Логика распадается на три главныя части: ученіе о дедукціи, ученіе объ индукціи и ученіе о спеціальныхъ методахъ наукъ.

Ученіе о дедукціи, составлявшее собственный предметъ такъ-называемой формальной логики, съ самаго начала текущаго столѣтія имѣло въ Россіи много оригинальныхъ изложеній, между которыми особенно выдаются: *Лодія* (1815), *Новицкаго* (1840) и *Карпова* (1857). То же ученіе содержится въ переводныхъ сочиненіяхъ — *Гётчесона, Баумейстера, Бахмана, Уэтли* и др.

Ученіе объ индукціи, на всемъ материкѣ Европы, имѣло особенный успѣхъ только съ появленіемъ Системы Логики *Д. С. Милля*. Переводъ послѣдняго сочиненія на русскій языкъ вызвалъ у насъ живѣйшее вниманіе къ этому предмету, что̀ сопровождалось новыми переводами сочиненій касающихся теоріи индукціи, — напр. *Бэкона, Гершеля, Вьюэлля* (Whewell) — и оригинальными опытами изложенія той же теоріи — въ Логикѣ г. *Владиславлева* (1872) и въ Элементарной Логикѣ г. *Струве* (1874).

Логическое ученіе о спеціальныхъ методахъ наукъ, называемое также *логикою наукъ*, до сихъ поръ не имѣло въ русской литературѣ оригинальной обработки въ смыслѣ Вьюэлля, Д. С. Милля и *Бэна*. Въ виду того, что это ученіе уже принято въ нѣкоторыя изъ лучшихъ сочиненій по Логикѣ, из-

данныхъ въ послѣднее время въ Германіи и Франціи, — напр. *Зигварта* и *Вундта*, *П. Жанэ* и *Ліяра*, мы сочли своевременнымъ ввести этотъ отдѣлъ и въ русскій учебникъ Логики. Вотъ что было первымъ побужденіемъ къ составленію издаваемаго нами Учебника.

Въ обработкѣ всѣхъ частей Логики мы преслѣдовали преимущественно двѣ цѣли: во-первыхъ, передать, съ возможною ясностью, одну сущность логическихъ ученій, избѣгая всего излишняго и ненужнаго; и, во-вторыхъ, сообщить своему изложенію логическія качества основательности и точности, вмѣстѣ съ качествомъ педагогическимъ — нечувствительнаго перехода отъ однѣхъ теорій къ другимъ.

Для болѣе нагляднаго оправданія своихъ логическихъ воззрѣній, мы признали цѣлесообразнымъ, снабдить изложеніе логическихъ ученій подробными указаніями на ихъ исторію и современное состояніе, въ Россіи и въ другихъ странахъ.

Къ сочиненіямъ, которыя мы преимущественно имѣли въ виду при составленіи *первой* книги нашего Учебника, принадлежатъ слѣдующія:

Aldrich. Artis Logicae rudimenta. 1852.

Aristotelis. Organon. Opera. Vol. 1, edit. Didot.

Bachmann, C. F. System der Logik 1828.

Baco. Instavratio Magna. Edit. Bouillet. 1834.

Bain, A. Logic. 1870.

Baynes. An Essay on the New Analytic of Logical Forms. 1850.

Benecke. Lehrbuch der Logik. 2 Theile. 1842.

Bentham. Outline of New System of Logic. 1827.

Богдановъ, П. Краткая Логика. 1806. Москва.

Beaussire, E. Lectures philosophiques, ou Leçons de la Logique. 1857.

Boole, G. The mathematical Analysis of Logic. 1847.

— An Investigation of the Laws of Thought on which are founded the mathematical theories of Logic and Probabilities. 1854.

Bossuet. Oeuvres philosophiques. Nouv. edit. 1845.

Bowen. Treatise on Logic or the Laws of Pure Thought. 1866.

Bradley. The Principles of Logic. 1883.

Brochard, W. De l'Erreur. 1879.

Carveth Read. On the Theory of Logic: An Essay. 1878.

Crousaz, I. P. La Logique. 1720.

Descartes. Discours de la Méthode. Méditations. Oeuvres de Descartes, publ. par V. Cousin. 1824.

Delbeuf. Logique algorithmique. 1877.

De-Morgan. Formal Logic. 1847.

— Syllabus of a proposed System of Logic. 1860.

Drobisch, M. W. Neue Darstellung der Logik. 2-te Ausg. 1851.

Euler. Lettres à une Princesse d'Allemagne. S. Petersbourg. 1768—72.

Fouillé. La Liberté et le Déterminisme. Paris. 1872.

Gayté. Essai sur la Croyance. 1883.

Göring. System der critischen Philosophie. 1874.

Гошкевичъ. Руководство къ Логикѣ. 1858.

Гротъ, Н. Къ вопросу о реформѣ Логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. 1882.

Grassmann. Die Begriffslehre oder Logik. 1872.

Hamilton, W. Lectures on Logic. 1860.

Herbart. Sämmtliche Werke, herausg. von G. Hartenstein. I. Band.

Herbert Spencer. Principles of Psychology. Sec. edit. 1870.

Hobbes, Th. Opera philosophica. Amsterd. 1668. Computatio sive Logica.

Ивашковскій. Начала Логики. (Переводъ французской книги, составленной изъ сочиненій Гравезанда и Дюмарсэ). 1824.

Janet, Paul. Traité Elementaire de Philosophie. 1879.

Jevons, Stanley. Pure Logic, or Logic of Quality apart from Quantity. 1864.

— Elementary Lessons in Logic: deductive and inductive. New ed. 1881.

— The Principles of Science: a Treatise on Logic and Scientific Method. 3 edit. 1879.

Kant. Logik. Sämmtliche Werke, herausg. v. K. Rosenkranz. III. Th. 1838.

Lambert. Neues Organon. 1764.

Lange. Logische Studien. 1877.

Leibnitz. Oeuvres philosophiques, publ. par Raspe. 1765.

Liard, L. Logique. 1884.

Locke. Works. A new edit. 1823.

Лодій, Петръ. Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго. 1815.

La Logique, ou l'art de penser (Du Port-Royal). Six. edit. 1724.

Lötze. Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen. 2-te Aufl. 1881.

Löwe. Lehrbuch der Logik. 1881.

Marion. De la Solidarité Morale. 2 edit. 1883.

Mill, J. S. A System of Logic ratiotinative and inductive. In two Volumes. Eighth edit. 1872.

Milns, Alfred. Elementary Notions of Logic. 1880.

Михневичъ, І. Опытъ постепеннаго развитія главныхъ дѣйствій мышленія, какъ руководство для первоначальнаго преподаванія Логики. 1847.

Monck, W. H. S. An Introduction to Logic. 1880.

Новицкій, О. Руководство къ Логикѣ. 1841.

Ollé-Laprune, Leon. De la Certitude Morale. 1882.

Пащенко, П. Руководство къ изученію Логики, составленное по системѣ Логики Бахмана. 1840.

Prantl, K. Geschichte der Logik im Abendlande. 1855—70.

Reichlinn-Meldegg. System der Logik, nebst Einleitung in die Philosophie. 1870.

Renouvier, Charles. Essais de critique générale. 1854—1864. Deuxième Essai. 1859.

Robert. De la Certitude et de formes récentes du Scepticisme. 1880.

Рождественскій, Н. Руководство къ Логикѣ, съ предварительнымъ изложеніемъ психологическихъ свѣдѣній. 1840.

V. Schuppe. Erkenntnisstheoretische Logik. 1878.

Schröder. Operationskreis der Logik-calcüls. 1877.

Shedden. Elements of Logic. 1864.

Sigwart, Christoph. Logik. 2 Bde. 1873—78.

Spinoza. Opera, edit. a H. Bruder. 1843.

Strümpell. Entwurf der Logik. 1846.

Свѣтилинъ (передѣлка Линднера). Учебникъ формальной Логики. 1871.

Струве. Элементарная Логика. 1874.

Thomson. Laws of Thought. 1875.

Trendelenburg. Logische Untersuchungen. 1840.

— Elementa Logices Aristoteleae. 5 ed. 1862.

Троицкій, М. Наука о духѣ. 1881.

Ueberweg, T. System der Logik. 1857.

Ulrizi, H. Compendium der Logik. 1860.

Waddington, Ch. Essais de Logique. 1857.

Wenn, John. Symbolic Logic. 1881.

Whately. Elements of Logic. Edit. 1870.

Владиславлевъ. Логика. Обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія. 1872.

Wolf, Christ. Philosophia rationalis sive Logica. 1740.

Wundt. Logik. 2 Bde. 1880—1883.

10 іюня, 1885 года.
Москва.

ОБЪ ОЧЕВИДНОСТИ КАКЪ ПРЕДМЕТѢ ЛОГИКИ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12-го января 1885 года).

Университетъ называютъ, и по справедливости, храмомъ науки. Въ храмѣ науки, въ день годичнаго торжества его, умѣстна рѣчь о наукѣ, — не о той или другой наукѣ, преподаваемой съ его каѳедръ, а о наукѣ вообще, о собственномъ, существенномъ характерѣ науки. Къ этому же есть нѣкоторыя живыя побужденія въ современныхъ взглядахъ на науку, распространенныхъ текущею литературою и, конечно, не остающихся безъ вліянія на образованное общество. Укажу на одинъ изъ такихъ взглядовъ, по многимъ обстоятельствамъ заслуживающій наибольшаго вниманія. Въ наше время много говорятъ о „народности“ въ наукѣ. Черты народности, — народнаго характера, народныхъ чувствъ, народныхъ вѣрованій, отличающія научныя произведенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ націй, представляются, въ нашей литературѣ, — то какъ фактъ, просто бросающійся въ глаза, то какъ фактъ желательный для русской науки, то, наконецъ, какъ фактъ для нея обязательный. Въ послѣднемъ требованіи скрывается, по нашему мнѣнію, важное недоразумѣніе. Нельзя не признать отраженія, въ научныхъ произведеніяхъ, народныхъ особенностей ихъ авторовъ; для народнаго самолюбія нѣкоторыя отраженія лестны и желательны; но дѣлать изъ нихъ какой-то долгъ науки и ея представителей — противорѣчитъ самому существу науки.

Долгъ науки опредѣляется ея цѣлью, которая указывается ей наукою о наукѣ, т. е. логикою. Великая цѣль, къ которой стремится наука, и устремлены помыслы ея представителей, есть истина (veritas), — полная, совершенная истина, насколько совершенство въ этомъ дѣлѣ доступно усиліямъ человѣческаго ума; — иначе сказать, истина *достовѣрная* (certa). Итакъ достовѣрность

(certitudo) истины, — вотъ что опредѣляетъ долгъ науки, вотъ ея обязательный характеръ. Но этимъ не исчерпывается ея существо. Существеннѣйшая черта науки, безъ которой немыслима и достовѣрность ея истинъ, есть ея самостоятельность, т. е. независимость отъ всѣхъ другихъ вліяній и внушеній, кромѣ одного, заключающагося въ научныхъ признакахъ истины, въ логическомъ *критеріи* (criterium) ея достовѣрности. Не объяснивши логическаго критерія истины, мы не въ состояніи объяснить самой сущности науки. Поэтому, бесѣдуя о наукѣ, мы просимъ позволенія остановить ваше вниманіе, мм гг., на этомъ предметѣ.

Ученіе логики о признакахъ научной или достовѣрной истины, иначе о критеріѣ истины, получило свою обработку только въ новое время; но вопросъ объ этомъ поднимался еще въ глубокой древности. Древняя Грецiя, колыбель европейской философіи, возбуждала этотъ вопросъ, сначала косвенно, потомъ прямо; но не пришла въ концѣ ни къ какому положительному рѣшенію его; точнѣе сказать, закончила исторію своей философіи рѣшительнымъ отрицаніемъ возможности открытія критерія истины, и вмѣстѣ съ этимъ возможности пріобрѣтенія достовѣрной или научной истины.

Около 500 л. до нашей эры, въ греческихъ колоніяхъ Малой Азіи и Италіи, возникли два противоположныя направленія философіи, игравшія важную роль въ исторіи нашего предмета: іонійское и элейское. Іонійское ведетъ начало отъ Ѳалеса (640 л. до Р. Хр.) и имѣетъ въ Гераклитѣ (582 г. до Р. Хр.) наиболѣе виднаго представителя. Гераклитъ является предъ нами истолкователемъ взглядовъ этой школы мыслителей на ручательство достовѣрности: это — данныя внѣшнихъ чувствъ, или факты внѣшняго опыта. Гераклитъ рѣшительно и рѣзко возстаетъ противъ тѣхъ, которые надѣятся удостовѣриться въ чемъ-нибудь помимо внѣшнихъ чувствъ, какимъ-то „собственнымъ умомъ“, съ помощью какого-то внутренняго, не заимствованнаго отвнѣ свѣта. Внѣшнія чувства, конечно, грубы, скользятъ по поверхности вещей: они не вводятъ непосредственно въ самое существо ихъ, которое, учитъ Гераклитъ, заключается въ нѣкоторой тонкой, эфирной или огненной субстанціи; не вводятъ также въ самую глубь существованія вещей, показывая ихъ какими-то стойкими, постоянными, между тѣмъ какъ на дѣлѣ все находится въ непрерывномъ теченіи, какъ въ рѣкѣ.

„Не возможно въ одну и ту же рѣку войти дважды, потому что въ другой разъ будетъ течь уже другая вода“. Не возможно также войти въ нее и выйти изъ нея однимъ и тѣмъ же. Данныя чувствъ грубы, ограниченны; но другого критерія истины не существуетъ: умъ долженъ опираться на нихъ въ своихъ заключеніяхъ, и имъ повѣрять послѣднія. Отрываться отъ внѣшняго міра, представляемаго намъ нашими внѣшними чувствами, значитъ отрѣшаться отъ общей всѣмъ людямъ истины, отдѣляться отъ общаго имъ ума, оставаться съ одними воспоминаніями, личными, индивидуальными, которыя могутъ оказаться столь же ложными, какъ сновидѣнія. Ложность сновидѣній зависитъ именно отъ того, что умъ не поддерживается въ своей дѣятельности показаніями бодрствующихъ чувствъ, что онъ предоставленъ самому себѣ, своей естественной безпомощности или, точнѣе, безсодержательности. „Какъ уголь, приближенный къ огню, измѣняется и дѣлается свѣтящимся, а удаленный отъ него становится темнымъ: такъ точно и вошедшая въ наше тѣло часть неба (т.-е душа), по отрѣшеніи отъ цѣлаго, дѣлается неразумною, а по соединеніи съ нимъ чрезъ многія отверстія, становится его отраженіемъ“.

Элейское направленіе философіи получило свое начало отъ Ксенофана (569 л. до Р. Хр.). Истолкователемъ этого направленія, въ рѣшеніи вопроса о критеріѣ истины, является ученикъ Ксенофана, Парменидъ (515—510 л. до Р. Хр.) Для Парменида внѣшнія чувства не просто грубы, а прямо лживы; они показываютъ совсѣмъ не то, что есть на дѣлѣ. Внѣшнія чувства представляютъ намъ зрѣлище безконечнаго разнообразія вещей, ихъ образованія и разрушенія, — между тѣмъ какъ на дѣлѣ все это чуждо бытія; на дѣлѣ бытіе едино, безначально, неизмѣнно и вѣчно. Внѣшнія чувства даютъ одинъ ложный призракъ бытія; только умъ, свободный отъ ихъ внушеній, умъ отрѣшившійся отъ представляемаго ими разнообразія бытія и сосредоточившійся на его единствѣ, постигаетъ настоящую истину. Ручательствомъ тому служатъ опредѣляемыя самимъ умомъ начала истины и ложности; — начало истины. „что есть, то есть, и чего нѣтъ, того нѣтъ“; начало ложности: „что есть, того нѣтъ, и чего нѣтъ то непремѣнно есть“. Истина согласна сама съ собою; а ложность доказывается внутреннимъ противорѣчіемъ. Примѣните эти начала къ оцѣнкѣ истины

ума, и показаній чувствъ, и вы убѣдитесь въ достовѣрности первой и въ ложности послѣднихъ. Допуская представляемыя чувствами множество и движеніе, какъ существующія на дѣлѣ, мы запутываемся въ неразрѣшимыя противорѣчія; между тѣмъ какъ доказывая, что единое бытіе должно быть и безначальнымъ и вѣчнымъ, мы остаемся, въ своихъ утвержденіяхъ, въ полномъ согласіи съ собою Такимъ образомъ, Парменидъ впервые высказалъ общую многимъ раціоналистамъ мысль, что истина доступна одному уму; что она не походитъ на показанія внѣшнихъ чувствъ, и что для повѣрки истинности и ложности утвержденій достаточно ихъ внутренняго согласія и противорѣчія, или такъ-называемыхъ формальныхъ началъ мышленія.

Во второй половинѣ V вѣка до Р. Хр., Аѳины дѣлаются центромъ греческой образованности, привлекающимъ лучшія философскія силы изъ греческихъ колоній. Противоположныя философскія направленія, іонійское и элейское, не могли не встрѣтиться, въ своихъ представителяхъ, въ этой столицѣ греческаго ума, и не вызвать въ ея ученыхъ попытки къ ихъ примиренію. Такую попытку мы именно и находимъ у Анаксагора, друга и учителя знаменитаго Перикла. Къ ней, въ томъ же стремленіи, примкнула философія Демокрита (460 л. до Р. Хр.). Оба философа признавали внѣшнія чувства не только грубыми, какъ іонійцы, но и обманчивыми или недостовѣрными, хотя не въ такой степени, какъ это утверждали элейцы. Чувства недостовѣрны въ показаніяхъ такихъ тѣлесныхъ качествъ, какъ сладость, горечь, теплота, холодъ, цвѣтъ; потому что такія качества не принадлежатъ самимъ вещамъ, а содержится въ однихъ ощущеніяхъ Но тѣ же внѣшнія чувства не обманываютъ, когда, напр., указываютъ на существованіе множества и движенія. Далѣе, простые элементы множественности или сложности, равно какъ и истинные движители, недоступны внѣшнимъ чувствамъ, или постигаются умомъ, посредствомъ заключеній объ нихъ; но основою умозаключеній должны служить достовѣрныя данныя опыта, а повѣркою — согласіе съ этими данными, иначе способность признанныхъ началъ къ объясненію этихъ, равно какъ и всѣхъ остальныхъ ощущеній, какъ ихъ послѣдствій. „Явленія“, говоритъ Анаксагоръ, т.-е. показанія нашихъ чувствъ, „суть критеріи нашего знанія о вещахъ сокровенныхъ“, т.-е. умопостигаемыхъ, ноуменахъ.

Точно также выражается и Демокритъ. — Это тожество взгляда обоихъ философовъ, на критерій достовѣрнаго знанія сокровенныхъ причинъ явленій, не привело ихъ однако къ тожественному ученію объ этихъ причинахъ. Анаксагоръ признавалъ такими причинами, во-первыхъ, нѣкоторыя элементарныя матеріи, которыя онъ называетъ гомеомеріями, — матеріи, чуждыя дѣятельности или движенія; — и во-вторыхъ, умъ, начало движенія вещества, и начало порядка въ мірѣ. Души живыхъ существъ обязаны своимъ бытіемъ этому міровому уму. — Демокритъ сокровенною причиною явленій признаетъ вѣчную матерію, состоящую изъ частицъ, не подлежащихъ дальнѣйшему дѣленію, или атомовъ. Приписавъ послѣднимъ движеніе, какъ ихъ вѣчное, существенное свойство, Демокритъ не призналъ второго начала Анаксагора. Такимъ образомъ, при тѣхъ же взглядахъ на критерій истины, Анаксагоръ, въ ученіи о вещахъ сверхчувственныхъ, пришелъ къ дуализму, Демокритъ — къ матеріализму.

Для наблюдателей попытокъ Анаксагора и Демокрита, къ рѣшенію вопроса о критеріѣ истины, было ясно, что онѣ также не увѣнчались успѣхомъ, какъ и предшествующія имъ философскія направленія, іонійское и элейское. И вотъ причина, почему, въ концѣ V вѣка до Р. Хр., Аѳины увидѣли впервые школу мыслителей, которые отрицали всякія гарантіи достовѣрности и всякое знаніе. Они назывались софистами. Истолкователемъ ихъ взглядовъ по нашему вопросу является Протагоръ, современникъ Сократа. Протагоръ принимаетъ то раздѣленіе между явленіями и ихъ сокровенными причинами, какое мы видѣли у Анаксагора и Демокрита. Но ихъ несогласныя заключенія относительно послѣднихъ, по руководству первыхъ, не позволили ему признать ту разницу, которую они установили между явленіями совершенно недостовѣрными, — каковыя даны, напр., въ ощущеніяхъ сладости, цвѣта, — и явленіями способными вести умъ къ познанію ихъ сверхчувственныхъ причинъ, — каковыя даны, напр., въ фактахъ множественности и движенія. По ученію Протагора, ни объ одномъ изъ внѣшнихъ явленій или ощущеній нельзя сказать, чтобы оно было истиннѣе другого; и слѣдовательно, каждый въ правѣ считать собственныя ощущенія истинными — не менѣе ощущеній другого, — какова бы ни была между ними разница и съ чѣмъ бы послѣдняя

ни казалась связанною: — съ разницею ли здоровья и болѣзни, съ различіемъ ли возрастовъ, или съ несходствомъ сна и бодрствованія. Все ощущаемое человѣкомъ можетъ считаться существующимъ; только то не имѣетъ права на такое признаніе, что никѣмъ не ощущается. Но имѣть право считаться истиннымъ, и быть достовѣрно истиннымъ, не одно и тоже. Достовѣрная истина равносильна знанію; признаніе же за истину есть одно *мнѣніе*. Допуская мнѣніе, Протагоръ отрицалъ знаніе. Этимъ полагался конецъ наукѣ; этимъ указывалась вся безплодность споровъ въ области вопросовъ морали, права, религіи. Каждый можетъ держаться своего мнѣнія относительно всякой вещи; и только покоряясь силѣ обстоятельствъ, долженъ на практикѣ принимать въ разсчетъ мнѣніе большинства.

Таковъ былъ исходъ встрѣчи противоположныхъ направленій философіи, и стремленій къ ихъ примиренію у Анаксагора и Демокрита. Отрицательные выводы софистики относительно достовѣрности и науки вызвали новую, еще болѣе живую и плодотворную работу греческой мысли въ положительномъ направленіи. Противниками софистовъ явились величайшіе философы древности, ближайшимъ образомъ Сократъ (471 г до Р. Х.) и ученикъ его, Платонъ (427 л. до Р. Х.).

Взглядъ Сократа и Платона на критерій истины, противопоставленный ими ученію софистовъ, не былъ совершенною новостью въ исторіи греческой философіи, и усвоеніе его противниками софистики объясняется безуспѣшностію попытокъ Анаксагора и Демокрита. Ученіе послѣднихъ о критеріѣ истины, не смотря на его примирительный характеръ, существенно не отличается отъ взгляда на этотъ предметъ іонійской школы. Различая между явленіями и ихъ сверхчувственными причинами, и утверждая возможность познанія послѣднихъ путемъ умозаключеній, они, подобно іонійцамъ, основою умозаключеній и средствомъ повѣрки ихъ не признавали ничего кромѣ явленій, т. е. данныхъ опыта и наблюденій Софистика указала слабую сторону такого ученія о критеріѣ истины. Съ данными опыта можно приходить къ тѣмъ или другимъ мнѣніямъ относительно сверхчувственныхъ причинъ; но нельзя достигнуть достовѣрнаго знанія послѣднихъ. Вотъ почему, Сократъ и Платонъ, въ борьбѣ съ софистами, обратились къ другому ору-

жію, — къ ученію о томъ же предметѣ элейской школы. Соглашаясь съ софистами, въ признаніи безсилія явленій вести къ познанію сверхчувственныхъ вещей, Сократъ и Платонъ настойчиво утверждаютъ вѣрность элейскаго положенія, что человѣческая способность умозаключеній имѣетъ независимыя отъ чувствъ, или данныхъ опыта, средства обоснованія и повѣрки выводовъ. Средства эти, по ученію Сократа и Платона, прирождены уму человѣка и заключаются не только въ общемъ понятіи о бытіи, — какъ у элейцевъ, — но и во всѣхъ другихъ общихъ понятіяхъ людей, — т. е. во всѣхъ понятіяхъ о классахъ, родахъ и видахъ, существующихъ вещей. Общія понятія, учили они, не создаются изъ данныхъ опыта, а только раскрываются по поводу этихъ данныхъ, или выступаютъ изъ того скрытнаго, потенціальнаго состоянія, въ какомъ они находятся первоначально, или отъ рожденія, въ умѣ каждаго человѣка. Соотвѣтственно этому новому взгляду на собственныя средства человѣческой способности умозаключеній, Платонъ создалъ новое ученіе о сверхчувственной дѣятельности: это — не элейское „единое бытіе“, чуждое какой бы то ни было множественности, — а цѣлый міръ сверхчувственныхъ бытій, равный міру общихъ понятій человѣка, или существующихъ родовъ и видовъ единичныхъ вещей. Это и есть міръ платоновыхъ *идей*, которыя онъ описываетъ съ такою поразительною прелестью, какъ вѣчные, неизмѣнные, безсмертные типы или „образцы“ вещей единичныхъ, гибнущихъ, но въ своемъ временномъ существованіи неизмѣнно повторяющихъ нѣкоторыя родовыя и видовыя формы, какъ отраженія вѣчныхъ идей, — какъ явленія этого сверхчувственнаго бытія. — Идеалогія Платона обезсмертила имя ея творца, но не избѣгла основательной критики. Усвоеніе элейскаго взгляда на силы человѣческаго ума, независимыя отъ опыта, не было поддержано у Сократа и Платона никакими новыми доказательствами, выдерживающими строгую оцѣнку. Сократъ, раскрывая свою теорію понятій, указалъ на способъ ихъ возбужденія у людей, посредствомъ метода „наведеній“, или обращенія къ обнимаемымъ, и исключаемымъ, ими частностямъ, — а также на способъ сообщенія имъ раздѣльности и точности, посредствомъ метода „опредѣленій“ или дефиницій. Разработывая ту же теорію, Платонъ указалъ, далѣе, правильные пріемы обобщенія и раздѣленія понятій. Этими указаніями

тотъ и другой много содѣйствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ логики. Но разъясненіе способовъ обработки понятій, не касалось основнаго пункта ихъ философіи, — независимости отъ опыта общихъ понятій, составляющихъ собственныя средства ума къ познанію сверхчувственныхъ вещей. Въ этомъ пунктѣ, ученіе обоихъ философовъ не могло вполнѣ опираться даже на тотъ, бѣдный, чисто формальный критерій истины, на которомъ опиралась элейская школа. Вотъ чѣмъ объясняется то любопытное явленіе въ исторіи академіи, — какъ называлась школа Платона, — что сами академики скоро признали несостоятельность платоновой идеалогіи и его ученія о способности человѣка къ достовѣрному знанію. Выразителями этого взгляда на существо платоновой философіи являются академики Аркезилай (316 л. до Р. Х.) и Карнеадъ (213 л. до Р. Х). Признавая „непостижимость“ сверхчувственныхъ вещей для человѣческаго ума, они возвратились къ ученію софистовъ, что истина не есть удѣлъ человѣка; — что всѣ усилія его къ достиженію знанія не поведутъ дальше однихъ мнѣній. Но отрицая критерій достовѣрности, Аркезилай и Карнеадъ входили въ оцѣнку внутренняго достоинства различныхъ мнѣній, и признавали возможность — мнѣнія „вѣроятныя“ отличать отъ „невѣроятныхъ“.

Иной путь для борьбы съ отрицательнымъ направленіемъ софистовъ проложилъ Аристотель (384 г. до Р. Х.) Въ теченіе долгихъ лѣтъ, Аристотель былъ ученикомъ Платона; и вліяніе послѣдняго въ значительной степени отразилось на философіи перваго. Но въ вопросѣ о критеріѣ истины взгляды Аристотеля существенно расходятся съ мнѣніями Сократа и Платона. Аристотель подвергъ критикѣ платонову теорію идей, и не раздѣлялъ его воззрѣній на общія понятія, какъ на собственныя, независимыя отъ опыта, средства способности умозаключеній. Въ вопросѣ о критеріѣ истины онъ держится, въ существѣ, точки зрѣнія Анаксагора. Подобно послѣднему, онъ проводитъ различіе между двумя порядками явленій, приписывая одному изъ нихъ способность руководить умъ въ познаніи сверхчувственныхъ причинъ. Въ области физическихъ или матеріальныхъ явленій, такая способность принадлежитъ „главнымъ“ или первичнымъ качествамъ тѣла. Пользуясь руководствомъ явленій, Аристотель пришелъ къ признанію четырехъ

родовъ ихъ сверхчувственныхъ причинъ: — причины наблюдаемыхъ веществъ, — именно матеріи, какъ ихъ возможности; — причинъ ихъ наблюдаемаго вида или формы; — причинъ движеній, механическихъ и органическихъ; и, наконецъ, причинъ называемыхъ цѣлями въ природѣ. Три послѣдніе рода причинъ не всегда отдѣляются другъ отъ друга и совпадаютъ въ концѣ съ природою мірового ума, какъ перваго движителя.

До сихъ поръ взгляды Аристотеля сходятся со взглядами Анаксагора. Но за этими общими чертами сходства скрываются такія глубокія разницы, которыя относятъ Аристотеля къ другому, новому періоду греческой философіи, начатому школою Сократа, — и дѣлаютъ его послѣднимъ изъ величайшихъ представителей этого періода. Въ ученіи о критеріѣ истины, Анаксагоръ выставилъ, такъ-сказать, только свое знамя; но то, что у послѣдняго было голословнымъ утвержденіемъ, — у Аристотеля является геніально обработанною системою, безсмертнымъ памятникомъ греческаго научнаго изслѣдованія. Анаксагоръ утверждалъ, что явленія служатъ опорою нашего знанія сверхчувственныхъ вещей, составляя основаніе нашихъ заключеній объ нихъ; но процессъ нашихъ умозаключеній, условія ихъ вѣрности, доказательности, не входили въ разсмотрѣніе Анаксагора. На эти предметы впервые обратили вниманіе Сократъ и Платонъ, но безъ важныхъ послѣдствій для объясненія ихъ свойствъ. Аристотель, первый, предпринялъ широкую обработку теоріи процесса умозаключеній и довелъ ее, въ нѣкоторыхъ частяхъ, до высокаго, изумительнаго совершенства. Явленія — основа нашихъ заключеній о сверхчувственныхъ причинахъ, но не сами по себѣ, не какъ прямыя данныя опыта, а какъ обобщенія изъ опыта, какъ наведенія, индукціи. Правильныя наведенія составляютъ, по Аристотелю, первую ступень познавательнаго искусства. „Искусство начинается тогда, говоритъ онъ, когда изъ большаго числа опытовъ образуется одно общее понятіе, содержащее въ себѣ всѣ сходные случаи“. „Опытъ есть понятіе объ отдѣльныхъ предметахъ; искусство — познаніе общностей“. Въ обобщеніяхъ частностей, въ наведеніяхъ, содержатся начала всякой науки, всякаго знанія причинъ. Но самое знаніе послѣднихъ получается съ помощью другого искусства, — вывода слѣдствій изъ данныхъ началъ. Истинныя начала должны привести къ истиннымъ слѣд-

ствіямъ, — но только подъ условіемъ правильнаго вывода послѣднихъ изъ первыхъ. Въ виду этого, Аристотель создалъ цѣлую систему гарантій правильнаго вывода, названную теоріею силлогизма, демонстраціи, дедукціи.

Сочиненія Аристотеля, содержащія его глубокія логическія теоріи, получили впослѣдствіи имя „Органа“, т.-е орудія знанія или науки. Ученіе Аристотеля о сверхчувственныхъ причинахъ вещей не можетъ дать понятія о томъ, насколько изложенные имъ методы принесли пользы дѣлу греческой науки, Но мы убѣдимся въ этомъ, останавливаясь на самой логикѣ Аристотеля, его піитикѣ, морали, политикѣ, — т.-е. на обработкѣ тѣхъ наукъ, въ которыхъ ему приходилось имѣть дѣло не столько со сверхчувственными причинами явленій, сколько съ установленіемъ началъ знанія. Многіе считаютъ также несомнѣннымъ, что философія Аристотеля была, въ нѣкоторой степени, прямою и косвенною причиною того научнаго оживленія, которое мы наблюдаемъ въ періодъ процвѣтанія александрійскаго Музея. И между тѣмъ, эта философія не восторжествовала надъ отрицательнымъ направленіемъ софистики. Логическія ручательства достовѣрности, представленныя этою философіею и популяризованныя отчасти стоиками, не выдержали критики такъ называемыхъ древнихъ скептиковъ; ихъ упорная, непрерывная, многовѣковая работа, состоявшая въ ниспроверженіи всякаго критерія истины, и представлявшая прямую связь съ дѣломъ софистовъ, достигла своей цѣли: скептицизмъ былъ послѣднимъ словомъ греческой философіи.

Во главѣ греческихъ скептиковъ стоитъ Пирронъ, основавшій свою школу по возвращеніи изъ Индіи, — куда онъ сопровождалъ Александра Македонскаго въ его военномъ походѣ, — слѣдовательно, послѣ того какъ системы Платона и Аристотеля достигли своего развитія и славы. Скептицизмъ Пиррона имѣлъ своего древнѣйшаго излагателя въ Тимонѣ; въ первомъ столѣтіи христіанской эры онъ получилъ новую обработку у Энезидема и Агриппы, а во второмъ у Секста, названнаго Эмпирикомъ, по принадлежности его къ школѣ врачей, защищавшихъ эмпирическую медицину. Въ сочиненіяхъ Секста до насъ дошло полное изложеніе скептической доктрины, во всѣхъ стадіяхъ ея развитія; изъ нихъ-то современные ученые и почерпаютъ свои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Скептики отдѣляются Секстомъ Эмпирикомъ отъ всѣхъ философскихъ школъ древней Греціи. „Въ изслѣдованіи истины, говоритъ Секстъ, возможны три случая: одни бываютъ увѣрены въ ея открытіи; другіе отрицаютъ возможность послѣдняго; третьи ничего не утверждаютъ, но и ничего не отрицаютъ относительно этого предмета“. Къ первымъ онъ относитъ догматиковъ, въ родѣ Аристотеля; ко вторымъ — академиковъ, въ родѣ Карнеада; а къ третьимъ именно скептиковъ. „Существо скептицизма, говоритъ далѣе Секстъ, состоитъ въ противопоставленіи вещей чувственныхъ и вещей сверхчувственныхъ, феноменовъ и ноуменовъ, всѣми возможными способами. Это противопоставленіе есть показаніе равной силы противорѣчащихъ положеній. Оно ведетъ, прежде всего, къ полному воздержанію отъ всякаго сужденія, а, затѣмъ, къ полной невозмутимости“ Изъ этихъ словъ можно уже угадывать, что скептицизмъ, — это воздержаніе отъ утвержденій и отрицаній — относится только къ сверхчувственнымъ причинамъ явленій, а не къ самымъ явленіямъ. Но Секстъ Эмпирикъ не оставляетъ относительно этого пункта никакого сомнѣнія. „Сказать, говоритъ онъ, что нашъ скептицизмъ отвергаетъ явленія, значитъ не понимать насъ. Мы допускаемъ существованіе вещей, дѣйствующихъ на наши чувства и воображеніе, и вырывающихъ у насъ невольное признаніе себя. Но мы, дѣйствительно, не признаемъ ничего больше. Такимъ образомъ, допуская существованіе того, что дѣйствуетъ на насъ, насколько оно дѣйствуетъ, — мы спрашиваемъ далѣе: то, что дѣйствуетъ на насъ, таково ли и на дѣлѣ, какимъ оно намъ кажется? и въ этомъ случаѣ мы осуждаемъ безразсудство догматизма. Такъ, напр., медъ кажется мнѣ сладкимъ, и я не отрицаю того, что онъ мнѣ кажется сладкимъ; но затѣмъ я спрашиваю: точно ли медъ обладаетъ сладостью самъ по себѣ; и мое утвержденіе о его сладости относится ли къ тому, какъ онъ кажется мнѣ, или простирается и на то что мнѣ кажется таковымъ? — А это два различные вопроса“. — Скептицизмъ не только не отрицаетъ явленій, но и признаетъ ихъ критеріемъ поведенія. „Есть, говоритъ Секстъ, два рода критеріевъ: одинъ относится къ увѣренностм въ существованіи или несуществованіи какой-нибудь вещи; другой — къ практикѣ: это — критерій, по которому что нибудь дѣлаютъ или не дѣлаютъ. Первый со временемъ я буду опровергать; что же ка-

сается второго, я утверждаю, что такимъ критеріемъ мы признаемъ *явленіе,* разумѣя подъ этимъ то, что поражаетъ чувство и воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ то, что дѣйствуетъ на насъ, и невольно убѣждаетъ насъ, — то не подлежитъ спору. Скептикъ, оставаясь свободнымъ отъ всякаго мнѣнія (о ноуменахъ), ведетъ свою жизнь согласно съ явленіемъ, потому что полное бездѣйствіе невозможно". Гораздо болѣе, скептики заявляли, что, не допуская знанія сверхчувственныхъ вещей, они не отдѣляются отъ другихъ людей въ дѣлѣ религіозной вѣры.

Теперь обратимся къ скептической критикѣ. Въ своихъ опроверженіяхъ догматическихъ ученій, скептики не упустили изъ виду ни одной теоріи критерія достовѣрности. Они осуждаютъ одинаково и наивную теорію іонійцевъ, не различавшихъ между явленіями и ихъ сверхчувственными причинами, и довѣрчиво допускавшихъ грубое руководство первыхъ къ познанію послѣднихъ; — и тонкое ученіе элейцевъ, Сократа и Платона, что достовѣрность есть собственно произведеніе ума, его независимыхъ отъ опыта понятій; — и наконецъ, ученіе Анаксагора и Аристотеля, что достовѣрность не есть независимое произведеніе ни нашихъ внѣшнихъ чувствъ, ни нашей способности умозаключеній, а есть дѣло и тѣхъ и другой, при извѣстныхъ условіяхъ. — Противъ авторитета внѣшнихъ чувствъ, въ дѣлѣ познанія недоступныхъ имъ причинъ явленій, Пирронъ и Тимонъ выставили десять аргументовъ, доказывающихъ всю относительность внѣшнихъ ощущеній и невозможность судить, соотвѣтствуетъ ли, и насколько соотвѣтствуетъ ихъ содержаніе вызывающимъ ихъ причинамъ. Если критерій достовѣрности данъ въ собственныхъ понятіяхъ ума· то какъ отличить эти понятія отъ произведеній опыта? Почему умъ, такъ одаренный, не спасаетъ людей отъ противоположныхъ сужденій? И въ чемъ мы должны видѣть эти независимые приговоры ума? Въ философскихъ ли системахъ или въ сужденіяхъ обыкновенныхъ людей? При постоянныхъ противорѣчіяхъ философовъ, — почему мы должны довѣрять скорѣе одному, чѣмъ другому? Почему, наконецъ, скорѣе философамъ, чѣмъ общему смыслу? — Допуская же ограниченный авторитетъ чувствъ и ума, — гдѣ мы найдемъ безспорныя указанія на эти границы? — Предлагаемые для этого методы не выдерживаютъ критики. Методъ опредѣленій не ведетъ къ согласію во взглядахъ на зна-

ченія словъ и природу вещей: нѣтъ двухъ философовъ, которые бы сходились между собою въ опредѣленіи, напр., человѣка. Методъ наведеній не гарантируетъ вѣрности обобщеній. Наведеніе есть заключеніе отъ частностей къ общему. Общее будетъ вѣрнымъ только тогда, когда ни одна частность не опущена изъ виду: одинъ случай, не подходящій подъ обобщеніе, разрушаетъ истину наведенія. А кто поручится за то, что его обобщеніе основано на предварительномъ изслѣдованіи всего количества частностей? — Что касается заключеній изъ данныхъ началъ, иначе демонстрацій, то они никогда не могутъ освободиться отъ недостовѣрности началъ, — будутъ ли этими началами наведенія, или опредѣленія, или гипотезы. — Въ подтвержденіе правильности своей критики всѣхъ теорій достовѣрнаго знанія сверхчувственныхъ причинъ, скептики выставляли на видъ несостоятельность догматическихъ ученій объ этихъ предметахъ. По мнѣнію скептиковъ, эти ученія отличаются бросающеюся въ глаза темнотою, произвольностью и противорѣчіями. Они никогда не даютъ ясной характеристики причинъ, и указывая таковыя для отдѣльныхъ явленій, не могутъ того же сдѣлать для ихъ порядка. Полная произвольность этихъ ученій замѣтна и на выборѣ причинъ для объясненія одного и того же явленія, и въ постановкѣ гипотезъ, и въ допущеніи фактовъ. Выбранныя причины часто расходятся не только съ фактами, но и съ принятыми гипотезами.

Общее заключеніе скептической критики догматизма то, что никакого критерія истинности утвержденій относительно ноуменовъ, или сверхчувственныхъ причинъ явленій, не существуетъ; а слѣдовательно, нѣтъ ничего достовѣрнаго, никакого знанія, никакой науки. — Послѣдній выводъ скептиковъ можетъ показаться неожиданнымъ. — А знаніе явленій, наука о явленіяхъ? — Для скептиковъ, отрицаніе науки о причинахъ явленій было вмѣстѣ отрицаніемъ науки о явленіяхъ. Скептики раздѣляли взглядъ Аристотеля, что знать что-нибудь, значитъ знать причину чего-нибудь. Слѣдовательно, знать явленія, значило знать ихъ причины, отъ нихъ отличныя, сокровенныя, сверхчувственныя, — кратко, ихъ ноумены Но науки о причинахъ нѣтъ; слѣдовательно, нѣтъ науки и о феноменахъ. — Опровергая догматиковъ, скептики, какъ было сказано, не оставили безъ критики, и ученія академиковъ. Скептиче

ская критика догматизма доказала неосновательность утвержденій, что мы знаемъ сверхчувственныя вещи, что наши представленія послѣднихъ соотвѣтствуютъ ихъ свойствамъ: у насъ нѣтъ средствъ повѣрить это соотвѣтствіе; но съ другой стороны, мы не въ правѣ и отрицать этого: потому что для истины отрицаній нужны тѣ же условія, какъ и для истины утвержденій. — Академики, по мнѣнію скептиковъ, погрѣшаютъ еще и тѣмъ, противъ правилъ полнаго воздержанія отъ сужденій относительно этого рода предметовъ, — что они допускаютъ критерій вѣроятности и невѣроятности мнѣній о сверхчувственныхъ вещахъ: на взглядъ скептиковъ, критерія вѣроятности не существуетъ точно также, какъ и критерія достовѣрности. — Таково послѣднее слово греческаго скептицизма, и съ нимъ греческой философіи.

Секстъ Эмпирикъ, которому мы обязаны подробными свѣдѣніями о древнемъ скептицизмѣ, жилъ, какъ замѣчено, во второмъ столѣтіи христіанской эры Перенесемся отсюда, мм. гг., чрезъ всѣ послѣдующіе вѣка, къ нашему XIX-му столѣтію: какая рѣзкая противоположность! Увѣренность въ существованіи достовѣрныхъ истинъ полная; о скептицизмѣ въ смыслѣ древнихъ нѣтъ и рѣчи; самые выводы древнихъ скептиковъ кажутся на первый разъ неожидантыми и странными. Въ наше время, какъ и въ древности, признаютъ ограниченность человѣческихъ способностей знанія; но кто же сомнѣвается въ существованіи знаній? Кто отрицаетъ науку? — Теперь естественно спросить: откуда же эта разница? Чему мы обязаны признаніемъ достовѣрности истинъ современной науки? — Мы обязаны этимъ, мм. гг., безспорной постановкѣ критерія достовѣрности, достигнутой только въ новое время, великими философскими изслѣдованіями, рядъ которыхъ открывается безсмертнымъ произведеніемъ Бэкона, — его „Новымъ Органомъ“, появившимся въ началѣ XVII-го столѣтія.

Не отрицая геніальности многихъ древнихъ философовъ, Бэконъ подвергъ суровой критикѣ ихъ изслѣдованія, приведшія къ скептицизму. По замѣчаніямъ Бэкона, они не имѣли правильныхъ понятій ни о предметѣ научныхъ изслѣдованій, ни о цѣли ихъ, ни о методѣ. Предметомъ своихъ изслѣдованій они дѣлали именно то, что не поддается научной разработкѣ. Изслѣдованія ихъ велись безъ всякой, ясно опредѣленной цѣли, и съ помощью методовъ,

ложность и недостаточность которыхъ справедливо обличались скептиками. Бэконъ далекъ отъ того, чтобы, подобно іонійцамъ считать „внѣшнія чувства человѣка критеріемъ вещей", но онъ еще суровѣе относится къ теоріи элейцевъ и Платона, — къ работѣ „ума предоставленнаго самому себѣ", почерпающаго средства къ рѣшенію вопросовъ науки въ собственныхъ понятіяхъ, ложно принимаемыхъ за врожденныя или независимыя отъ опыта. Въ „преувеличеніи и превозношеніи силъ ума" заключается, по словамъ Бэкона, „истинная причина и корень почти всѣхъ ошибокъ въ наукѣ". Потому что, при этомъ, замѣчаетъ Бэконъ, люди „не ищутъ для ума его истинныхъ опоръ". Отсюда вся безуспѣшность древней философіи природы „Люди создавали особый міръ изъ своихъ собственныхъ понятій и черпали изъ своего собственнаго ума всѣ нужные для того матеріалы; если бы, вмѣсто того", говоритъ Бэконъ, „они обратились къ опыту и наблюденію, то предметомъ ихъ были бы факты, а не ихъ собственныя произвольныя понятія, и тогда они могли бы достигнуть знанія законовъ, управляющихъ вещественнымъ міромъ". Изъ этого можно видѣть, что Бэконъ на сторонѣ взглядовъ Аристотеля: онъ — за опытъ, наблюденіе. Это убѣжденіе выражено имъ съ особенною силою въ самомъ первомъ „афоризмѣ" его „Новаго Органа". Ни знаніе природы, ни власть надъ нею человѣка, говоритъ онъ здѣсь, „не простираются дальше его наблюденій надъ порядкомъ природы, на дѣлѣ или въ умѣ". Подобно Аристотелю, Бэконъ стоитъ за индукцію, какъ основаніе демонстраціи или дедукціи; но на этомъ сходство обоихъ и оканчивается. Теорія индукціи у Бэкона иная, чѣмъ у Аристотеля Подъ индукціею послѣдній разумѣлъ заключеніе къ общему правилу, или закону, отъ согласія всѣхъ встрѣченныхъ случаевъ. По Бэкону, такая индукція не защищаетъ отъ ошибокъ, — какъ это доказывали и скептики. Онъ назвалъ индукцію Аристотеля „популярною", и притомъ замѣтилъ, что Аристотель мало пользуется даже и этимъ, недостаточнымъ средствомъ научнаго изслѣдованія: онъ часто, говоритъ Бэконъ, „распоряжается опытомъ произвольно и подчиняетъ его своему мнѣнію".

Эта критика древнихъ позволяетъ предусматривать духъ и направленіе собственной философіи Бэкона. Наука, по Бэкону, имѣетъ своимъ предметомъ не то, что̀ назначали ей древніе. Главный

предметъ ея — „законы природы“, дополнительные — ея „скрытное строеніе“ и „скрытный процессъ“ образованія, — скрытные не въ смыслѣ сокровенныхъ, сверхчувственныхъ вещей древнихъ писателей, а въ смыслѣ вещей не усматриваемыхъ изъ прямыхъ наблюденій, но и не выходящихъ изъ предѣловъ опыта Для Бэкона, умозаключеніе, — переходъ ума отъ даннаго извѣстнаго къ скрытному неизвѣстному, — есть ничто иное, какъ перенесеніе извѣстнаго изъ опыта — въ кругъ новыхъ, неизвѣстныхъ обстоятельствъ; достигаемое умозаключеніемъ не идетъ, поэтому, дальше того, что уже наблюдалось, хотя, можетъ быть, въ иныхъ формахъ, или при иныхъ сопровожденіяхъ. — Далѣе, научное изслѣдованіе не есть, по Бэкону, простое удовлетвореніе любознательности, а имѣетъ положительную цѣль, — увеличеніе „могущества и счастія“ человѣка. Наука должна сдѣлать его способнымъ распоряжаться скрытными силами природы, для облегченія его борьбы съ недостатками его положенія. Изобрѣтенія и открытія, — вотъ прямыя цѣли науки, и вмѣстѣ съ этимъ безспорныя ручательства ея достовѣрности. А эти цѣли могутъ быть достигнуты лишь другимъ путемъ, не понятымъ въ древности, — путемъ той индукціи, которую Бэконъ, въ отличіе отъ аристотелевской, популярной, называетъ „научною“, и сущность которой заключается въ строгой „повѣркѣ“ правильности обобщеній, основанныхъ на простомъ согласіи встрѣченныхъ случаевъ. Изученіе причины явленія должно опираться на тщательно составленную его „естественную исторію“, — т.-е. на тщательно собранные факты, способные вести къ рѣшенію вопроса о его причинѣ. Естественная исторія явленія должна позволить приложеніе указанныхъ Бэкономъ, техническихъ пріемовъ къ исключенію того, что не можетъ быть его причиною, и къ точному опредѣленію того, что составляетъ его причину. Такъ открываются законы природы и пріобрѣтаются „аксіомы“ науки, т.-е. истины, достовѣрность которыхъ не подлежитъ спору Какъ на существенной чертѣ новаго индуктивнаго метода, Бэконъ настаиваетъ на томъ, чтобы отъ первыхъ обобщеній не дѣлали произвольныхъ скачковъ къ самымъ общимъ положеніямъ, — какъ это обыкновенно замѣчается у древнихъ. Истинный методъ индуктивнаго изслѣдованія „требуетъ медленнаго обобщенія, постепеннаго перехода отъ однѣхъ частностей къ другимъ, которыя только на одну степень общѣе первыхъ, —

отъ этихъ частностей къ другимъ, еще болѣе общимъ. и такъ далѣе, — пока не дойдемъ до всеобщаго". Идя этимъ путемъ, мы откроемъ, по Бэкону, такія „начала, которыя сама природа не откажется признать"; т. е которыя дадутъ, въ теоріи, ея „объясненіе" и поведутъ на практикѣ къ полезнымъ изобрѣтеніямъ.

Таковъ методъ, или точнѣе сказать, таковы методы научнаго изслѣдованія, указанные Бэкономъ. Дальнѣйшая исторія науки и ея теоріи признала мудрость бэконова ученія объ нихъ. Но что же такое, въ послѣднемъ анализѣ, эти методы? — Методы науки, указанные Бэкономъ и признанные безспорными, могутъ быть отдѣлены отъ методовъ ненаучныхъ, или не строго научныхъ, одною характеристикою: это — методы *очевидности* (evidentia). Очевидность результатовъ научныхъ изслѣдованій, съ помощью методовъ Бэкона, — вотъ единственный критерій ихъ достовѣрности. Научность истинъ, достовѣрность истинъ, не выходитъ изъ предѣловъ ихъ очевидности. — Разъ была подмѣчена эта характеристическая природа критерія истины, послѣдующіе мыслители не замедлили подвергнуть тщательному изслѣдованію его различныя стороны. Съ сторонъ этихъ открылось много: что такое очевидность по своимъ внутреннимъ свойствамъ? Существуютъ ли строго опредѣленныя границы ея предметовъ, и какъ широка ихъ область? Что составляетъ собственные факторы очевидности въ индуктивныхъ и дедуктивныхъ умозаключеніяхъ? Существуютъ-ли всеобщія начала ея оцѣнки; и т д. На этихъ вопросахъ остановили свое вниманіе философы, слѣдовавшіе за Бэкономъ, и прежде всѣхъ другихъ — Декартъ (1596—1649 г.).

Борьба со скептицизмомъ. составившая конецъ древней философіи, была общимъ знаменемъ первыхъ мыслителей новаго времени. Но никто не поднималъ его такъ открыто, какъ Декартъ. „Сомнѣніе и логическій выходъ изъ него": — такова сущность его знаменитаго сочиненія: „О логическомъ методѣ". Методъ Декарта, изложенный имъ въ этомъ сочиненіи и выведшій его изъ скептическаго состоянія, заключался въ томъ, что послѣ долгихъ, напряженныхъ поисковъ, онъ нашелъ наконецъ такую истину, въ достовѣрности которой никакое сомнѣніе невозможно; и затѣмъ, изслѣдуя условія ея достовѣрности, открылъ, что оно не заключается ни въ чемъ другомъ, кромѣ ея „очевидности". Отсюда

Декартъ сдѣлалъ общее заключеніе, что очевидность истины и есть критерій ея достовѣрности.

Истина, послужившая основаніемъ къ признанію очевидности критеріемъ всякой истины, была дана Декарту въ слѣдующемъ сложномъ предложеніи, пріобрѣтшимъ впослѣдствіи такую знаменитость „Cogito, ergo sum“, — я мыслю, слѣдовательно существую. Декартъ подробно описываетъ, какъ онъ оставлялъ, одно за другимъ, свои созрѣвшія убѣжденія; какъ онъ отказывался отъ увѣренности въ вещахъ, истинность которыхъ не заподозривается общимъ смысломъ, — пока не пришелъ къ сомнѣнію во всемъ. Изслѣдуя свое состояніе сомнѣнія, онъ скоро, однако, замѣтилъ, что есть вещь, которая не поддастся никакому сомнѣнію: это — его собственное мышленіе и существованіе. Сомнѣваясь въ всемъ, разсуждалъ Декартъ, я все же мыслю; а если я мыслю, то значитъ и существую: „Cogito ergo sum“ есть, такимъ образомъ, истина совершенно достовѣрная. Но почему я не могу не признать ея такою? Что служитъ для меня ручательствомъ ея достовѣрности? — Изслѣдуя этотъ предметъ, Декартъ не нашелъ ничего другого, кромѣ простой очевидности этой истины. Утвержденіе: „я мыслю“, констатируетъ очевидный фактъ моего мышленія, даже въ моментъ моего сомнѣнія во всемъ. Далѣе, утвержденіе: „слѣдовательно, существую“, показываетъ очевидную часть перваго: „я мыслю“. Потому что можно существовать и не мыслить; но мыслить и не существовать, — это противорѣчитъ очевидному отношенію обоихъ понятій, или смыслу самыхъ терминовъ. Итакъ, предложеніе. „я мыслю, слѣдовательно существую“, очевидно по своему соотвѣтствію фактамъ и отношенію понятій; это-то и заставляетъ меня признать его достовѣрно-истиннымъ. — Открывши несомнѣнный критерій достовѣрности этого предложенія, Декартъ счелъ себя въ правѣ объявить очевидность единственнымъ критеріемъ (mensura et regula) всякой истины.

Но что такое очевидность? — Очевидность истины какого-нибудь утвержденія (или отрицанія) есть, по ученію Декарта, ничто иное, какъ „ясность и раздѣльность усмотрѣнія“ этой истины. „Всѣ вещи, усматриваемыя нами вполнѣ ясно и вполнѣ раздѣльно, суть вещи истинныя“, говоритъ онъ формулируя свой критерій истины. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ его такъ: „насколько

что-нибудь усматривается ясно и раздѣльно (clare ac distincte percipitur) настолько же оно и истинно". Декартъ опредѣленно замѣчаетъ, что подъ „ясностью" усмотрѣнія онъ разумѣетъ его „отчетливость", а подъ „раздѣльностію" — „точность". Притомъ, формулируя свой критерій истины, Декартъ постоянно имѣетъ въ виду только истину утвержденій и отрицаній, — вообще предложеній.

Спрашивается, далѣе: какъ широка область очевидности, а слѣдовательно вмѣстѣ съ нею и достовѣрности? — Отвѣтъ Декарта на этотъ вопросъ оказался твердымъ только наполовину. Кругъ очевидныхъ предметовъ опредѣляется у него, во-первыхъ, объемомъ фактовъ мышленія. „Подъ словомъ *мышленіе*, говоритъ Декартъ, я разумѣю все совершающееся въ насъ такимъ образомъ, что мы сами усматриваемъ это непосредственно; поэтому не только понимать, хотѣть, воображать, но и чувствовать, для меня то-же самое, что мыслить". Т.-е., выражаясь научнымъ языкомъ нашего времени, въ сферу очевидности входятъ, прежде всего, всѣ факты нашего „сознанія", или непосредственнаго, прямаго наблюденія надъ своими душевными опытами, къ составу которыхъ принадлежатъ и такъ-называемыя внѣшнія ощущенія. Слѣдовательно, выражая точнѣе взглядъ Декарта, мы можемъ сказать, что съ его точки зрѣнія, къ вещамъ очевиднымъ принадлежитъ, прежде всего, все то, что̀ называлось еще въ древности и также называется теперь — *явленіями* внутренними и внѣшними. Во-вторыхъ, въ сферу очевидности входятъ, по Декарту, усматриваемыя прямымъ образомъ отношенія между понятіями или терминами, напр., между понятіемъ мышленія и понятіемъ существованія. Но какъ явленія, такъ и указанныя отношенія между понятіями, составляютъ сферу „прямой", „непосредственной" очевидности. Опредѣлить кругъ непосредственной очевидности было великою заслугою со стороны Декарта; потому что, доказавши со всею строгостью невозможность подвергать сомнѣнію непосредственно-очевидныя истины, онъ довелъ до поразительной ясности границы скептицизма и указалъ непоколебимую точку опоры для всѣхъ научныхъ изслѣдованій. — Основою всѣхъ изслѣдованій Бэконъ призналъ опытъ, наблюденія; этою основою Декартъ объявляетъ факты прямаго сознанія, въ соединеніи съ услугами языка. Между обоими философами нѣтъ замѣтной разницы, пока дѣло идетъ о

вещахъ, которымъ свойственна непосредственная или прямая очевидность. — Спрашивается, далѣе: допускалъ ли Декартъ косвенную очевидность, — очевидность умозаключеній, — и какъ онъ опредѣлялъ кругъ ея предметовъ? — На этотъ разъ Декартъ оставляетъ насъ въ совершенной темнотѣ. Онъ принимаетъ косвенную очевидность, но нигдѣ не объясняетъ ея отличій отъ прямой. Притомъ, не взирая на свое признаніе очевидности критеріемъ истины, Декартъ усвоиваетъ себѣ платонову темную теорію врожденныхъ понятій, несостоятельность которой доказывалась еще въ древности. Отсюда, послѣ перваго, блестящаго шага въ своемъ выходѣ изъ состоянія абсолютнаго сомнѣнія, Декартъ становится сбивчивымъ, его заключенія теряютъ очевидность; предложенный имъ методъ оказывается несостоятельнымъ за предѣлами прямой очевидности. Какъ не ясны были взгляды Декарта на природу косвенной очевидности, видно изъ того, что даже „ноумены“ древнихъ онъ надѣялся ввести въ кругъ вещей очевидныхъ. Нѣкоторые изъ приверженцевъ Декарта, вслѣдствіе сбивчивости его собственныхъ выраженій, измѣнили даже первоначальный смыслъ его критерія истины, признавая таковымъ не ясность и раздѣльность „усмотрѣнія (перцепціи)“, а ясность и раздѣльность „идей“. Другіе (напр. Босиръ), объясняя декартовъ критерій, видятъ его въ раскрытіи смысла терминовъ даннаго предложенія, т.-е. въ очевидной правильности ихъ анализа — Такимъ образомъ выходитъ, что все сдѣланное Декартомъ для теоріи очевидности, не пошло дальше его знаменитаго: Cogito, ergo sum, — т.-е. фактовъ прямаго сознанія, и словесныхъ или аналитическихъ предложеній.

Разъясненіе природы очевидности, начатое Декартомъ, продолжено Локкомъ (1632—1704). Свой знаменитый „Опытъ о человѣческомъ умѣ“ Локкъ посвятилъ вопросу „о достовѣрности и объемѣ человѣческаго знанія, равно какъ объ основаніяхъ и степеняхъ вѣры и мнѣнія“, — т.-е. той самой темѣ, на которой остановился древній скептицизмъ, и которая занимала умы Бэкона и Декарта. Локкъ совершенно усвояетъ взглядъ Декарта на очевидность, какъ на критерій истины, ея достовѣрности, — и принимаетъ описаніе очевидности, какъ яснаго и раздѣльнаго усмотрѣнія истины предложеній. Знаніе, для Локка, есть ничто

иное, какъ усмотрѣніе соотвѣтствія между идеями предложеній и самыми вещами или фактами. Принимая очевидность критеріемъ истины, Локкъ возстаетъ противъ темноты и неопредѣленности научнаго изложенія, какъ противныхъ существеннымъ свойствамъ достовѣрныхъ истинъ. Но Локкъ пошелъ гораздо дальше Декарта, въ обработкѣ теоріи очевидности. Прежде всего, онъ обнаружилъ всю неосновательность смѣшенія ясности и раздѣльности усмотрѣнія истины предложеній — съ ясностью и раздѣльностью отдѣльныхъ идей или терминовъ. „Человѣкъ", говоритъ Локкъ, „имѣющій идею угловъ треугольника, и идею равенства двумъ прямымъ угламъ, — объ столь же ясныя, какъ у любого математика, можетъ, не взирая на это, имѣть очень темное усмотрѣніе ихъ совпаденія, а слѣдовательно, и темное знаніе послѣдняго". Темнота идей, конечно, препятствуетъ составленію такихъ предложеній, въ истинѣ которыхъ можно быть увѣрену самому; тѣмъ не менѣе, ее нельзя смѣшивать съ темнотою усмотрѣнія какихъ-нибудь отношеній между идеями

Далѣе, Локкъ обратилъ вниманіе на тотъ недостатокъ декартовой теоріи очевидности, который заключался въ неясномъ различеніи двухъ главныхъ видовъ очевидности, — прямой и косвенной. Локкъ замѣчаетъ, что существуетъ великое различіе въ способахъ усмотрѣнія истины предложеній. Истинность нѣкоторыхъ предложеній устатривается непосредственно: сюда относятся нѣкоторыя утвержденія тожества, разницы и равенства; напр., „что̀ есть, то̀ есть", „красное не синее"; „если отъ равныхъ количествъ отнять равныя количества, остатки будутъ равны". Такія истины Локкъ называетъ прямыми, непосредственными, интуитивными или наглядными. — Истины другихъ предложеній мы усматриваемъ только косвенно, т.-е. посредствомъ умозаключеній. Такимъ образомъ, желая узнать отношеніе между тремя углами треугольника и двумя прямымм углами, мы не можемъ достигнуть этого путемъ непосредственнаго усмотрѣнія, или прямымъ сравненіемъ первыхъ съ послѣдними. Мы пользуемся для того промежуточнымъ сравненіемъ трехъ угловъ треугольника съ какими-нибудь новыми углами; и находя, что первые равняются вторымъ, а вторые двумъ прямымъ, мы косвенно усматриваемъ, что три угла треугольника также равны двумъ прямымъ угламъ.

Истины, усматриваемыя такимъ образомъ, Локкъ называетъ косвенными.

Спрашивается теперь: какъ широка область прямой или интуитивной очевидности, по ученію Локка? — Вещами непосредственно очевидными могутъ быть, по Локку, во-первыхъ, наши психическія состоянія и дѣйствія и, во-вторыхъ, отношенія между нашими идеями. Это походитъ на ученіе Декарта о томъ же предметѣ, но опредѣленіе круга косвенной очевидности показываетъ ясно, что Локкъ стоитъ собственно на точкѣ зрѣнія Бэкона. Локкъ отвергаетъ декартову теорію врожденныхъ идей: по ученію Локка, всѣ первоначальныя идеи пріобрѣтаются человѣкомъ путемъ опыта, — именно, изъ показаній внѣшнихъ чувствъ и „рефлексіи“. — Подъ рефлексіею Локкъ разумѣетъ не только то, что нѣкоторые называютъ внутреннимъ чувствомъ, но и то, что другіе называютъ умственнымъ опытомъ, т.-е. наблюденіе надъ произведеніями ума, — знаками, ихъ смысломъ, словесностью, литературою, изящными произведеніями искусства. Первоначальныя идеи Локкъ называетъ простыми. „Умъ, однажды снабженный ими, обладаетъ способностью повторять ихъ, сравнивать, съ разнообразіемъ почти безконечнымъ, и такимъ образомъ, можетъ составлять изъ нихъ, по желанію, новыя, сложныя идеи. Но никакая проницательность, никакой обширный умъ, никакая быстрота или разнообразіе мысли, не въ состояніи произвести въ духѣ хоть одну новую простую идею, не вошедшую въ него вышеозначенными путями“, — т. е. путями ощущенія и рефлексіи. — Но если всѣ идеи происходятъ изъ опыта, то что же можетъ сообщить очевидность результатамъ умозаключеній, если не то, что обладаетъ очевидностью прямою, интуитивною? — Таково именно и есть ученіе Локка о природѣ косвенной очевидности. „Въ умозаключеніи, говоритъ онъ, каждый шагъ приближающій къ истинѣ, имѣетъ достовѣрность интуитивную“, т.-е. прямого опыта, внѣшняго или внутренняго, чувственнаго или умственнаго. А изъ этого слѣдуетъ, что очевидность косвенная не можетъ выйти изъ предѣловъ опыта, т.-е. признанія явленій и существованія являющихся вещей, — безъ всякой надежды разумѣнія послѣднихъ, какъ онѣ есть въ себѣ. „Не слѣдуетъ думать (какъ это часто дѣлаютъ), говоритъ Локкъ, что идеи суть точные образы и по-

добія чего-то присущаго предмету: ощущенія, происходящія въ духѣ, такъ же мало походятъ на нѣчто существующее внѣ насъ, какъ не походятъ названія, даваемыя нами идеямъ, на самыя идеи, которыя они могутъ вызывать въ насъ. — Идеи субстанцій суть, по Локку, идеи непзвѣстныхъ основаній (субстратовъ) извѣстныхъ качествъ или явленій. — Причины явленій существуютъ; и такъ какъ явленія постоянно происходятъ въ пзвѣстномъ, опредѣленномъ порядкѣ, то можно думать, что причины ихъ дѣйствуютъ по установленному для нихъ закону; но законъ этотъ неизвѣстенъ намъ; мы можемъ познавать ихъ только посредствомъ опыта, — т.-е. насколько онѣ представлены явленіями, и ихъ порядкомъ, постоянствомъ; — или, какъ позднѣе училъ Юмъ, насколько причины явленій даны въ ихъ неизмѣнныхъ предыдущихъ, открываемыхъ въ другихъ явленіяхъ.

Спрашивается: это ограниченіе прямой и косвенной очевидности предѣлами явленій и существованія ихъ неизвѣстныхъ причинъ — не есть ли скорѣе возвращеніе къ скептицизму, чѣмъ опроверженіе его? Въ чемъ состоитъ заслуга Локка въ борьбѣ съ послѣднимъ? — Заслуга Локка заключается въ новомъ торжествѣ надъ скептицизмомъ. Декартъ изгналъ его изъ области прямой очевидности; Локкъ вытѣснилъ его изъ безконечно широкой области косвенной очевидности. Поставляя косвенную очевидность внѣ всякаго спора, Локкъ открылъ безспорную область достовѣрныхъ истинъ косвеннаго порядка, — слѣдовательно, безспорную область науки. Скептицизмъ отвергъ науку; Локкъ, своею теоріею косвенной очевидности, ставитъ ее внѣ всякаго спора. Правда, Локкъ признаетъ ограниченность нашей способности знанія; и эти границы совпадаютъ у него съ границами явленій и существованія являющихся вещей: вещи въ себѣ, ноумены, выходятъ изъ области знанія. Но явленія, которыя скептики могли называть презрѣннымъ именемъ призраковъ, обмана чувствъ, — въ философіи Локка получили высокое значеніе субъективной дѣйствительности, міра сознанія, который, по своему значенію, величію и достоинству, можетъ стоять безконечно выше тѣхъ сверхчувственныхъ причинъ внѣшнихъ явленій, познанія которыхъ такъ добивалась древность.

Ученіе Локка объ очевидности установило кругъ ея предметовъ, или ея область, но не разъяснило въ подробностяхъ, почему

никакая косвенная очевидность, ни въ одномъ шагѣ „приближающемъ къ истинѣ“, не возможна безъ прямой или интуитивной, — безъ различнаго рода наблюденій, или опыта. Съ этою неполнотою локковой теоріи косвенной очевидности соединяются еще нѣкоторая темнота и неточность. Темнота вытекаетъ изъ локкова примѣра косвенной очевидности, приведеннаго выше, и названія послѣдней „демонстративною“, — что можно переводить терминомъ „дедуктивной“. Неточность заключается въ указаніи естественной разницы, по силѣ убѣдительности, между очевидностью прямою и косвенною, — безъ дополнительныхъ замѣчаній о томъ, какимъ образомъ косвенное усмотрѣніе истины предложеній можетъ достигать, и достигаетъ въ наукѣ, такой же поразительной ясности и раздѣльности, какъ и прямое. Всѣ эти недостатки локковой теоріи были раскрыты и дополнены совокупными усиліями ученыхъ XVIII и XIX столѣтія, достигшими своей высшей точки въ замѣчательнѣйшемъ произведеніи нашего столѣтія, въ „Системѣ дедуктивной и индуктивной логики“ Д. С. Милля, которую онъ назвалъ „связнымъ обзоромъ началъ очевидности“.

Сущность результатовъ, добытыхъ этими усиліями, заключается, ближайшимъ образомъ, въ безспорныхъ доказательствахъ той истины, что косвенная очевидность не есть послѣдствіе какого-нибудь приложенія простого взгляда къ отношеніямъ понятій, или понятій и явленій; — что ясность и раздѣльность косвеннаго усмотрѣнія не даются, а „создаются“, — суть произведеніе открытой и двойной повѣрки правильности доказательствъ, дедуктивныхъ и индуктивныхъ.

Если мы подвергнемъ психологическому анализу прямую или интуитивную истину предложеній, то найдемъ, что она есть произведеніе нѣкоторой повѣрки ихъ: когда я, думая, говоря, видя, утверждаю въ то же самое время, что „я думаю“, „говорю“, „вижу“, — истина послѣднихъ предложеній интуитивна, и очевидность ихъ зависитъ отъ усмотрѣнія ихъ правильности, даннаго скрытнымъ сравненіемъ ихъ — съ сопровождающими ихъ фактами или явленіями, — т.-е. скрытою повѣркою ихъ соотвѣтствія послѣднимъ. Точно также очевидность предложеній. „что̀ есть, то есть“, „$2+2=4$“, „причина есть предыдущее дѣйствія“, „цѣлое больше части“, „что мыслитъ, то существуетъ“, - достигается скрытною

повѣркою совпаденія или несовпаденія, полнаго или неполнаго, — понятій или терминовъ этихъ предложеній Очевидность нѣкоторыхъ изъ этихъ предложеній подкрѣпляется скрытною повѣркою другого порядка, — именно, повѣркою на частныхъ примѣрахъ, скрытно напоминаемыхъ этими предложеніями. Очевидность декартова сложнаго предложенія: „Cogito, ergo sum“ — „я мыслю, слѣд. существую“, — достигается путемъ скрытной повѣрки его на фактахъ мышленія, и на отношеніи понятій мышленія и существованія.

Такимъ же образомъ, и очевидность косвенная рождается, въ концѣ, изъ повѣрки, — но повѣрки открытой, каждый шагъ которой предоставленъ общей оцѣнкѣ, — и притомъ двойной, — повѣрки основаній умозаключеній, представляющихъ доказательство, — и повѣрки ихъ слѣдствій. Древніе не вполнѣ цѣнили повѣрку основаній, и почти не знали повѣрки слѣдствій. — Въ чемъ состоитъ эта двойная, открытая повѣрка?

Повѣрка, доставляющая очевидность индукціи, заключается, вопервыхъ, въ повѣркѣ полноты, подлинности и точности фактовъ, или „естественной исторіи“ явленія, составляющей основаніе индукціи. Затѣмъ, повѣрка выведеннаго изъ этихъ фактовъ слѣдствія, т. е. общаго предложенія или правила, состоитъ въ цѣлой системѣ техническихъ пріемовъ, постепенно исключающихъ возможность ошибки, пока ея невозможность не станетъ очевидною.

Повѣрка дедукцій заключается, прежде всего, въ повѣркѣ ея началъ, т. е. въ удостовѣреніи, принадлежатъ ли они къ очевиднымъ пріобрѣтеніямъ индуктивнаго изслѣдованія. Сложныя дедукціи только тогда имѣютъ прочныя основанія, когда представляютъ связныя сочетанія индукцій. Оба пункта этого ученія доведены въ „Логикѣ“ Д. С. Милля до поразительной ясности. Полная зависимость всѣхъ дедуктивныхъ доказательствъ отъ предшествующихъ имъ индукцій, въ формѣ началъ, доводится до очевидности тѣмъ, что всякая дедукція получаетъ силу доказательства только какъ скрытная индукція, — какъ выводъ частнаго изъ частныхъ случаевъ, дозволяемый правомъ на это, пріобрѣтеннымъ въ силу индукціи и помѣченнымъ посредствомъ общаго предложенія; — и что всякое дедуктивное умозаключеніе, не содержащее въ себѣ скрытной индукціи, будетъ, какъ доказательство, неизбѣжнымъ

софизмомъ, называемымъ Petitio principii. – Сложныя дедукціи суть ряды скрытныхъ индукцій.

Повѣрка дедуктивныхъ слѣдствій двояка: предварительная, формальная, заключающаяся въ повѣркѣ соотношенія понятій или терминовъ дедукцій, и окончательная, которая для наукъ реальныхъ состоитъ въ дѣйствіяхъ, заставляющихъ, говоря языкомъ Бэкона, самою природу признать ихъ вѣрность: — т. е. въ предсказаніяхъ, выводимыхъ изъ дедукцій и оправдывающихся на опытѣ, или въ какихъ-нибудь практическихъ приложеніяхъ ихъ слѣдствій, сопровождавшихся успѣхомъ.

Это даетъ ясно видѣть, какую роль играетъ опытъ въ дѣлѣ косвенной очевидности. Въ наукахъ реальныхъ, опытъ есть альфа и омега нашихъ умозаключеній Въ наукахъ формальныхъ, значеніе его столь же могущественно, хотя болѣе скрыто Аксіомы, играющія роль началъ въ формальныхъ наукахъ, имѣютъ реальную силу, только какъ обобщенія изъ опыта, или какъ индукціи; а ихъ опредѣленія или понятія суть также матеріалъ опыта, обработанный въ спеціальныхъ цѣляхъ.

Второе важнѣйшее пріобрѣтеніе, сдѣланное теоріей очевидности послѣ Локка, заключается въ строго обработанной системѣ всеобщихъ началъ очевидности. Техническіе пріемы повѣрки оставались бы дѣйствіями безотчетными, нѣкоторымъ научнымъ инстинктомъ, еслибы ихъ способность приводить къ очевидности не была объяснена, доказана, утверждена, указаніемъ ихъ всеобщихъ началъ, имѣющихъ достоинство аксіомъ. На этихъ началахъ опирается вся очевидность умозаключеній; это — послѣднія основы повѣрки или оцѣнки доказательствъ. Вся система этихъ началъ сведена, въ концѣ, къ тремъ порядкамъ началъ, самыхъ общихъ въ наукѣ: закону причинности, дающему аксіомы всѣхъ индукцій, аксіомамъ силлогизма и демонстраціи, изъ которыхъ выводятся всѣ правила дедукцій; и наконецъ, законамъ логической состоятельности, изъ которыхъ выводятся правила раскрытія смысла предложеній и ихъ взаимнаго согласія. Косвенная очевидность, индуктивная и дедуктивная, насколько она опредѣляется совокупностью этихъ всеобщихъ началъ очевидности, и есть „очевидность какъ предметъ логики“, или *логическая* очевидность научныхъ истинъ.

Чтобы закончить характеристику нашего предмета, отмѣтимъ

еще одну черту его, на которой въ послѣднее время настаивали нѣкоторые уважаемые ученые. Она состоитъ въ неизбѣжныхъ сопровожденіяхъ очевидности истины, заключающихся въ сознаніи ея „необходимости“ и «немыслимости» ея отрицанія, или предложенія ей противнаго — Главное изъ этихъ сопровожденій есть немыслимость отрицанія истины. Такъ какъ очевидность истины предложенія есть произведеніе скрытой или открытой повѣрки его, убѣждающей въ невозможности ошибки: то ясно, что при данной очевидности истины предложенія, отрицаніе послѣдней становится недопустимымъ, немыслимымъ. Вслѣдствіе двусторонности всѣхъ нашихъ сужденій, немыслимость иного результата повѣрки становится необходимостью результата уже полученнаго. При немыслимости отрицанія, необходимо утвержденіе; при немыслимости утвержденія, необходимо отрицаніе.

Ученіе о немыслимости противнаго данному предложенію, какъ о критеріѣ достовѣрности послѣдняго, возобновлено было, въ наше время, съ особенною силою Гербертомъ Спенсеромъ. Послѣдній опредѣляетъ немыслимое предложеніе слѣдующимъ образомъ: „немыслимо то предложеніе, говоритъ онъ, термины котораго никакимъ усиліемъ не могутъ быть приведены, въ нашемъ сознаніи, въ то отношеніе, какое между ними утверждается этимъ предложеніемъ; — иначе предложеніе, котораго подлежащее и сказуемое представляютъ непреодолимое препятствіе къ соединенію ихъ въ мысли“. Въ примѣръ немыслимаго предложенія Гербертъ Спенсеръ приводитъ утвержденіе, что „одна сторона треугольника равна суммѣ двухъ другихъ“. Двѣ стороны треугольника, въ своей соединенной длинѣ, не могутъ быть представлены въ мысли равными третьей сторонѣ, безъ разрушенія самаго понятія о треугольникѣ... Это значитъ, что подлежащее и сказуемое этого предложенія не могутъ быть соединены въ одной и той же интуиціи.

Ученіе Герберта Спенсера вовлекло его въ споры съ Д. Стюартомъ Миллемъ и другими писателями, указывавшими слабыя стороны его теоріи. Главнѣйшій недостатокъ ученія Г. Спенсера состоитъ въ томъ, что онъ въ немыслимости видитъ не простое сопровожденіе очевидности, а ея сущность, или единственный критерій достовѣрности. Между тѣмъ, немыслимость имѣетъ значеніе второстепенное, только какъ дополнительная характери-

стика очевидности: испытаніе истины предложенія одною немыслимостью его отрицанія, или безъ той повѣрки, которая, какъ мы видѣли, создаетъ его очевидность, — могло бы приводить къ ошибочнымъ заключеніямъ. — Другой видный недостатокъ ученія Г. Спенсера состоитъ въ его неполнотѣ. Г. Спенсеръ останавливается на немыслимости отрицанія истинъ прямыхъ или интуитивныхъ; между тѣмъ очевидно, что та же немыслимость отрицанія сопровождаетъ и очевидность умозаключеній. Если А равно В, и В равно С, очевидно, что А равно С, и въ то же время немыслимо, чтобы оно было больше или меньше С. — Далѣе, Г. Спенсеръ занятъ исключительно немыслимостью отрицанія предложеній, истина которыхъ очевидна изъ самыхъ терминовъ, или которыя обладаютъ формальною, иначе вербальною очевидностью; но таже немыслимость отрицанія сопровождаетъ и другого рода очевидность, — изъ самыхъ фактовъ, или наведеній, — называемую реальною. При этомъ, немыслимость реальная можетъ сосуществовать съ формальною мыслимостью. Г. Спенсеръ, въ примѣръ мыслимаго предложенія, приводитъ утвержденіе, что ядро, пущенное въ Европѣ изъ современной пушки, можетъ достигнуть Америки; между тѣмъ нельзя не замѣтить, что мыслимость этого утвержденія неполная: формально оно, конечно, мыслимо: но реально, безъ сомнѣнія, немыслимо.

Разсматривая необходимость предложенія, какъ другое выраженіе немыслимости его противнаго, Гербертъ Спенсеръ не останавливается на этой чертѣ очевидныхъ истинъ; но именно эта черта издавна привлекала вниманіе многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, между которыми выдаются въ этомъ отношеніи Ульрици, Карлъ Герингъ и Вундтъ. — Останавливаясь на критеріѣ интуитивныхъ истинъ, Вундтъ замѣчаетъ, что „мышленіе, гораздо больше, чѣмъ всякое другое психическое отправленіе, носитъ на себѣ тотъ характеръ внутренней необходимости, въ силу котораго мы приписываемъ его сочетаніямъ непосредственную достовѣрность“. — Подобно тому какъ Г. Спенсеръ видѣлъ сущность очевидности истины въ немыслимости ея отрицанія, Ульрици видитъ ее въ необходимости истины. Математики, разсуждаетъ Ульрици, допускаютъ непосредственную очевидность нѣкоторыхъ аксіомъ, — напр. слѣдующей: „двѣ вещи равныя третьей равны между

собою". А почему? Потому что мы не въ состояніи мыслить иначе; потому что это составляетъ для насъ умственную необходимость: «равное мы можемъ мыслить только какъ равное и не можемъ мыслить какъ неравное». — Непосредственно не видно, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ, но когда математикъ доказалъ мнѣ это, оно становится для меня очевиднымъ: „т. е. я получаю не только ясное, опредѣленное усмотрѣніе этого равенства, но и сознаніе его необходимости". Что сказано относительно дедукцій, то же вполнѣ прилагается, по словамъ Ульрици, и къ индукціямъ. Наведеніе Ньютона, что „тотъ же законъ и та же сила, которые причиняютъ паденіе тѣлъ на землѣ, — опредѣляютъ и движеніе тѣлъ небесныхъ", получило общее признаніе, потому, что никто, до сихъ поръ, не могъ доказать, чтобы это могло быть мыслимо иначе, или чтобы не было необходимости въ его принятіи. — Разсматривая значеніе необходимости истинъ, въ качествѣ критерія ихъ достовѣрности, мы должны повторить здѣсь то же замѣчаніе, которое, по этому пункту, было высказано нами относительно немыслимости отрицанія. Испытаніе достовѣрности истинъ ихъ необходимостью можетъ быть только дополнительнымъ, но отнюдь не самостоятельнымъ, или независимымъ отъ очевидности, достигаемой повѣркою другого рода.

Соединяя вмѣстѣ всѣ указанныя черты очевидности, получимъ слѣдующую полную характеристику послѣдней:

„Очевидность истины предложеній, составляющая критерій ихъ достовѣрности, заключается въ ясномъ и раздѣльномъ усмотрѣніи ихъ соотвѣтствія предметамъ, производимомъ ихъ повѣркою, и сопровождающемся сознаніемъ ихъ необходимости, или немыслимости ихъ отрицанія. Очевидность косвенная отдѣляется отъ прямой — открытою и двойною повѣркою умозаключеній".

Эта характеристика позволяетъ точнѣе опредѣлить область научной, т. е. косвенной очевидности; — потому что очевидность прямая не можетъ быть увеличена никакою научною техникою: прямыя истины составляютъ исходный пунктъ научныхъ изслѣдованій. — Очевидность косвенная, — индуктивныхъ и дедуктивныхъ доказательствъ, — есть очевидность реальная, — иначе, не заключается въ одной необходимости мысли, а состоитъ

въ необходимости вещей, фактовъ, реальныхъ отношеній. Теперь, необходимость реальныхъ отношеній равносильна ихъ всеобщности. Выраженія „это необходимо“, „это не можетъ не быть“, имѣютъ одинъ реальный смыслъ: „это всегда бываетъ“. Такимъ образомъ, необходимость реальнаго отношенія означаетъ его универсальность, его присутствіе во всѣхъ вещахъ или случаяхъ извѣстнаго класса, — иначе сказать, его неизмѣнность, постоянство, однимъ словомъ *законъ*, въ широкомъ смыслѣ этого термина. Слѣдовательно, очевидность, составляющая цѣль науки и предметъ логики, есть очевидность „закона“. Законы природы и человѣческой дѣятельности, — вотъ единственная область научной очевидности. Законы, въ смыслѣ реальныхъ тенденцій, силъ, началъ, — вотъ предметы очевидности индуктивной. Законы въ дѣйствіяхъ, произведеніяхъ, слѣдствіяхъ, — вотъ предметъ очевидности дедуктивной. Все что выходитъ изъ предѣловъ очевидности закона, составляетъ или одинъ матеріалъ науки, или относится къ области вѣроятностей и простой мыслимости вещей.

Ученіемъ объ очевидности истинъ, въ которой найденъ и установленъ критерій ихъ достовѣрности, полагается предѣлъ отрицаніямъ знанія и науки; но этимъ не уничтожены попытки противоположнаго характера, — расширять область знанія и науки дальше ихъ естественной, т.-е. логической границы. Многіе говорятъ о наукѣ тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія логической достовѣрности, существуетъ только нѣкоторое приближеніе къ ея тицу; говорятъ о знаніи, гдѣ есть одно мнѣніе, или одна остроумная мысль; говорятъ объ очевидности, гдѣ есть одна вѣроятность, или простая мыслимость. Недоразумѣнія этого рода способны также вредить наукѣ, какъ и ея отрицаніе, ослабляя рвеніе къ открытію научныхъ истинъ или сосредоточивая работу людей, часто талантливыхъ и геніальныхъ, на однихъ призракахъ такихъ истинъ Мы остановимся на двухъ главныхъ видахъ этого логическаго, или точнѣе, нелогическаго, фальшиваго, оптимизма: именно, на смѣшеніи съ достовѣрностью логическою или научною, — во-первыхъ, такъ-называемой *практической*, и во-вторыхъ, *онтологической* или *метафизической*.

Практическая достовѣрность занимаетъ вниманіе ученыхъ,

главнымъ образомъ, въ двухъ видахъ, — какъ достовѣрность свидѣтельства, и какъ достовѣрность внушеній сердца и воли. Оба вида носятъ у многихъ названіе „моральной“, или нравственной достовѣрности; но французскіе ученые нашего времени усвоиваютъ это имя обыкновенно послѣднему, — т.-е. достовѣрности какъ произведенію чувствъ и воли.

Практическая достовѣрность или очевидность, разсматриваемая во всѣхъ своихъ формахъ съ логической точки зрѣнія, есть не что иное какъ *вѣроятность*. Мы убѣдимся въ этомъ, обративши вниманіе на отличія вѣроятности отъ достовѣрности. Что такое вѣроятность? – Вѣроятность есть произведеніе неочевидности, или неполной очевидности. Школа Вольфа, имѣя въ виду декартово описаніе очевидности, — опредѣляла вѣроятность какъ недостатокъ „ясности“ и „раздѣльности“. Локкъ, объяснившій глубже характеръ очевидности, вѣроятность предложеній, представляемыхъ слѣдствіями нѣкоторыхъ умозаключеній, выводитъ изъ неполноты интуитивнаго характера отдѣльныхъ частей этихъ умозаключеній или доказательствъ, т.-е. изъ недостатка прямыхъ наблюденій. Вѣроятность, говоритъ Локкъ, „означаетъ такое предложеніе, въ пользу котораго есть нѣкоторые аргументы или доводы, располагающіе къ признанію или принятію его за истину. Отношеніе нашего духа къ этому роду предложеній называется *довѣріемъ, вѣрою* или *мнѣніемъ*, что означаетъ признаніе или принятіе предложенія за истину, на основаніи аргументовъ или доводовъ, достаточно убѣдительныхъ, чтобы принять его за истину, не зная однако достовѣрно, что оно дѣйствительно таково. Въ томъ именно и заключается разница между вѣроятностью и достовѣрностью, между вѣрою и знаніемъ, что во всѣхъ частяхъ знанія присуща интуиція; что здѣсь каждая отдѣльная идея, каждый шагъ имѣетъ свою наглядную и достовѣрную связь; съ довѣріемъ — иначе. То, что заставляетъ меня чему-нибудь вѣрить, само чуждо той вещи которой я вѣрю, — не связано съ нею очевиднымъ образомъ обѣими сторонами, и потому не показываетъ явно соотвѣтствія или несоотвѣтствія разсматриваемыхъ идей“. — Съ точки зрѣнія послѣдующихъ писателей, вѣроятность есть слѣдствіе отсутствія полной повѣрки, доводящей истину заключенія до очевидности. Умозаключенія даютъ одну вѣроятность, когда бываютъ не про-

вѣрены или въ своихъ основаніяхъ, — какъ выводы изъ гипотезъ — или въ своихъ слѣдствіяхъ, какъ популярныя наведенія. Тотъ же результатъ еще скорѣе получается тогда, когда повѣрка не оправдываетъ основаній, — какъ это бываетъ въ заключеніяхъ по аналогіи, — или открываетъ противные шансы, — какъ бываетъ съ заключеніями изъ приблизительныхъ обобщеній, или изъ большинства случаевъ. Въ природѣ вѣроятности нѣтъ полныхъ ручательствъ въ томъ, чтобы предложеніе вѣроятное впослѣдствіи не оказалось ложнымъ: въ этомъ существенное отличіе вѣроятности отъ достовѣрности.

Характеръ вѣроятности позволяетъ сдѣлать логическую оцѣнку практической достовѣрности, начиная съ достовѣрности свидѣтельства, исторической и судебной.

Достовѣрность свидѣтельства есть очевидность и достовѣрность sui generis, — т.-е., не есть логическая, не есть evidentia, certitudo, а только credibilitas, probabilitas, однимъ словомъ — вѣроятность. Вѣроятность свидѣтельства можетъ достигать такой высоты, на которой оно обладаетъ извѣстною несомнѣнностью, на которой мы не можемъ ему не вѣрить. Но эта несомнѣнность вѣры отличается отъ несомнѣнности знанія. При полномъ убѣжденіи въ истинѣ свидѣтельства, при твердой вѣрѣ въ нее, мы остаемся, по прежнему, безъ знанія предмета свидѣтельства — съ логической точки зрѣнія, т.-е. безъ свойственной знанію очевидности. Достовѣрность свидѣтельства, при всей „несомнѣнности“ его предмета, не обладаетъ тѣмъ, что составляетъ „извѣстность“ послѣдняго, что дается полною интуитивностью, или наглядностью каждаго шага логически достовѣрнаго доказательства. Когда истинность факта или закона доказывается однимъ свидѣтельствомъ,—фактъ или законъ, и свидѣтельство объ нихъ не связаны, въ сознаніи принимающаго послѣднее, никакой интуиціею: ихъ соотвѣтствіе недоступно непосредственному усмотрѣнію, а слѣдовательно и той окончательной повѣркѣ, которая могла бы сообщить ему логическую очевидность Такимъ образомъ, очевидность и достовѣрность свидѣтельства, съ логической точки зрѣнія, никогда не выходятъ изъ предѣловъ вѣроятности.

Отдѣленіе достовѣрности свидѣтельства, отъ достовѣрности логической, начато еще Декартомъ и его школою. Достовѣрность

перваго рода Декартъ назвалъ „моральною", т. е., какъ онъ самъ говоритъ объ ней, „достаточною для руководства нашей нравственности, или настолько же великою, какъ и достовѣрность того, въ чемъ мы не сомнѣваемся, когда касаемся практическихъ вопросовъ, хотя знаемъ, что, абсолютно говоря, оно можетъ быть и ложнымъ". „Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, тѣ, кто не былъ въ Римѣ, не сомнѣваются, что есть такой городъ въ Италіи; хотя бы могло случиться, что всѣ, говорившіе имъ объ этомъ, обманули ихъ. И если кто нибудь, отгадывая шифръ, написанный обыкновенными буквами, попробуетъ читать В, гдѣ стоитъ А, — и С, гдѣ стоитъ В, — кратко, вмѣсто каждой буквы, ставить другую, слѣдующую за ней въ порядкѣ азбуки, — и читая такимъ образомъ, получитъ слова имѣющія смыслъ: то онъ, конечно, не усомнится въ томъ, что найденный имъ смыслъ и есть истинный смыслъ шифра, хотя написавшій шифръ могъ вложить въ него другой смыслъ, придавая каждой буквѣ другое значеніе". — Декарту слѣдуютъ въ этомъ авторы „Логики Поръ-Рояля", отличая очевидность отъ авторитета, и знаніе отъ вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчая, что есть вещи, въ которыя мы не можемъ не вѣрить, не смотря на то, что вѣра въ свидѣтельство людей, сама по себѣ, не гарантирована отъ ошибокъ и обмана.

Декартъ и его школа, различая между достовѣрностью свидѣтельства, и достовѣрностью научныхъ истинъ, не входили въ точное опредѣленіе этой разницы, съ логической точки зрѣнія. Это сдѣлано впервые Локкомъ, и притомъ, съ такимъ успѣхомъ, что послѣдующіе писатели Англіи не входили вновь въ подробную оцѣнку этого предмета. — Достовѣрность свидѣтельства, историческую и судебную, Локкъ призналъ только вѣроятностью. Высказывая это опредѣленіе, Локкъ старается предупредить возможныя при этомъ недоразумѣнія. Вѣроятность истины не отрицаетъ возможности увѣренности въ ней. „Между истинами вѣроятными, говоритъ Локкъ, есть истины, такъ близко подходящія къ достовѣрнымъ, что мы нисколько не сомнѣваемся относительно ихъ предмета: мы принимаемъ ихъ съ такою увѣренностью, и дѣйствуемъ, вслѣдствіе этого принятія, съ такою твердостью, какъ будто онѣ доказаны безспорнымъ образомъ, и мы имѣемъ въ нихъ совершенное и очевидное знаніе". — Это общее замѣчаніе вполнѣ

прилагается къ истинѣ свидѣтельствъ. „Когда какой нибудь частный фактъ, совпадающій съ постоянными наблюденіями, которыя намъ самимъ и другимъ приходилось имѣть въ подобномъ случаѣ, — засвидѣтельствованъ согласными показаніями всѣхъ разсказывавшихъ объ немъ, то мы принимаемъ его такъ же скоро, и опираемся на него такъ же твердо, какъ бы у насъ было достовѣрное знаніе объ немъ: и мы разсуждаемъ и дѣйствуемъ вслѣдствіе этого съ такою же несомнѣнностью, какъ будто мы получили совершенное доказательство". Такимъ образомъ, если бы всѣ англичане, говорившіе о прошлой зимѣ, утверждали, что тогда были въ Англіи морозы, — англичанинъ, не бывшій прошлою зимою въ Англіи, почти также не сомнѣвался бы въ этомъ, какъ и въ томъ, что „семь и четыре составляютъ одинадцать". Точно также мы относимся къ разсказамъ о томъ, что кто нибудь согрѣлся отъ огня; что свинецъ на огнѣ растопился; и т. д. Вѣроятности этого рода настолько подходятъ къ достовѣрности, что управляютъ нашими мыслями столь же безусловно, и оказываютъ вліяніе на наши дѣйствія столь же полное, какъ и самое очевидное доказательство". Съ точки зрѣнія нашей увѣренности, замѣчаетъ Локкъ, мы различаемъ мало, или даже вовсе не различаемъ, между этими вѣроятностями и достовѣрнымъ знаніемъ. Вѣроятности этого рода „такъ же мало оставляютъ намъ свободы *вѣрить* или не вѣрить, какъ доказательство — свободы *знать* или не знать". — Тѣмъ не менѣе, даже такого рода несомнѣнныя свидѣтельства, съ логической точки зрѣнія не освобождаются отъ характера вѣроятностей, — иначе сказать, не пріобрѣтаютъ логической достовѣрности. Причина тому — недостатокъ интуитивности или „непосредственнаго усмотрѣнія", во всѣхъ заключеніяхъ, построенныхъ на свидѣтельствахъ. Локкъ объясняетъ этотъ недостатокъ слѣдующимъ наглядным примѣромъ. Пусть два лица имѣютъ дѣло съ такою теоремою геометріи: „три угла треугольника равны двумъ прямымъ". Одинъ видитъ ясно отношеніе равенства между тремя углами треугольника и нѣкоторыми другими углами, затѣмъ — тоже отношеніе между послѣдними и двумя прямыми, такъ что каждый шагъ доказательства этой теоремы для него очевиденъ непосредственно; и это дѣлаетъ то, что онъ имѣетъ достовѣрное знаніе равенства трехъ угловъ треугольника двумъ прямымъ. Другой

никогда не разсматривалъ доказательства этой теоремы, а только услышалъ отъ какого-нибудь почтеннаго математика, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ, и усвоилъ себѣ это утвержденіе, т. е. принялъ его за истину: въ этомъ случаѣ основаніемъ принятія будетъ простая вѣроятность вещи, оправдывающаяся въ большинствѣ случаевъ; потому что лицо, на основаніи свидѣтельства котораго онъ принялъ ее, не имѣетъ обыкновенія утверждать что нибудь въ противноеть своему знанію или вовсе безъ знанія о томъ. — Относительно свидѣтельствъ исторіи и показаній на судѣ, мы никогда не выходимъ изъ положенія этого второго лица: при всѣхъ достоинствахъ свидѣтелей и свидѣтельствъ, мы остаемся съ однѣми вѣроятностями, — которымъ, правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можемъ не вѣрить, такъ какъ онѣ очень близко подходятъ къ логической достовѣрности. — Опредѣляя такимъ образомъ природу достовѣрности свидѣтельства, Локкъ не сходится со школою Декарта въ своемъ отношеніи къ исторіи. По замѣчанію Робера, въ школѣ Декарта существовало нѣкоторое презрѣніе къ послѣдней; Локкъ напротивъ заявляетъ, что онъ не желалъ бы, чтобы кто-нибудь заподозрилъ въ немъ стремленіе „уменьшить авторитетъ и пользу исторіи; именно ей, говоритъ онъ, мы обязаны всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, какой имѣемъ въ большинствѣ случаевъ“.

Ученіе Локка усвоено лучшими писателями Англіи объ этомъ предметѣ. Въ своей разработанной теоріи критики „свидѣтельства другихъ“, Гэмильтонъ сводитъ ее къ оцѣнкѣ „исторической вѣроятности“ (Hystorical Credibility). Бестъ, которому въ англійской литературѣ принадлежитъ классическое сочиненіе„ О началахъ судебной очевидности“, кладетъ, въ основу его, теоріи Локка, и ставитъ юриспруденцію въ связь съ „нашею способностью сужденія на основаніи вѣроятности“. — Бэнъ, авторитетъ котораго въ вопросахъ логики выше всякаго сомнѣнія для ученыхъ нашего времени, такъ говоритъ о томъ же предметѣ: „Двѣ существенныя формы очевидности, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое приложеніе къ практичевкой жизни, суть очевидность судебная и очевидность историческая. Оба отдѣла очевидности имѣютъ много общаго. Очевидность, достигаемая въ судебныхъ рѣшеніяхъ и правѣ, точно также какъ и въ предметахъ исторіи, есть ничто

иное какъ вѣроятность, и приближается къ достовѣрности не иначе, какъ черезъ накопленіе вѣроятностей". — Изъ нѣмецкихъ писателей, останавливавшихся на этомъ предметѣ, нельзя не упомянуть о Летце, „Логика" котораго занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ новѣйшей германской литературѣ этой науки. „Всюду, говоритъ Летце, гдѣ намъ не достаетъ непосредственнаго усмотрѣнія, мы ограничены, въ сужденіяхъ о дѣйствительности, одною вѣроятностью, и должны изыскивать средства, какими можно сообщить ей достаточное для нашихъ цѣлей приближеніе къ достовѣрности".

Ученіе о природѣ достовѣрности свидѣтельства объяснятъ одну изъ причинъ, почему Бэконъ, въ своемъ знаменитомъ дѣленіи всѣхъ произведеній человѣческаго ума, исторію отдѣляетъ отъ науки. Исторія, какъ разсказъ, основанный на свидѣтельствахъ, не есть наука. Каково бы ни было достоинство свидѣтельствъ, съ точки зрѣнія исторической критики, — основанная только на однихъ свидѣтельствахъ, исторія не выходитъ изъ области вѣроятностей, — слѣдовательно, остается за предѣлами науки, какъ системы достовѣрныхъ истинъ. Вѣроятность истинъ историческаго разсказа, основаннаго на однихъ свидѣтельствахъ, и есть первоначальный *субъективный* характеръ этихъ истинъ. Сдѣлать исторію наукою, значитъ уничтожить этотъ субъективизмъ исторіи; — значитъ придать историческимъ истинамъ логическую достовѣрность; значитъ, наконецъ, сдѣлать исторію изслѣдованіемъ того, что составляетъ единственный предметъ науки, — „изслѣдованіемъ законовъ, управляющихъ коллективными дѣйствіями человѣческаго рода и различными составными явленіями общественной жизни" (Ліяръ). Такое преобразованіе исторіи въ науку слѣдуетъ признать самымъ труднымъ дѣломъ науки, — вѣнцомъ ея будущихъ тысячелѣтнихъ успѣховъ; но величайшіе авторитеты въ дѣлѣ логики уже намѣтили пути этого преобразованія. Историческіе законы, открываемые первоначально простѣйшими пріемами индуктивнаго изслѣдованія, и представляющіе обобщенія, не гарантированныя въ своемъ научномъ, достовѣрномъ характерѣ, должны пріобрѣсти послѣдній, какъ скоро будутъ выведены дедуктивно изъ общихъ законовъ человѣческой природы, изучаемыхъ физіологіею и системою наукъ психологіи. Обработанные такимъ об-

разомъ, историческіе законы достигнутъ не только прямой цѣли научныхъ обобщеній въ этомъ отдѣлѣ знаній, — т.-е. объясненія историческихъ фактовъ, — но и другой, косвенной, — увеличенія достовѣрности этихъ фактовъ. Согласіе свидѣтельствъ съ историческими законами увеличитъ достовѣрность свидѣтельствъ; а противорѣчіе послѣднихъ тѣмъ же законамъ отниметъ у нихъ характеръ даже простой вѣроятности. — Что касается очевидности судебной, то, въ отдѣлѣ уголовнаго судопроизводства, ея приближеніе къ достовѣрности стараются обезпечить характеромъ предварительнаго слѣдствія, и слѣдствія на судѣ, устройствомъ обвиненія и защиты, и устраненіемъ всякихъ постороннихъ вліяній на рѣшеніе суда въ институтѣ присяжныхъ засѣдателей.

Достовѣрность свидѣтельства составляла издавна предметъ вниманія мыслителей. Но тотъ видъ практической достовѣрности, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, обратилъ на себя особенное вниманіе только въ недавнее время, и притомъ главнымъ образомъ французскихъ писателей, усвоившихъ ему названіе достовѣрности „моральной“ или нравственной по преимуществу. Гейтэ называетъ французскихъ писателей, занимавшихся разработкою этого предмета, „французскими неокантійцами“, указывая этимъ на нѣкоторую связь ихъ ученія съ практическою философіею Канта. Этимъ названіемъ будемъ пользоваться и мы.

„Моральная достовѣрность“ (certitude morale) французскихъ неокантійцевъ изслѣдуется ими какъ одинъ изъ видовъ практической достовѣрности, отличающійся отъ достовѣрности логической и своимъ происхожденіемъ, и областью своихъ предметовъ. Логическая достовѣрность есть, по ихъ ученію, произведеніе ума; между тѣмъ какъ моральная независима отъ него, и составляетъ произведеніе сердца и воли. Область логической достовѣрности есть область очевидности, доставляемой умомъ; область моральной достовѣрности есть область вѣры, рождаемой сердцемъ и волею. Предметы логической достовѣрности — явленія и ихъ законы; предметы моральной достовѣрности — вещи сверхчувственныя, трансцендентныя, — каковы, главнымъ образомъ, бытіе Бога и безсмертіе человѣческой души.

Французскіе изслѣдователи моральной достовѣрности признаютъ связь своихъ работъ съ ученіемъ Ренувье. Послѣдній, по

его словамъ, поставилъ себѣ цѣлью — освободить критицизмъ Канта, въ области практическихъ вопросовъ, отъ тѣхъ элементовъ, которые вносятъ въ него темноту и противорѣчія, — т.-е. отъ кантовой теоріи „чистыхъ“, независимыхъ отъ опыта, началъ. Въ своемъ анализѣ достовѣрности, Ревувье различилъ три элемента; элементъ усмотрѣнія, — чувственнаго или умственнаго, — элементъ страстный, и элементъ воли. „Систематически, говоритъ онъ, мы ничего не можемъ утверждать безъ представленія какой-нибудь группы отношеній, какъ истинной, — точно такъ же какъ и безъ привлекательности какого-нибудь рода, побуждающей насъ остановиться на усматриваемой истинѣ, — и, наконецъ, безъ рѣшенія воли, составляющагося тогда, когда повидимому еще бываетъ возможность помедлить сужденіемъ, или для того, чтобы поискать для него новыхъ мотивовъ, или даже просто вслѣдствіе вліянія текущихъ“. — Это ученіе о природѣ достовѣрности обратило вниманіе французскихъ ученыхъ указаніемъ на два послѣдніе элемента достовѣрности, — т.-е. страстный и свободный, преобладаніемъ которыхъ „моральная“ достовѣрность отличается, по ихъ ученію, отъ логической, производимой собственно первымъ элементомъ, т.-е. усмотрѣніемъ или очевидностью. Вліяніе Ренувье отразилось особенно на Брошарѣ, Оле-Лапрюнѣ, Ліярѣ, Бутру, Марьонѣ, Гейтэ. — Роль сердца въ образованіи убѣжденія, съ особенною подробностью раскрыта у послѣдняго, воспользовавшагося, въ своемъ изслѣдованіи, всѣми указаніями своихъ предшественниковъ. Гейтэ называетъ сердце просто страстью (passion); а подъ страстью разумѣетъ любовь и ненависть, которыя мы чувствуемъ къ нѣкоторымъ представленіямъ. „Умъ, говоритъ Гейтэ, приводитъ въ порядокъ факты, — психологическіе или другіе, — раздѣляетъ ихъ на классы, размышляетъ объ нихъ; но заключеніе, выводимое имъ изъ нихъ, нерѣшительно, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ положеніи. Страстямъ принадлежитъ свойство — пособлять его темнотѣ, давать опору нашимъ вѣрованіямъ. Послѣднія выражаютъ тогда нашу природу, наши инстинкты, или скорѣе сами суть не что иное, какъ наши инстинкты, наша сознательная, мыслительная природа. По закону мысли, одна идея вызываетъ вмѣстѣ съ собою другую, противоположную: относительное напоминаетъ абсолютное, случайность — субстанцію,

смерть — безсмертіе. Исполнивши свою роль, т. е. представивши сознанію человѣка двѣ противоположныя идеи, какъ равно возможныя, умъ предоставляетъ самому человѣку заботу рѣшить, какой идеѣ онъ хочетъ вѣрить, и къ какой хочетъ отнестись утвердительно". — Отъ общихъ соображеній о роли чувствъ, Гейтэ переходитъ къ вліянію ихъ на высшія вѣрованія человѣка — въ бытіе Бога и безсмертіе души. — Существуетъ ли Богъ? спрашиваетъ Гейтэ. „Чистая логика, говоритъ онъ, спрошенная по этому поводу, хранитъ молчаніе"... А между тѣмъ мы утверждаемъ, что Богъ существуетъ. Почему? „Безъ сомнѣнія потому, говоритъ онъ, что все наше существованіе покоится на этомъ вѣрованіи. Безъ него рушились бы наши надежды; міръ показался бы неразрѣшимою загадкой; жизнь — тяжелымъ бременемъ, отъ котораго скорѣе слѣдуетъ освободиться". — Тоже и съ безсмертіемъ души: „Мы любимъ видѣть себя живущими по ту сторону могилы. Разумъ бросаетъ очень слабый свѣтъ на эту будущую жизнь; онъ даже поднимаетъ страшныя возраженія противъ этого... Но сердце сильнѣе ума. Эта могущественная любовь, которою мы одушевлены къ бывшимъ намъ близкимъ; эта непреодолимая притягательная сила, оказываемая на насъ нравственнымъ закономъ; эта глубокая привязанность ко всему, что́ есть движеніе и жизнь; всѣ эти страсти заставляющія насъ любить тѣ немногіе дни, которые мы проводимъ здѣсь, на землѣ, — врываются въ сферу идей внушаемыхъ умомъ, и отвѣчающія имъ переводятъ изъ простой возможности въ дѣйствительность: онѣ преобразуютъ ихъ въ вѣрованія". — Роль воли въ образованіи увѣренности очерчена съ особенною раздѣльностью Оле-Лапрюномъ. Возможность знанія достигается нѣкоторою подготовкою нужныхъ для того средствъ; а эта подготовка, большею частію, есть произведеніе воли. „Воля, говоритъ Оле-Лапрюнъ, избираетъ предметъ, на которомъ останавливается духъ"; она „сосредоточиваетъ его на той области, гдѣ онъ долженъ работать". Волѣ обязанъ духъ тѣми предосторожностями, которыя предохраняютъ его отъ заблужденій, — устраненіемъ препятствій для правильности его дѣйствій; и т. д. Но этою подготовительною работою еще не исчерпывается роль воли: воля участвуетъ, по ученію Оле-Лапрюна, въ самомъ процессѣ сужденія. Онъ различаетъ между признаніемъ (assenti-

ment) истины, и ея принятіемъ (consentiment). „Признаніе, говоритъ онъ, невольно; но принятіе, которое прибавляется къ нему, или скорѣе какъ бы скрывается въ немъ, произвольно“. Часто бываетъ, что несмотря на очевидность, зарождающую убѣжденія, люди упорно продолжаютъ отвергать истину, или желаютъ, чтобы истина не была истиною. — Принятіе истинъ нравственнаго порядка есть именно спеціальное дѣло воли. Истины эти — свобода, долгъ, бытіе Бога, безсмертіе души, — для человѣческаго ума темны, закрыты. Воля является здѣсь на помощь разуму, принося съ собою „нравственную вѣру“, и съ нею достовѣрность другого порядка, отличную отъ логической.

Несмотря на нѣкоторыя разницы въ ученіи французскихъ неокантійцевъ о „моральной“ достовѣрности, сущность его остается у всѣхъ та же самая и сводится къ тому, что кромѣ достовѣрности ума или логической, есть другая достовѣрность, составляющая произведеніе другихъ способностей духа, — сердца и воли, которыя именно и утверждаютъ умъ въ принятіи истинъ „нравственнаго порядка“. Психологическій анализъ этихъ писателей, оправдывающій ихъ взглядъ на роль сердца и воли въ дѣлѣ нашихъ убѣжденій, отличается тонкостью и убѣдительностью. Но затѣмъ остается вопросъ: что такое „моральная“ достовѣрность съ логической точки зрѣнія, — т. е. съ точки зрѣнія очевидности? Ясно, что, въ этомъ отношеніи, „моральная“ достовѣрность не отличается отъ другихъ видовъ практической достовѣрности, и есть не что иное какъ вѣроятность. Такъ именно достовѣрность этого рода и была оцѣнена у главы французскихъ неокантійцевъ, Ренувье. Очертивши роль сердца и воли, въ произведеніи нравственныхъ убѣжденій, и подвергши послѣднія логической критикѣ, Ренувье пришелъ къ заключенію, что истины нравственной вѣры, съ точки зрѣнія достовѣрности логической, суть только „нравственныя вѣроятности“ (probabilités morales) „Возможно ли, говоритъ Ренувье, чтобы вещь мыслимая, любимая, желаемая всѣми силами сознанія, не существовала такъ, какъ она полагается сознаніемъ? — Да, отвѣтитъ знаніе; да, по всей строгости и во всѣхъ случаяхъ... Нѣтъ, скажетъ вѣрующій, сильный одушевляющимъ его чувствомъ“. Нравственная вѣра непоколебима въ отрицаніи этой возможности, хотя оцѣниваемая логически, эта вѣра не даетъ ничего

кромѣ нравственной вѣроятности. „Нравственною вѣроятностью, говоритъ Ренувье, я называю ту вѣроятность, въ которой нѣкоторые элементы могутъ выдержать математическую оцѣнку, между тѣмъ какъ одинъ или нѣсколько существенныхъ мотивовъ ускользаютъ отъ вычисленія. Она образуется не какимъ-нибудь исключительно логическимъ или экспериментальнымъ процессомъ, а рождается изъ гармоніи человѣческихъ функцій въ приложеніи къ сужденію о такой истинѣ, которая не принадлежитъ къ истинамъ ни чисто умственнаго анализа, ни чувственнаго, текущаго факта,— и которая, по природѣ своей, не подлежитъ строгому доказательству при помощи твердыхъ и общепринятыхъ началъ,— не можетъ опереться на мотивы, способные переходить безъ измѣненія отъ сознанія къ сознанію, — ни избѣжать, наконецъ, яснаго и разнообразнаго вмѣшательства свободы въ движенія взвѣшивающаго ихъ духа". Путемъ нравственной вѣроятности, мы приходимъ къ признанію „верховной реальности" того, что наука и здравый смыслъ объявляютъ „неизслѣдимымъ въ своемъ происхожденіи и въ своей конечной цѣли", — т. е. „моральности въ порядкѣ и теченіи міра, физической санкціи нравственныхъ законовъ, — добродѣтели и прогресса, внѣшней реальности добра, верховенства добра, самого добра". — Точка зрѣнія Ренувье раздѣляется большинствомъ французскихъ писателей объ этомъ предметѣ. Гейтэ, послѣдній изъ видныхъ представителей французскаго неокантизма, оцѣниваетъ моральную достовѣрность, въ существѣ, такъ же какъ и Ренувье. Говоря о вѣрованіи въ безсмертіе души, Гейтэ замѣчаетъ: „У насъ есть могущественный инстинктъ, влекущій насъ къ жизни, — есть жажда совершенства, котораго мы никогда не достигаемъ, жажда счастія, которое постоянно ускользаетъ отъ насъ, — и въ силу всѣхъ этихъ, присущихъ намъ страстей, мы мыслимъ о безсмертіи, мы желаемъ его, мы утверждаемъ его истинность, мы вѣримъ въ него. Конечно, вѣрованіе наше можетъ быть обманчиво, потому что оно даетъ нѣкоторое мѣсто сомнѣнію"; но оно „есть выраженіе нашей природы и, въ силу этого, оно становится въ нашихъ глазахъ авторитетомъ".

Моральная достовѣрность, правильно сближаемая съ достовѣрностью свидѣтельства, не должна быть, однако, отожествляема съ послѣднею, по своимъ логическимъ свойствамъ. Та и другая

съ точки зрѣнія очевидности, представляютъ только вѣроятность. Но достовѣрность свидѣтельствъ есть вѣроятность несовершенныхъ наведеній, такъ какъ опирается на опыты свидѣтельствъ того же рода, которыя оказывались истинными. Моральная же достовѣрность есть вѣроятность аналогіи, т. е. заключенія, отъ произведеній ума, къ произведеніямъ чувствъ и воли. Умъ, — т. е. внѣшнія чувства, сознаніе себя и способность умозаключеній, — можетъ давать человѣку истину; въ виду этого полагаютъ, что при нѣкоторыхъ условіяхъ, то же самое могутъ дѣлать и остальныя способности духа, т. е. сердце и воля. — Что же касается увѣренности возбуждаемой истинами нравственнаго порядка, то по своей твердости, она можетъ превосходить вѣру въ свидѣтельства и равняться въ этомъ отношеніи, убѣжденіямъ, сопровождающимъ достовѣрное знаніе.

Перейдемъ къ „онтологической“ или „метафизической“ достовѣрности Въ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ Декарта проглядываетъ мнѣніе что *мыслимость* (conceptibilitas) предложеній можетъ быть положительнымъ критеріемъ ихъ истины или положительною очевидностью послѣдней, — точно такъ, какъ немыслимость отрицанія предложеній служитъ критеріемъ ложности послѣдняго. Мнѣніе это довольно часто развивается Лейбницемъ, и сдѣлалось одною изъ руководительныхъ идей философіи Вольфа. Теорія мыслимости, какъ критерія истины, обстоятельно изложена въ его „Раціональной философіи или Логикѣ“. „Предложеніе истинно“, учитъ Вольфъ, „какъ скоро оно мыслимо (conceptibilis)“. А мыслимо предложеніе бываетъ тогда, когда „возможно“, или допускаетъ образованіе, — понятіе его подлежащаго; и когда сказуемое предложенія „не находится въ противорѣчіи съ его подлежащимъ“. — Подобный критерій истины, при изученіи дѣйствительности, очевидно не въ силахъ вести дальше однѣхъ возможностей. Но Вольфъ, въ существѣ, ничего болѣе и не обѣщаетъ для философіи или науки, которую онъ, подобно Бэкону, отдѣляетъ отъ исторіи. Философія опредѣляется у него какъ ученіе „о возможномъ, насколько оно возможно“. Разница между историческимъ и философскимъ знаніемъ заключается въ томъ, что „одно состоитъ въ простомъ знакомствѣ съ фактомъ; другое, идя дальше, объясняетъ основаніе факта, чтобы было понятно, почему нѣчто можетъ быть“.

Ученіе Вольфа о критеріѣ истины способно вызвать удивленіе, если, слѣдя за его логическою теоріею, не имѣть въ виду его взгляда на область философскихъ изслѣдованій. Но оно совсѣмъ не покажется страннымъ, при соблюденіи послѣдняго условія. Подъ философіей Вольфъ разумѣетъ собственно ученіе древнихъ о „сверхчувственныхъ причинахъ“ явленій, получившее, послѣ Аристотеля, названіе „метафизики“ и „онтологіи“. Истина метафизическая есть безъ сомнѣнія, только „мыслимая“ истина; и достовѣрность, или очевидность метафизическая, иначе онтологическая, есть не что иное какъ „мыслимость“. — Посмотримъ пристальнѣе на свойства мыслимости, и мы убѣдимся, что ею исчерпывается сущность метафизической достовѣрности.

Мыслимость предложенія не есть ни очевидность послѣдняго, ни даже его вѣроятность. Очевидность предложенія сопровождается, какъ мы видѣли, немыслимостью его противнаго, или отрицанія; а это равняется необходимости предложенія. Мыслимость же предложенія сопровождается, напротивъ, мыслимостью его отрицанія: предложеніе мыслимое не необходимо, а только возможно. Слѣдовательно, мыслимость не равносильна очевидности, и не можетъ дать достовѣрности въ логическомъ смыслѣ. Но мыслимость не есть и вѣроятность. Вѣроятность вытекаетъ изъ преобладанія одной возможности надъ другою, возможности *быть* — надъ возможностью *не быть* (или наоборотъ); но мыслимость есть возможность быть, съ равною возможностью не быть. Очевидности соотвѣтствуетъ знаніе; вѣроятности — мнѣніе, вѣра; мыслимости — простое воззрѣніе, съ которымъ не связано никакой увѣренности. — Мыслимость предложенія есть не что иное, какъ отсутствіе препятствій къ его допущенію, встрѣчаемыхъ или въ отношеніяхъ его терминовъ, или въ отношеніи утвержденія къ фактамъ и законамъ. Отсутствіе препятствій къ допущенію предложенія составляетъ его „логическую состоятельность“. Такимъ образомъ, мыслимость есть, въ концѣ не что иное, какъ логическая состоятельность предложенія. Отсутствіе препятствій, характеризующее мыслимость, заключается въ отсутствіи противорѣчій какъ въ терминахъ предложенія, такъ и въ отношеніи послѣдняго къ фактамъ и законамъ, извѣстнымъ наукѣ.

Обращаясь, теперь, къ метафизическимъ предложеніямъ, най-

демъ, что они не могутъ имѣть другого характера, кромѣ одной мыслимости. Метафизическія истины не могутъ быть ни достовѣрными — въ логическомъ смыслѣ, ни вѣроятными. Логическая достовѣрность основана на очевидности; послѣдняя же есть произведеніе открытой двойной повѣрки умозаключеній — индуктивныхъ и дедуктивныхъ. Такая повѣрка, однако не можетъ выходить изъ предѣловъ явленій, подлежащихъ внѣшнему, внутреннему и умственному наблюденію; слѣдовательно, неприложима къ сверхчувственнымъ причинамъ явленій, составляющимъ предметъ метафизическихъ утвержденій. Какъ не подлежащія ни одному изъ видовъ строгой повѣрки, метафизическія истины не могутъ достигать характера очевидности. Взятыя сами по себѣ, онѣ неспособны обладать даже вѣроятностью. Вѣроятность зависитъ отъ неполноты очевидности, т.-е. интуитивности, или наглядности каждаго шага умозаключенія; но метафизическія разсужденія не имѣютъ никакой доли реальной очевидности. Полная неспособность ума къ познанію сверхчувственныхъ вещей, и къ составленію правдоподобныхъ мнѣній объ нихъ, и даетъ мѣсто внушеніямъ сердца и воли, — т.-е. „нравственной вѣрѣ“ и „нравственнымъ вѣроятностямъ“. Такимъ образомъ, метафизикѣ не остается ничего кромѣ одной „мыслимости“ сверхчувственныхъ вещей, т.-е. *возможности* мыслить истины „нравственной вѣры“ въ согласіи съ истинами науки; и слѣдовательно, метафизическая достовѣрность есть не что иное, какъ мыслимость.

Указаніемъ на свойства такъ-называемой практической и метафизической достовѣрности проливается, отрицательнымъ путемъ, новый свѣтъ на характеръ строгой, или логической достовѣрности. Метафизическая достовѣрность, съ логической точки зрѣнія есть только мыслимость; а достовѣрность практическая есть только вѣроятность. Мыслимость не имѣетъ за себя никакихъ реальныхъ основаній, хотя не имѣетъ ихъ и противъ себя. — Вѣроятность не исключаетъ погрѣшности. — Истина совершенная, истина достовѣрная съ логической точки зрѣнія, исключаетъ возможность ошибки; критеріемъ такой истины служитъ „очевидность“. Такимъ образомъ, долгъ науки, заключающійся въ достиженіи совершенныхъ или вполнѣ достовѣрныхъ истинъ, опредѣляется, въ концѣ, критеріемъ такихъ истинъ, — именно ихъ *очевидностью*.

А долгъ философіи? спроситъ кто-нибудь. Отличается ли онъ отъ долга науки? — Философія, начертывающая, въ отдѣлѣ своихъ логическихъ ученій, долгъ науки, идеальную цѣль научнаго изслѣдованія, — можетъ ли сама измѣнить этому долгу, отказаться отъ своего собственнаго идеала? — Безъ сомнѣнія, въ виду практическихъ нуждъ, философія не отказывается, подобно другимъ наукамъ, ни отъ гипотезъ, имѣющихъ исключительно методическій характеръ, — какъ въ метафизикѣ, — ни отъ изслѣдованія вѣроятностей, — какъ въ оцѣнкѣ основаній „нравственной вѣры". Но философія не можетъ забыть своихъ собственныхъ ученій, что мыслимость и вѣроятность составляютъ только преддверіе достовѣрности, знанія, науки; что, въ метафизикѣ, философія является только своеобразною методикою, нѣкоторымъ умозрительнымъ искусствомъ, но не наукою въ строгомъ смыслѣ; и что въ качествѣ изслѣдованія нравственныхъ вѣроятностей, она есть только нѣкоторая критика Какъ наука, философія есть система достовѣрныхъ истинъ; предметы ея изслѣдованій входятъ въ сферу очевидности: это — законы человѣческаго духа, законы ума человѣка, его чувствъ, его нравственной дѣятельности, его личности,— осуществляющіяся въ фактахъ и законахъ человѣческой исторіи. Поэтому, очевидность есть и для философіи точное указаніе на ея долгъ; и равнодушіе къ очевидности, со стороны философа, есть измѣна философскому долгу. Мы не знаемъ лучшихъ выраженій сознанія этого долга, какъ слѣдующія слова одного изъ уважаемыхъ мыслителей современной Франціи, Поля Жанэ. „Въ качествѣ философа". говоритъ онъ, „я признаю лишь одинъ долгъ — утверждать истинность только того, что для меня будетъ очевидно истинно, т.-е. что̀ я вижу съ ясностью и раздѣльностью, не допускающей въ томъ сомнѣнія". „Вотъ, по моему мнѣнію, законъ и пророки, для философа; вотъ безусловное правило... Никто не обязанъ быть философомъ. Но тотъ, кто посвящаетъ себя философіи, подчиняется тѣмъ самымъ этому верховному закону. Это его евангеліе. Онъ обязывается передъ собою и передъ другими не имѣть другого правила кромѣ очевидности, не принимать своихъ желаній, даже самыхъ лучшихъ, за критерій истины... Безъ сомнѣнія, когда философъ отказывается допустить очевидную истину, потому что она ему не нравится, — онъ бываетъ виновенъ; но онъ не менѣе виновенъ

и тогда, когда выдаетъ за истину то, что неочевидно истинно,— потому только, что оно ему нравится".

Опредѣляя долгъ науки, философіи, не забудемъ, однако глубокаго различія между наукою и практическую жизнью. Всякая наука, и философія точно также, основываются на очевидности; но практическая жизнь не можетъ обходиться безъ руководства вѣроятностей, и заставляетъ людей приводить въ гармонію свой душевный бытъ даже простою мыслимостью нѣкоторыхъ вещей. Практическая дѣятельность часто требуетъ убѣжденій, когда для нихъ не найдено очевидныхъ основаній. Заключимъ словами того же мыслителя, выражающаго не долгъ философа, а требованія жизни: „Сильныя и рѣшительныя убѣжденія лучше воздержанія отъ мнѣній. Сомнѣніемъ не сдѣлаешь ничего. Вѣра, напротивъ, поднимаетъ горы".

Введеніе.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Вопросы Логики.

1. Спеціальные вопросы Логики.

1. Содержаніе современной Логики опредѣлилось не вдругъ. Теорія *дедукціи*, представляющая наиболѣе обработанную часть логическихъ ученій, возникла раньше другихъ частей, благодаря генію одного изъ величайшихъ философовъ древней Греціи, именно Аристотеля. Въ сочиненіяхъ Аристотеля, называемыхъ *Аналитиками*, вмѣстѣ съ двумя другими, подъ названіемъ *Объ истолкованіи* и *О категоріяхъ*, теорія дедукціи была разработана съ такимъ совершенствомъ, что позднѣйшіе писатели не многое могли прибавить къ ея достоинству, въ тѣхъ отдѣлахъ, на которыхъ было сосредоточено вниманіе Аристотеля. Но творецъ теоріи дедуктивнаго доказательства, опредѣливши съ величайшею точностью признаки несомнѣнной вѣрности вывода слѣдствій изъ *данныхъ* началъ, не разрѣшилъ вопроса о пріобрѣтеніи самыхъ *началъ*, ограничившись, въ послѣдней главѣ своей Второй Аналитики, кратко высказаннымъ мнѣніемъ объ ихъ зависимости отъ *наведенія* или *индукціи*.

2. Неудивительно, поэтому, что вопросъ о *началахъ* (принципахъ) дедукціи, и способахъ ихъ пріобрѣтенія сдѣлался пер-

вымъ вопросомъ Логики, со времени возникновенія оригинальной философіи у новыхъ народовъ Европы, именно съ началомъ XVII-го столѣтія. Научныя работы, отвѣчавшія на этотъ вопросъ, и создавшія въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій совершенно новую часть Логики, именно логическую теорію *индукціи,* завершающую труды Аристотеля въ разработкѣ дедукціи, — были вызваны научными произведеніями одного изъ величайшихъ философовъ новаго времени, именно Бэкона, — особенно тѣмъ изъ его сочиненій, которое носитъ названіе *Новаго Органа* (Novum organum).

3. По мѣрѣ разработки обѣихъ частей Логики, т. е. теоріи дедукціи, и теоріи ея началъ или индукціи, оказалось возможнымъ приложить выводы обѣихъ теорій къ оцѣнкѣ *методовъ* спеціальныхъ наукъ. Разработка теоріи дедукціи позволила еще Аристотелю опредѣлить нѣкоторыя черты метода наука *математическихъ*, съ логической точки зрѣнія. Съ успѣхами теоріи началъ или индукціи, оказалось возможною логическая характеристика методовъ наукъ *физическихъ* и *нравственныхъ*.

Такимъ образомъ, все содержаніе современной Логики распадается на три главныя части:

1. Логику *дедукціи;*
2. Логику *началъ*, содержащую теорію *индукціи;* и
3. Логику *наукъ*, или *спеціальную методологію.*

(1) Къ логическимъ сочиненіямъ Аристотеля, извѣстнымъ подъ именемъ его „Органа“, относятся слѣдующія пять: a) *о категоріяхъ:* b) *объ истолкованіи,* c) *аналитика:* d) *топика* и e) *о софизмахъ.*

Сочиненіе *о категоріяхъ* (περὶ κατηγοριῶν, κατηγορίαι), т. е. названіяхъ, содержитъ ученіе объ элементахъ предложеній или сужденій, какъ составныхъ частей силлогизма, или дедуктивнаго умозаключенія. Важнѣйшею частію его является теорія самыхъ общихъ именъ или понятій, которыя Аристотель признаетъ въ числѣ десяти, и къ которымъ относитъ: *существо, количество,*

качество, отношеніе, мѣсто, время, и т. д. — Къ этому прибавлено ученіе *о противоположности, о предсуществованіи, о сосуществованіи, движеніи, имѣніи.*

Сочиненіе *объ истолкованіи* содержитъ ученіе о предложеніяхъ. Аристотель начинаетъ его опредѣленіями имени и глагола, утвержденія и отрицанія, сужденія и предложенія. Предложенія Аристотель дѣлитъ на общія и частныя, опредѣленныя и неопредѣленныя, простыя и указывающія на возможность и необходимость. Въ концѣ разсматриваются предложенія противоположныя.

Аналитика раздѣлена на *первую* и *вторую.* Первая аналитика содержитъ знаменитую теорію *силлогизма,* или дедуктивнаго умозаключенія. Вступленіемъ къ ней служитъ анализъ силлогизма, и ученіе о преобразованіи предложеній. Въ ученіи о силлогизмѣ Аристотель изслѣдуетъ термины силлогизма, фигуры, ихъ видоизмѣненія (модусы), и условія правильности вывода слѣдствій изъ данныхъ началъ или предложеній. Въ концѣ первой аналитики Аристотель излагаетъ ученіе о превращеніи силлогизма; о reductio ad absurdum; о нѣкоторыхъ видахъ ложныхъ или недостаточныхъ умозаключеній; объ индукціи, примѣрѣ, и нѣкоторыхъ другихъ видахъ умозаключеній.

Вторая аналитика содержитъ, въ первой части, ученіе о *знаніи, о дедуктивномъ доказательствѣ,* и его принципахъ, формахъ и достоинствахъ. Во второй части той же аналитики содержится ученіе объ *опредѣленіяхъ,* а въ концѣ, о *пріобрѣтеніи* началъ.

Топика предлагаетъ правила діалектическаго или ораторскаго искусства доказательствъ pro и contra. Она распадается на восемь книгъ.

Сочиненіе *о софизмахъ* (Περὶ σοφιστικῶν ἐλέγγων) содержитъ ученіе о различныхъ родахъ ложныхъ умозаключеній.

Ученіе Аристотеля, которое въ существѣ есть теорія одной дедукціи, или, точнѣе, правильности вывода слѣдствій изъ данныхъ началъ, не касаясь вопроса объ истинности самыхъ началъ, — получило названіе логики *формальной.* Исторія этой формальной или аристотелевской логики слѣдующая.

Въ школѣ Аристотеля сдѣланы были нѣкоторыя прибавленія къ его теоріи силлогизма, — именно ученіе о *пяти* новыхъ мо-

дусахъ первой фигуры (Арист. признавалъ ихъ только четыре), и о силлогизмахъ *условныхъ* и *раздѣлительныхъ*.

Порфирій, философъ третьяго вѣка (233—304), написалъ знаменитое „Введеніе въ ученіе Аристотеля о категоріяхъ“, Εισαγωγὴ εις τὰς Αριστοτέλους κατηγορίας).

Послѣ Порфирія, въ исторіи формальной логики, обращаютъ на себя вниманіе труды *Капеллы* (De nuptiis Philologiae et Mercurii et de septem artibus liberalibus, libri novem, около 470 г. по Р. Х.), который составилъ краткое изложеніе логики Аристотеля, игравшее видную роль въ средневѣковыхъ школахъ; Боэція (470—570; In Porphyrium; In praedicamenta Aristotelis; De syllogismo categorico; et caet.), который своими логическими сочиненіями занималъ всего болѣе умы западныхъ ученыхъ до половины XII-го столѣтія, когда послѣдніе ознакомились ближе съ собственными сочиненіями Аристотеля, съ арабскою литературою, и византійскимя писателями. Изъ послѣднихъ укажемъ на *Михаила Пселла* (род. 1020), сочиненіе котораго (Εις τὴν Αριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην σύνοψις) имѣло большое вліяніе на развитіе схоластической логики съ конца XIII-го вѣка.

Лучшую обработку формальная логика получила только съ XVII-го столѣтія, въ трудахъ слѣдующихъ писателей. у авторовъ такъ называемой логики *Портъ-Рояля* (Арно, Николя и Паскаля) — во Франціи, у Гетчесона — въ Англіи, и у *Вольфа* — въ Германіи. Въ Россіи, до самыхъ семидесятыхъ годовъ, Логика была также собственно формальною.

(2) *Бэконъ* прославился своимъ сочиненіемъ, изданнымъ подъ заглавіемъ Instavratio Magna, и распадающимся на двѣ части: De dignitate et augmentis scientiarum, и Novum Organum. Въ первой части Бэконъ изображаетъ современное ему состояніе наукъ и указываетъ на необходимость, объемъ, и способы его улучшенія. Во второй предлагается теорія индукціи. Бэконъ первый очертилъ строгіе пріемы индуктивнаго изслѣдованія, которые состоятъ въ повѣркѣ общаго положенія на частныхъ случаяхъ, уничтожающей всякое сомнѣніе въ его истинности, и дающей ему достоинство *начала*, для дедуктивныхъ заключеній. Къ этимъ пріемамъ относятся: во-первыхъ, сравненіе случаевъ, въ которыхъ утверждаемый фактъ находится на-лицо; во вторыхъ, случаевъ, въ которыхъ тотъ же фактъ не имѣетъ мѣста, не смотря на свое сходство съ пре-

дыдущими; и въ-третьихъ, случаевъ, въ которыхъ этотъ фактъ представленъ въ различныхъ степеняхъ. Для облегченія такого сравненія Бэконъ рекомендуетъ составленіе троякаго рода таблицъ, которыя называетъ такимъ образомъ: Tabulae praesentiae — для случаевъ перваго рода; Tabulae absentiae — для случаевъ второго рода; и Tabulae graduum — для случаевъ послѣдняго рода. Сравненіе это должно установить слѣдующія общія положенія: присутствіе изучаемаго факта сопровождается присутствіемъ какого-нибудь другого факта; съ отсутствіемъ послѣдняго, отсутствуетъ и первый; и различныя степени присутствія послѣдняго, сопровождаются различными степенями перваго, указывая такимъ образомъ на зависимость перваго отъ послѣдняго. Для обезпеченія вѣрности такого заключенія, Бэконъ представляетъ виды случаевъ, имѣющихъ особенную цѣнность въ дѣлѣ наведенія. Онъ насчитываетъ ихъ въ числѣ 27, и называетъ *преимущественными* случаями (instantiae praerogativae). — Послѣ Бэкона, особенную услугу дѣлу индуктивной Логики оказали слѣдующіе писатели: *Ньютонъ, Гершель, Вьюэлль* (Whewell), *Д. С. Миллъ* и *Бэнъ*.

(3) Спеціальная методологія, или Логика наукъ, разработана *Вьюэллемъ, Д. С. Миллемъ* и особенно *Бэномъ*. Во Франціи много сдѣлано для нея *О. Контомъ*. Въ Германіи на этотъ предметъ обратили вниманіе *Зигвартъ* и *Вундтъ*.

(4) Кромѣ этого научнаго направленія въ обработкѣ Логики, существуетъ еще направленіе *мистическое*. Въ среднихъ вѣкахъ оно было представлено *Раймундомъ Лулліемъ*, во времена возрожденія — *Джордано Бруно*, въ новое — *Гегелемъ*. Основная идея мистической логики заключается въ признаніи тожества мысли и бытія, дающаго возможность найти, въ нѣкоторой системѣ человѣческихъ понятій, ключъ къ разгадкѣ всѣхъ тайнъ бытія.

2. Общій вопросъ Логики.

Указывая на основные вопросы Логики, рѣшаемые въ трехъ главныхъ частяхъ ея, многіе писатели обходятъ молчаніемъ общій вопросъ этой науки, — вопросъ, составляющій точную характеристику самой природы логическихъ ученій, — въ отличіе отъ психологическихъ и всякихъ другихъ, — и устанавливаю-

щій ихъ истинныя границы. Это — вопросъ объ общемъ характерѣ строгихъ или научныхъ дедукцій и индукцій, сохраняющемся во всѣхъ спеціальныхъ методахъ научнаго изслѣдованія, — именно объ *очевидности* научныхъ методовъ, или достигаемыхъ, съ ихъ помощью, научныхъ истинъ, какъ *критеріи достовѣрности* послѣднихъ.

1. Истина Логики (veritas), или истинное предложеніе, есть соотвѣтствіе утвержденія или отрицанія какого-нибудь отношенія, его дѣйствительному присутствію или отсутствію между существующими отношеніями вещей, ихъ идей и знаковъ. Такъ какъ Логика имѣетъ въ виду только истинныя слѣдствія, получаемыя путемъ дедукцій, и истинныя начала, пріобрѣтаемыя путемъ индукцій, то, поэтому, отношенія собственно занимающія Логику, не выходятъ изъ круга отношеній между вещами или фактами.

2. Истинѣ или истинности предложенія противоположна его *ложность* (falsitas), когда утвержденіе или отрицаніе не отвѣчаетъ реальному отношенію. — Истинность предложенія, и ложность предложенія, не всегда усматриваются тѣмъ, кому оно становится извѣстнымъ. Отсюда происходятъ *заблужденія* (errores), на счетъ истинности или ложности предложеній, — именно, принятіе предложенія истиннаго за ложное, и ложнаго за истинное.

3. Какъ скоро истинность предложенія подлежитъ познанію или усмотрѣнію, — т. е. утверждаемое или отрицаемое отношеніе оказывается, при повѣркѣ, существующимъ или не существующимъ на дѣлѣ: то истина предложенія признается *достовѣрною* (certa), или составляетъ *знаніе* (scientia). Когда же истина предложенія не подлежитъ усмотрѣнію, — вмѣсто *достовѣрности* (certitudo) получается *недостовѣрность* (incertitudo) его, т. е. вѣроятность (probabilitas), или только *мыслимость* (conceptibilitas), а вмѣсто знанія — *мнѣніе* (opinio), *сомнѣніе* (dubium), *незнаніе* (ignorantia), и т. д.

4. Указывая на происхожденіе достовѣрности, мы коснулись вопроса о ея началѣ, или *критеріи*. Критеріемъ достовѣрности истины, или предложенія, называются тѣ обстоятельства, которыя позволяютъ отличать истинное предложеніе отъ неистиннаго, достовѣрное отъ вѣроятнаго и просто мыслимаго. Такимъ обстоятельствомъ мы назвали *усмотрѣніе* истины предложенія, т. е. соотвѣтствія утверждаемаго или отрицаемаго въ немъ отношенія его присутствію или отсутствію на дѣлѣ. Усмотрѣніе истины предложенія, доступность ея усмотрѣнію, кратко, *очевидность* (evidentia) истины, — вотъ начало или критерій ея достовѣрности.

(1) Составители краткихъ учебниковъ по Логикѣ, обыкновенно не занимаются общимъ вопросомъ Логики. Но въ сочиненіяхъ обширныхъ по этой наукѣ, общій вопросъ ея часто останавливалъ на себѣ вниманіе писателей. Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ встрѣчаются слѣдующія разницы. Одни изъ писателей связываютъ всѣ вопросы логики съ вопросомъ объ *истинѣ*. *Поль Жанэ* такъ опредѣляетъ общій предметъ Логики; „*Логика* есть та часть философіи, которая трактуетъ о законахъ человѣческаго духа въ его отношеніи къ истинѣ. Насколько она изучаетъ эти *законы*, она есть *наука объ истинномъ*; насколько же она извлекаетъ изъ нихъ правила для руководства духа, она есть *искусство мыслить*“. Изъ русскихъ писателей, *Лодій* назвалъ свое сочиненіе по Логикѣ „Логическими наставленіями, руководствующими къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго“.— Другіе писатели сводятъ всѣ вопросы Логики къ вопросу о *знаніи*, и научныхъ методахъ ведущихъ къ знанію. Такимъ образомъ, *Вундтъ* опредѣляетъ Логику, согласно съ приведеннымъ мнѣніемъ П. Жанэ, какъ науку, которая „должна дать отчетъ о законахъ мышленія, дѣйствующихъ при изслѣдованіи истины“, и затѣмъ сводитъ ее къ теоріи „общихъ началъ знанія и методовъ научнаго изслѣдованія“. Отсюда Логика распадается, у него, на двѣ главныя части, изъ которыхъ первая названа „Ученіемъ о знаніи (Erkenntnisslehre)“, а вторая „Ученіемъ о методахъ (Methodenlehre)“.— Нельзя

не замѣтить, что эти указанія на общій предметъ Логики не способны провести отчетливую границу между нею и другими науками; потому что всѣ онѣ суть „науки объ истинномъ“, и излагаютъ „общія начала знанія“ — Третьи писатели общій предметъ Логики видятъ въ *достовѣрности*. Такимъ образомъ, по *Ульрици*, философія, въ той части ея, которая называется логикою, „спрашиваетъ объ основѣ и существѣ достовѣрности (Gewissheit)“.—Наконецъ, четвертые писатели, въ своемъ указаніи общаго предмета Логики, останавливаются прямо на критеріѣ достовѣрности, т.-е на *очевидности*, *Д. С. Миллъ* назвалъ свою „Систему дедуктивной и индуктивной Логики“ — „связнымъ обзоромъ началъ очевидности (evidence) и методовъ научнаго изслѣдованія“.

(2) *Истина* опредѣляется писателями, сообразно съ ихъ взглядомъ на смыслъ предложеній. Одни видятъ истину предложенія въ соотвѣтствіи его именъ или терминовъ именуемому ими предмету (Гоббсъ); другіе — въ соотвѣтствіи или сообразности идей или понятій (Поръ-Рояль, Вольфъ, Кантъ, Лодій); третьи — въ предметѣ утвержденій и отрицаній (Боссюэтъ, Карведъ Ридъ); четвертые — въ различныхъ комбинаціяхъ этихъ простѣйшихъ взглядовъ, между которыми, въ цѣляхъ Логики, важна одна, полагающая истину предложенія въ соотвѣтствіи утвержденій и отрицаній дѣйствительнымъ отношеніямъ вещей или фактовъ (Локкъ, Д. С. Милль, Бэнъ). — *Гоббсъ* говоритъ: „*Истинное* предложеніе есть то, въ которомъ *сказуемое* содержитъ *подлежащее*, т.-е. въ которомъ сказуемое есть имя той же вещи, какъ и имя подлежащаго“. „Истина“, замѣчаетъ въ томъ же мѣстѣ Гоббсъ, „состоитъ въ словахъ, а не въ вещахъ“. *Кантъ:* „Истина есть *объективное свойство* познанія“. *Лодій:* „Истина (veritas) вообще есть отсутствіе противорѣчій“. *Боссюэтъ:* „Истина есть то, что есть: ложное — то чего нѣтъ“. *П. Жанэ:* „Истину можно понимать то какъ свойство мысли, то какъ свойство вещей. Въ первомъ случаѣ, истина есть *соотвѣтствіе мысли своему предмету*, т.-е. тому что есть. Во-второмъ случаѣ, это — самое бытіе и, какъ говоритъ Боссюэтъ, *это — то, что есть*“. *Локкъ:* „Мнѣ кажется, что истина, согласно съ собственнымъ употребленіемъ слова, не означаетъ ничего другого кромѣ соединенія или раздѣленія знаковъ (т.-е. идей или словъ), соотвѣтственно тому, соглашаются ли, или не соглашаются между

собою означаемыя ими вещи. Подъ соединеніемъ же и раздѣленіемъ знаковъ здѣсь разумѣется то самое, что мы называемъ иначе предложеніемъ (Proposition)". — По *Миллю*, „предложенія суть утвержденія не относительно нашихъ идей о вещахъ, а относительно самыхъ вещей", и истина ихъ будетъ соотвѣтствіе утвержденій самымъ вещамъ, фактамъ или отношеніямъ.

(3) *Знаніе* есть одинъ изъ видовъ отношенія духа къ данному предложенію. Усмотрѣніе или признаніе истинности предложенія составляетъ знаніе. Но есть два другіе вида того же отношенія, называемые *мнѣніемъ* и *сомнѣніемъ*. Послѣднія заключаются въ различныхъ степеняхъ неусмотрѣнія или непризнанія истинности предложенія. Между этими тремя главными видами отношенія субъекта къ данному предложенію, есть свои промежуточныя ступени, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ приближенія одного изъ этихъ видовъ къ другому, — напр. мнѣнія къ знанію. Кромѣ того есть обстоятельства, придающія указаннымъ видамъ усмотрѣнія истинности предложеній свои видоизмѣненія. *Логика Поръ-Рояля* указываетъ слѣдующіе виды признанія предложеній: *пониманіе* (intelligence), — „какъ скоро, разсматривая предложеніе, познаютъ истину его изъ него самого"; *вѣру* (foi), — какъ скоро къ признанію истинности предложенія побуждаетъ авторитетъ; *мнѣніе* (opinion), — какъ скоро побужденіемъ къ тому служитъ какое-нибудь основаніе не вполнѣ убѣдительное, или оставляющее нѣкоторое сомнѣніе; *заблужденіе* (erreur), если основаніе убѣдительно, но на дѣлѣ ложно; и *знаніе*, если основаніе твердо и вѣрно. — *Кантъ* признаетъ слѣдующіе три рода принятія истинности предложенія (das Fürwahrhalten): *мнѣніе* (Meinen), *вѣру* (Glauben) и *знаніе* (Wissen). Мнѣніе есть принятіе предложенія на основаніяхъ, которыя недостаточны и субъективно и объективно; вѣра — на основаніяхъ, недостаточныхъ объективно, но достаточныхъ субъективно; и знаніе — на основаніяхъ достаточныхъ субъективно и объективно. — Одинъ изъ новѣйшихъ писателей Франціи, *Роберъ*, называетъ разсматриваемые виды отношенія къ истинѣ *логическими* состояніями духа, и указываетъ ихъ въ числѣ пяти, — наступающія, по его мнѣнію, неизмѣнно въ одномъ и томъ же порядкѣ, въ исторіи цивилизаціи, — именно: *естественную вѣру* (foi naturelle), *заблуж-*

деніе (erreur), *сомнѣніе* (doute), *разсужденіе* (reflexion), и *достовѣрность* (certitude), замѣщаемую иногда *догадкою*.

Разницы писателей во взглядахъ на истину, сказываются и въ опредѣленіяхъ отношенія познающаго субъекта къ объективности предложенія. Мы приводимъ нѣсколько частныхъ опредѣленій, касающихся отдѣльныхъ видовъ этого отношенія. *О заблужденіи. Вольфъ:* „кто принимаетъ истинное предложеніе за ложное, тотъ, какъ говорятъ, *заблуждается;* такъ что заблужденіе (error) есть согласіе съ ложнымъ предложеніемъ". Вольфъ различаетъ заблужденія утвержденій и отрицаній.—Русскіе писатели переводили терминъ error то словомъ *заблужденіе,* то *погрѣшность. Лодій* говоритъ: „*заблужденіе* (error) есть согласіе на ложное, а несогласіе на истинное предложеніе, воспослѣдовавшее безъ вѣрной и довольной причины". *Толмачевъ* такъ переводитъ *Баумейстера:* „кто почитаетъ истинное предложеніе ложнымъ и ложное истиннымъ, и такимъ образомъ превратно судитъ: тотъ ошибается, или погрѣшаетъ. Слѣдовательно, *погрѣшностію* (error) можно назвать превратное сужденіе ума". *Боссюэтъ* различаетъ между *заблужденіемъ* (erreur) и *незнаніемъ* (ignorance) такъ: „Заблужденіе есть увѣренность въ томъ чего нѣтъ; незнаніе—простое отсутствіе знанія".— *О сомнѣніи. Лодій:* „*сомнѣваться* значитъ не спѣшить согласіемъ своимъ въ принятіи истины или ложности нѣкотораго мнѣнія; не спѣшить же своимъ согласіемъ тотъ, кто ни утверждаетъ, ни отрицаетъ предложеннаго мнѣнія". *П. Жанэ.* „*Сомнѣніе* есть *воздержаніе отъ сужденія* (suspension du jugement); какъ скоро основанія въ пользу какого-нибудь мнѣнія бываютъ или кажутся намъ равносильными основаніямъ противнаго мнѣнія, то мы не можемъ высказаться ни за одно изъ нихъ; мы не даемъ нашего согласія ни на то, ни на другое; мы остаемся въ состояніи воздержанія отъ обоихъ (dubitatio): мы сомнѣваемся".— *О вѣрѣ. Гетчесонъ:* „Увѣренность (assensus), основанная на свидѣтельствѣ, есть у новѣйшихъ писателей *вѣра* (fides) κατ' ἐξοχήν". *Вольфъ:* „*Вѣрою* (fides) называется согласіе съ предложеніемъ, оказанное ради авторитета говорящаго"..— *О мнѣніи. Вольфъ:* „*Мнѣніемъ* (opinio) называется предложеніе недостаточно доказанное". „Мнѣнія измѣнчивы" „Мнѣніе вѣроятное (probabilis) можетъ оказаться ложнымъ" — *Олѣ-Лапрюнъ* называетъ *мнѣніемъ* предложеніе *вѣроятное,* т.-е. „такое, котораго нельзя утверждать

съ полною увѣренностью", — которое оставляетъ нѣкоторое мѣсто сомнѣнію. *П. Жанэ:* „*Мнѣніе* состоитъ въ сужденіи на основаніяхъ *вѣроятныхъ*, но не вполнѣ убѣдительныхъ". — *О знаніи. Локкъ:* Знаніе *вообще* „есть не что иное какъ усмотрѣніе связи и соотвѣтствія, или противоположности и несоотвѣтствія, находящихся между какими-нибудь двумя нашими идеями"; (при этомъ Локкъ не отдѣляетъ идей отъ впечатлѣній). Всякое наше знаніе есть знаніе частныхъ или общихъ истинъ; поэтому, оставляя въ сторонѣ вопросъ о первыхъ, Локкъ находитъ, что „послѣднія, которыя мы имѣемъ основанія изслѣдывать всего болѣе, никогда не могутъ быть хорошо познаны, и весьма рѣдко поняты, если только онѣ не поняты и не выражены въ словахъ". *Вольфъ.* „Тотъ кто узналъ, какъ доказать предложеніе, называется знающимъ его. Поэтому, знаніе (scientia) есть умѣнье (habitus) доказать то, что утверждаемъ или отрицаемъ".

(4) *Достовѣрность,* какъ переводъ латинскаго термина *certitudo,* (certitude, certainty, Gewissheit), принята въ русскую логическую терминологію только недавно. *Лодій,* одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей по Логикѣ, переводитъ certitudo словами *убѣжденіе* и *подлинность:* „отъ довольныхъ признаковъ истины происходитъ такая степень нашего познанія объ оной, которая называется убѣжденіемъ или подлинностью (certitudo)". *Эттеръ* переводитъ словомъ *извѣстность:* „силлогизмы, передаетъ онъ слова Гётчесона, бываютъ или извѣстны (certi) или правдоподобны (probabiles), смотря по свойству посылокъ". *Толмачевъ* тотъ же терминъ передаетъ словомъ *несомнительность.* „Всякая истина и ложь", — переводитъ онъ слова Баумейстера, — „бываютъ или несомнительныя (certae), или же имѣютъ только подобіе истины и лжи, и называются вѣроятными (probabiles). — Достовѣрность же, у Лодія и другихъ давнихъ русскихъ писателей, означала достовѣрность свидѣтельствъ и свидѣтелей. Въ широкомъ смыслѣ латинскаго certitudo, достовѣрность употребляется у *Владиславлева, Струве,* и другихъ новыхъ писателей.

Достовѣрность (certitudo) опредѣляется различными иностранными писателями отчасти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какія употреблялись русскими писателями для перевода латинскаго certitudo. Говоря о достовѣрности истины, знанія, или предложенія, же-

лаютъ указать на ту черту, которая отдѣляетъ *знаніе* отъ *мнѣнія* и *сомнѣнія*. Сомнѣніе есть отсутствіе увѣренности; мнѣніе есть неполная увѣренность. Напротивъ, съ знаніемъ связана полная увѣренность, полное убѣжденіе; поэтому и достовѣрность означаетъ, прежде всего, *полную увѣренность*,—какъ это доказывается выраженіями: certus sum, je suis certain, ich bin gewiss — свойственными языкамъ латинскому, французскому и нѣмецкому. Достовѣрность означаетъ, далѣе, самое свойство предложенія производить полную увѣренность,—т.-е. его убѣдительность. *Полная убѣдительность* предложенія отмѣчается, у *Поля Жанэ*, какъ одинъ изъ признаковъ достовѣрности, отличающихъ послѣднюю отъ вѣроятности. Полная увѣренность равносильна несомнѣнности; отсюда, многіе писатели характеризуютъ достовѣрность какъ *несомнѣнность*. *Роберъ* говоритъ: „Достовѣрность всегда вѣрна самой себѣ, какъ исключеніе сомнѣнія“. Но предложеніе достовѣрно только тогда, когда извѣстна его истина. Отсюда, у многихъ писателей, достовѣрность предложенія равносильна его *извѣстности*. *Вольфъ* говоритъ: „Если мы узнаёмъ истинность или ложность предложенія, то предложеніе, какъ говорятъ, извѣстно (certa) намъ“. Поэтому Вольфъ учитъ и о certitudo falsitatis.

(5) Всякая истина, всякое знаніе, обладаютъ, сами по себѣ, достовѣрностью. Поэтому, настаивая на достовѣрности истины, хотятъ сказать, что истина предложенія не есть *мнимая*. Этимъ указывается на фактъ ошибочныхъ убѣжденій въ истинѣ, и внушается мысль найти безспорныя ручательства ея достовѣрности, или то что называется *критеріемъ* истины, *логическимъ критеріемъ* истины,—по крайней мѣрѣ у писателей новаго времени. *Вольфъ* говоритъ: „критеріемъ истины называется то свойство предложенія, изъ котораго познается, что оно истинно“.—*Журденъ*, замѣчая объ употребленіи у древнихъ слова критерій, прибавляетъ: „въ настоящее время обычное значеніе его не такъ широко: оно выражаетъ только признакъ, отличающій истинное отъ ложнаго“.

(6) Но существуетъ ли такое начало различенія? Есть ли признакъ достовѣрности?—Извѣстно, что въ древности такъ-называемые *академики* отрицали существованіе критерія достовѣрности, допуская только критерій вѣроятности; и что послѣдователи *Пиррона*, или *скептики*, отрицали тотъ и другой. Въ новѣйшее время, первые

основатели новой философіи возстали противъ скептицизма древнихъ, ища ручательствъ истины въ свойствахъ научныхъ методовъ или научныхъ истинъ. Такимъ свойствомъ была признана ихъ очевидность (evidentia). Декартъ первый поставилъ внѣ всякаго сомнѣнія этотъ основной предметъ логическаго ученія. Онъ призналъ очевидность „мѣрою и правиломъ“ (mensura et regula) истины. Ученіе его было распространено, въ Голландіи, *Спинозою*, въ Англіи, *Локкомъ*, во Франціи, *Паскалемъ* и *Мальбраншемъ*. Въ настоящее время мы находимъ его въ логическихъ трудахъ *Милля*, *Бэна*, *Поля Жанэ*, и другихъ писателей. Въ Германіи ученіе объ очевидности долгое время не имѣло послѣдователей. *Вольфъ* остановился на достовѣрности. *Кантъ* признавалъ очевидность однимъ изъ видовъ достовѣрности, — именно разумѣлъ подъ очевидностью математическую достовѣрность. *Ульрици* не отдѣляетъ достовѣрности отъ очевидности. Та же неясность ихъ разграниченія наблюдается и въ логическомъ трудѣ *Вундта*. — Русскіе писатели, подобно Вольфу, останавливались также на достовѣрности, отожествляя съ нею очевидность.

3. Опредѣленіе Логики.

1. Изслѣдованія природы очевидности привели къ слѣдующей характеристикѣ послѣдней:

Очевидность истины предложеній, составляющая критерій ихъ достовѣрности, заключается въ ясномъ и раздѣльномъ усмотрѣніи ихъ соотвѣтствія предметамъ, производимомъ ихъ повѣркою, и сопровождающемся сознаніемъ ихъ необходимости, или немыслимости ихъ отрицанія.

Очевидность, составляющая цѣль науки, есть очевидность *закона* природы и человѣческой дѣятельности. Все что выходитъ изъ предѣловъ очевидности закона, составляетъ или одинъ матеріалъ науки, или относится къ области вѣроятностей и простой мыслимости.

Вѣроятность есть сдѣдствіе отсутствія полной повѣрки предложеній, доводящей истину ихъ до очевидности. Въ природѣ

вѣроятности нѣтъ полнаго ручательства въ томъ, чтобы предложеніе вѣроятное впослѣдствіи не оказалось ложнымъ: въ этомъ существенное отличіе вѣроятности отъ достовѣрности.

Мыслимость предложенія не есть очевидность или достовѣрность послѣдняго, ни даже его вѣроятность. Вѣроятность вытекаетъ изъ преобладанія одной возможности надъ другою,— возможности *быть* надъ возможностью *не быть* (или наоборотъ); но мыслимость есть возможность быть, съ равною возможностью не быть.

Очевидности соотвѣтствуетъ знаніе; вѣроятности — мнѣніе, вѣра; мыслимости — простое воззрѣніе, съ которымъ не связано никакой увѣренности.

2. Общія изслѣдованія природы очевидности составляютъ введеніе въ Логику, но не самую Логику. Собственный предметъ Логики ограничивается изученіемъ *условій* научной очевидности, — а именно:

во-первыхъ, тѣхъ научныхъ пріемовъ или *методовъ* изслѣдованія и доказательства, которые доводятъ истину предложеній до очевидности, — и которые называются научными дедукціями, научными индукціями, и спеціальными методами наукъ; и

во-вторыхъ, тѣхъ послѣднихъ основаній или *началъ*, на которыхъ, въ концѣ, опирается способность этихъ пріемовъ или методовъ доводить истину предложеній до очевидности.

Поэтому, Логика можетъ быть опредѣлена, какъ *наука о наукѣ*, — именно *о началахъ очевидности, и о научныхъ способахъ или методахъ ея достиженія.*

Вступительное изслѣдованіе о природѣ логической очевидности подробно представлено въ приложенной къ этому сочиненію „Рѣчи объ очевидности, какъ предметѣ Логики“.

ЛОГИКА ДЕДУКЦІИ.

ЛОГИКА ДЕДУКЦІИ.

ГЛАВА II.

Предварительный анализъ.

1. *Дедукціею* называется всякое умозаключеніе отъ общаго къ частному, — въ какой бы формѣ оно ни выражалось, и каково бы ни было его значеніе какъ доказательства.

1) Дедукція можетъ быть выражена вполнѣ и сокращенно. Примѣръ дедукціи представленной въ *полной* формѣ:

„Всѣ газы растворимы въ водѣ;
Азотъ есть газъ;
Слѣд. азотъ растворимъ въ водѣ".

Таже дедукція, выраженная въ *сокращенныхъ* формахъ:

„Всѣ газы растворимы въ водѣ;
Слѣд. и азотъ". Или:
„Азотъ есть газъ;
Слѣд. растворимъ въ водѣ". Или:
„Азотъ, какъ газъ, растворимъ въ водѣ".

2) Дедукція, представленная въ полной формѣ, или послѣдовательностью трехъ предложеній, называется *силлогизмомъ*.

Изъ трехъ предложеній силлогизма, два называются *предпосылками* (praemissae), или просто *посылками*, а третье — *слѣдствіемъ* (consequentia): посылками — тѣ два предложенія, изъ которыхъ выводится третье; а слѣдствіемъ — предложеніе, выводимое изъ нихъ. Такимъ образомъ, въ выше приведенномъ силлогизмѣ, предложенія —

„Всѣ газы растворимы въ водѣ“, и
„Азотъ есть газъ“, суть посылки, а предложеніе —
„Азотъ растворимъ въ водѣ“, есть слѣдствіе.

Перенося имя процесса заключенія или вывода, изъ двухъ данныхъ предложеній, на получаемое изъ нихъ третье, — послѣднее называютъ также *заключеніемъ* и *выводомъ*.

3) Всякій силлогизмъ, при истинности посылокъ, и правильномъ выводѣ изъ нихъ слѣдствія, составляетъ *дедуктивное доказательство*, или *демонстрацію* (demonstratio, ἀπόδειξις).

Изъ истинныхъ посылокъ, при правильности вывода, получается только истинное слѣдствіе.

Такъ какъ посылки вышеприведеннаго силлогизма суть научныя истины, и выводъ изъ нихъ слѣдствія правиленъ, то этотъ силлогизмъ составляетъ примѣръ дедуктивнаго доказательства, или демонстраціи.

2. Логика дедукціи предполагаетъ посылки силлогизма и демонстраціи *данными*, и ограничивается изученіемъ одной *правильности* и *доказательности* вывода слѣдствія изъ данныхъ посылокъ.

1) При неправильности вывода, изъ истинныхъ посылокъ можно получить ложное слѣдствіе. Напр.

„Всѣ газы растворимы въ водѣ;
Азотъ есть газъ;
Слѣд. азотъ не растворимъ въ водѣ“.

При той же неправильности вывода, истинность посылокъ и слѣдствія не дѣлаетъ умозаключенія доказательствомъ. Напр.

„Всѣ газы растворимы въ водѣ“.
Азотъ есть газъ;
Слѣд. азотъ тяжелѣе водорода.

2) Обращаясь къ правильности вывода слѣдствій изъ данныхъ посылокъ, найдемъ, что она состоитъ въ правильномъ отношеніи частей, изъ которыхъ слагаются предложенія силлогизма.

Наблюдая представленный нами примѣръ правильнаго силлогизма:

(1) „Всѣ газы растворимы въ водѣ;
(2) Азотъ есть газъ;
(3) Слѣд. азотъ растворимъ въ водѣ“,

найдемъ, что нѣкоторыя части его предложеній повторяются по два раза; а именно:

Газъ . . . . . (въ 1 и 2);
Азотъ . . . . . (во 2 и 3); и
Растворимый въ водѣ (въ 1 и 3).

Слѣдовательно, оригинальныхъ частей всѣхъ трехъ предложеній силлогизма только *три*.

Части силлогизма, повторяющіяся такимъ образомъ въ его предложеніяхъ, называются его *терминами*.

Правильный выводъ слѣдствій изъ посылокъ есть поэтому ничто иное какъ правильное сочетаніе терминовъ силлогизма въ составляющихъ его предложеніяхъ.

3) Анализъ дедуктивнаго процесса останавливается на *терминахъ* силлогизма, какъ на его послѣднихъ элементахъ. Но въ переходѣ отъ предложеній къ силлогизмамъ, встрѣчаются формы соединенія предложеній, очень похожія на сокращенныя формы дедуктивныхъ умозаключеній, и называемыя *не-*

посредственными умозаключеніями. Въ дѣйствительности, это не умозаключенія, *а раскрытіе смысла даннаго предложенія.*

Поэтому, соблюдая переходъ отъ болѣе простого къ болѣе сложному, мы разсмотримъ, въ Логикѣ дедукціи, слѣдующія вещи:

(1) Термины и предложенія.
(2) Раскрытіе смысла даннаго предложенія, или такъ-называемыя непосредственныя умозаключенія.
(3) Силлогизмъ; и
(4) Дедуктивное доказательство, или демонстрацію.

ГЛАВА III.

Термины предложеній.

1. *Опредѣленіе* предложенія.

Въ Логикѣ дедукціи, предложеніе разсматривается только какъ составная часть силлогизма или дедуктивнаго доказательства, въ цѣляхъ изученія свойствъ послѣдняго.

Такъ какъ всякій силлогизмъ есть косвенное утвержденіе или отрицаніе чего нибудь, — т. е. утвержденіе или отрицаніе, получаемое въ его *слѣдствіи,* на основаніи другихъ утвержденій и отрицаній, данныхъ въ его *посылкахъ:* то, поэтому, всѣ предложенія, изъ которыхъ состоитъ силлогистическое умозаключеніе, допускаютъ слѣдующее опредѣленіе:

Предложеніе есть изрѣченіе, въ которомъ что-нибудь утверждается или отрицается относительно чего-нибудь.

Аристотель: предложеніе, какъ часть доказательства, есть „принятіе одной изъ двухъ частей противорѣчія". — „Propositio (πρότασις) est oratio (λόγος) affirmans aut negans aliquid de aliquo".—*Гоббсъ:* „Изъ связи или сочетанія именъ рождаются различныя изрѣченія (orationes): изъ нихъ нѣкоторыя означаютъ желанія и волненія (affectus) людей, каковы: *вопросы* (interrogationes); *просьбы,* выражающія желаніе обладать чѣмъ-нибудь; *обѣщанія* (promissiones), *угрозы* (comminationes), *хотѣнья* (optiones), *приказанія* (jussiones), *жалобныя восклицанія* (lamentationes) и другіе знаки иныхъ волненій духа. Изрѣченіе можетъ быть также совершенно нелѣпымъ, и безъ смысла, именно, когда ряду именъ не отвѣчаетъ въ духѣ никакой рядъ понятій.... Наукѣ (Philosophiae) принадле-

житъ одинъ родъ изрѣченія, которое большею частію называютъ *предложеніемъ* (Propositio). т. е. изрѣченіемъ *утверждающимъ* или *отрицающимъ,* и помѣтою (Nota) истинности или ложности". *Уэтли:* „предложеніе опредѣляется логически какъ „изрѣченіе показательное" (sentence indicative), или удостовѣряющее (asserting), т. е. утверждающее или отрицающее. Этимъ именно *предложеніе* отличается отъ *вопроса, повелѣнія* и проч.".

2. *Общій анализъ* предложенія.

Предложеніе, какъ часть силлогистическаго доказательства, логически разрѣшается на два элемента: *субъектъ* или подлежащее, и *предикатъ* или сказуемое.

Субъектъ или подлежащее предложенія есть то, о чемъ утверждается или отрицается въ послѣднемъ. *Предикатъ* или сказуемое есть то, что́ именно утверждается или отрицается въ немъ.

Субъектъ и предикатъ предложенія называются *терминами* или *предѣлами* (ὅροι,. termini) его.

Аристотель: „Terminum (ὅρον) autem voco, in quem dissolvitur propositio, ut praedicatum, et id de quo praedicatur (τό τε κατηγορούμενον, καὶ τὸ καθ' οὗ κατηγορεῖται), sive adjecto sive separato τῷ esse, aut non esse".

3. *Словесный анализъ* логическаго предложенія.

Логическое предложеніе, т. е. утверждающее или отрицающее что-нибудь относительно чего-нибудь, должно заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ *два имени,* и *знакъ* утвержденія или отрицанія, называемый *связкою* (copula) предложенія.

1) *Связкою* предложенія, иначе знакомъ утвержденія или отрицанія, служитъ глаголъ *есть,* или *не есть,* находящійся на-лицо, или подразумѣваемый.

Именемъ называется слово, или совокупность словъ, означающія то, что́ утверждается или отрицается въ предложеніи, и то, о чемъ утверждается или отрицается. По количеству словъ, имена раздѣляются въ Логикѣ на *однословныя* и *многословныя.*

Всѣ предложенія, въ которыхъ нѣтъ на-лицо глагола *есть* или *не есть*, и которыя состоятъ изъ именъ существительныхъ съ усѣченными прилагательными и другими глаголами, разложимы на имена существительныя, глаголъ *есть* или *не есть* (называемый логическимъ), и прилагательныя въ полномъ окончаніи, или причастія.

Логика есть наука. Есть — сказуемое; Логика, наука — имена.

Логика учитъ. Логика есть учащая.

Логика полезна. Логика есть полезная.

Нѣкоторые языки допускаютъ сокращеніе предложенія въ одно слово, указывающее на два термина предложенія, и на связку. Напр.: славян. *вѣмъ* равносильно: я знаю, — я есмь знающій; латинскія слова veni, vidi, vici, — какъ замѣчено въ Логикѣ Поръ-Рояля, — представляютъ три предложенія.

Когда глаголъ *быть* и *не быть*, употребляется во временахъ прошедшемъ (былъ) и будущемъ (будетъ), онъ разрѣшается, подобно другимъ глаголамъ, на связку и причастіе, какъ означающій, во-первыхъ, утвержденіе или отрицаніе, и во-вторыхъ, *существованіе* (идею времени).

Платонъ былъ сынъ Аристокла. Тоже что: есть бывшій сынъ Аристокла. *Онъ будетъ богатъ.* Тоже что: онъ есть будущій богатый.

2) Раздѣляя предложеніе на имена и связку, — подлежащее и сказуемое или *термины* предложенія разсматриваютъ какъ имена.

Гоббсъ: „Est autem propositio oratio constans ex duobus nominibus copulatis....“ „Изрѣченіе (oratio), что *человѣкъ есть животное*, — въ которомъ два имени связаны (copulantur) глаголомъ *есть*, — есть предложеніе“. *Д. С. Миллъ: подлежащее* есть имя означающее то, относительно чего утверждается или отрицается что-нибудь. *Сказуемое*

есть имя означающее то, что̀ утверждается или отрицается относительно подлежащаго. *Связка* (Copula) есть знакъ, показывающій присутствіе утвержденія или отрицанія". *Бэнъ:* „имена или термины". *А. Мильнсъ:* „*Терминомъ* называется слово или совокупность словъ, способныя сами по себѣ составить подлежащее или сказуемое предложенія". „Достаточно незначительнаго изслѣдованія, чтобы показать, что слова, способныя отдѣльно быть терминами, суть только существительныя, мѣстоименія, прилагательныя и причастія". „Глаголы вообще не пригодны для терминовъ, потому что они суть термины, и нѣчто болѣе того, именно связка".

Нѣкоторые французскіе и русскіе писатели отожествляютъ термины не съ именами, а со *словами*, — что логически не точно. *Лодій:* „философы называютъ слова иначе терминами". Французскій переводчикъ Бэна передаетъ употребляемое послѣднимъ англійское *name* безразлично словами nom и mot.

4. *Субъективный,* или *формальный анализъ* логическаго предложенія.

Такъ какъ имена предложенія суть выраженія понятій или идей, а сочетаніе или копуляція первыхъ есть выраженіе сочетанія послѣднихъ: то глубочайшими элементами логическаго предложенія, т. е. подлежащимъ и сказуемымъ, или *терминами* его, — можно считать не имена, а *понятія.*

При этомъ, *подлежащимъ* предложенія будетъ понятіе о томъ, относительно чего утверждается или отрицается въ предложеніи, *сказуемымъ* — понятіе о томъ, что̀ утверждается или отрицается. Кратко сказать, терминами предложенія будутъ понятія, выражаемыя его именами.

Субъективный анализъ предложенія преобладаетъ въ русской логической литературѣ, подъ вліяніемъ *шотландской* философіи (Гетчесона) и *нѣмецкой* (Вольфа и Канта). Въ Шотландіи и Германіи такой анализъ образовался подъ вліяніемъ ученій *Ложка* и Логики *Портъ-Рояля,* направленныхъ противъ *номинализма* Гоббса. *Портъ-Роялъ:*... „Второе изъ этихъ ложныхъ мнѣній, высказанныхъ

однимъ англичаниномъ (Гоббсомъ) состоитъ въ томъ, что умозаключеніе не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ того, чѣмъ можетъ быть понимаемое подъ этимъ словомъ собраніе и сцѣпленіе между собою именъ. Откуда слѣдовало бы, что путемъ заключеній мы не достигаемъ ничего касательно природы вещей, а только ихъ названій; и т. д.“. „Мы ничего не можемъ выразить нашими словами, — если только понимаемъ что говоримъ, — чтобъ изъ этого самаго не стало очевидно, что мы имѣемъ въ себѣ *идею* той вещи, какую означаемъ нашими словами. .“ „Понявши вещи съ помощью своихъ идей, мы сравниваемъ эти идеи, и находя, что однѣ соотвѣтствуютъ другъ другу, а другія не соотвѣтствуютъ, мы ихъ связываемъ или раздѣляемъ, — что̀ называется *утверждать* или *отрицать*, а вообще *судить*. — Это сужденіе называется также предложеніемъ (proposition), и легко видѣть, что оно должно имѣть два термина: одинъ, о которомъ утверждается или отрицается, — называемый *подлежащимъ* (sujet), и другой, что̀ утверждаютъ или отрицаютъ, — называемый *аттрибутомъ* (attribut) или *сказуемымъ* (praedicat).

Дробишъ: Сужденіе (judicium, enuntiatio, propositio) „состоитъ всегда изъ трехъ вещей“: *подлежащаго*,—понятія, даннаго просто какъ представленіе (Vorstellung); *сказуемаго*, — понятія уже образованнаго, и *связки*. — *И. Богдановъ:* идея, „выраженная приличными звуками, называется *словомъ*, или *терминомъ*“. *Ивашковскій:* словомъ *предложеніе* мы означаемъ вообще всякое отношеніе между двумя идеями, когда это отношеніе выражено словами. „Во всякомъ отношеніи между двумя идеями одна всегда указываетъ на другую, т. е. она утверждается или отвергается. Утверждаемая или отвергаемая идея именуется *сказуемымъ* предложенія, а другая идея *подлежащимъ* его. Подлежащее и сказуемое предложенія называются *терминами* сего предложенія“.

5. *Объективный,* или *реальный анализъ* логическаго предложенія.

Такъ какъ *идеи* или *понятія*, выражаемыя *именами* предложенія, бываютъ идеями *вещей*, или *реальностей:* то подлежащимъ и сказуемымъ предложенія, или *терминами* его, можно считать

не имена и понятія, а именуемыя и понимаемыя *вещи, предметы, реальности.*

При этомъ, подлежащимъ будетъ *предметъ*, о которомъ что-нибудь утверждается или отрицается; *сказуемымъ* — какое-нибудь *отношеніе* его къ другому предмету, или къ мыслящему субъекту,—иначе, *признакъ* или *свойство* (attributum) предмета.

Струве: „Сужденіе есть обозначеніе признаковъ даннаго предмета". *Предметъ,* признакъ котораго обозначается, называется *подлежащимъ* или *субъектомъ* сужденія; *признакъ* даннаго предмета *сказуемымъ* или *предикатомъ* сужденія. Отношеніе между признакомъ и предметомъ — *связкою* или *отношеніемъ* сужденія.

6. Изъ предыдущаго видно, что три рода спеціальнаго анализа логическаго предложенія,—именно, словесный, субъективный или формальный, и объективный или реальный, имѣютъ свои основанія въ самыхъ свойствахъ логическаго предложенія. Послѣднее умственно дѣлимо на имена, понятія и вещи, соединяемыя утвержденіемъ, и раздѣляемыя отрицаніемъ.

Этимъ рѣшается вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы право называть всѣ эти роды элементовъ логическаго предложенія *терминами* послѣдняго.

Термины суть ничто иное, какъ *подлежащія* и *сказуемыя* логическихъ предложеній. Имѣя право на спеціальный анализъ логическаго предложенія,—право видѣть его подлежащее и сказуемое не только въ его именахъ, но и въ понятіяхъ и вещахъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ право называть *терминами* не только имена, но и понятія и вещи.

Изъ писателей, пользующихся названіемъ термина въ такомъ широкомъ смыслѣ, можно указать на *Г. Спенсера,* какъ это видно, напр., изъ слѣдующихъ мѣстъ его „Началъ Психологіи": „Резюмируя функціи нервной системы, формулированныя нами такимъ образомъ въ терминахъ движенія, полезно будетъ" и т. д.

„Сверхъ того, только въ этихъ терминахъ можетъ быть дано надлежащее (adequate) опредѣленіе вполнѣ развитыхъ нервныхъ системъ". (Vol. 1, § 24. Sec. ed.). „Отношенія вообще долѣе воспроизводимы въ мысляхъ, чѣмъ чувства вообще. Будетъ ли то сложное отношеніе сосуществованія, или сложное отношеніе преемства, или сложное отношеніе разницы, мы найдемъ, что отношеніе представляется раздѣльнѣе, и долѣе сохраняется въ памяти, чѣмъ его термины" (ibid. § 107).—Ясно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ термины означаютъ, у Спенсера, и имена, и понятія, и факты. — Для точности изложенія слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Спенсеръ имѣетъ въ виду собственно не термины *предложенія,* а термины *отношенія,* т. е. соотносящіяся вещи (— что̀ не совпадаетъ съ терминами предложенія, гдѣ ими означаются не соотносящіяся вещи, а *вещь* и ея *отношеніе* (къ другой вещи), называемое, для отличія отъ имени и идеи, какъ реальность, также вещью). Такой смыслъ слова *терминъ* высказанъ ясно у слѣдующаго Г. Спенсеру *Карвета Рида:* „Термины противополагаются отношеніямъ, какъ относящіяся другъ къ другу реальности (entities). Всѣ термины связаны отношеніями въ пары. Отношеніе двухъ терминовъ есть повидимому послѣдняя единица существованія. Нѣтъ термина безъ товарища; нѣтъ пары терминовъ безъ отношенія; нѣтъ отношенія безъ двухъ терминовъ; ни въ какомъ отношеніи нѣтъ болѣе двухъ терминовъ". — Во всякомъ случаѣ, одинъ изъ двухъ терминовъ Г. Спенсера и К. Рида вполнѣ соотвѣтствуетъ *подлежащему* предложенія. Что же касается до перенесенія названія термина, со сказуемаго, или отношенія, на соотносящійся предметъ, то неудобство этого разъяснится въ главѣ о смыслѣ предложеній.

7. Подлежащее и сказуемое логическаго предложенія названы *терминами* (ὅροι), т. е. *предѣлами,* конечно, вслѣдствіе того безспорнаго наблюденія, что „объемъ" подлежащаго и „содержаніе" сказуемаго предложенія суть объемъ и содержаніе самаго предложенія; или, что предложеніе не утверждаетъ и не отрицаетъ болѣе того, что отмѣчено его подлежащимъ и сказуемымъ; — кратко, что въ границахъ подлежащаго и сказуемаго

предложенія лежатъ предѣлы содержащагося въ немъ утвержденія или отрицанія.

Слово *терминъ,* введенное Аристотелемъ, и сохранившееся, у всѣхъ писателей по Логикѣ, въ ученіи о силлогизмѣ, иногда не встрѣчается въ анализѣ предложеній. Д. С. Милль, говоря о составѣ предложеній, не упоминаетъ о терминахъ. Точно также поступаютъ нѣкоторые русскіе писатели, напр., *Владиславлевъ, Струве.* Большая часть нѣмецкихъ писателей послѣ Канта поступаютъ также. Писатели англійскіе, пользующіеся словомъ *терминъ,* объясняютъ его первоначальный смыслъ иначе, чѣмъ это сдѣлано нами. Такъ *Стэнли Джевонсъ* говоритъ: „Терминъ такъ называется потому, что онъ составляетъ конецъ (terminus — по-латини конецъ) предложенія". *А. Мильнсъ:* слово *Term* „произошло отъ латинскаго terminus, граница, и означаетъ просто два конца предложенія, или скорѣе начало и конецъ". Это толкованіе нельзя считать вполнѣ исчерпывающимъ мысль Аристотеля. Термины принадлежатъ не только предложенію, но и *силлогизму.* Терминъ, какъ *конецъ,* получилъ бы, въ силлогизмѣ, странный эпитетъ въ названіи *средняго.* Затѣмъ, *опредѣленіе,* ὁρισμός Аристотеля, было бы лишено своей связи съ терминами (ὅροι) предложенія, если бы послѣдніе означали только концы его. Согласно съ нашимъ взглядомъ высказываются слѣдующіе писатели. *Тренделенбургъ:* Ὅρος, что́ латиняне перевели словомъ *терминъ,* есть какъ бы ограничивающее понятіе. Какъ линіи суть предѣлы плоскости и создаютъ природу фигуры, такъ подлежащее и сказуемое суть ὅροι, которыми очерчивается предложеніе (enuntiatio). *Рейхлинъ-Мельдегъ:* „Подлежащимъ и сказуемымъ полагаются предѣлы сужденію. Что выходитъ изъ предѣловъ подлежащаго и сказуемаго, то не относится къ сужденію".

8. Подлежащее и сказуемое предложенія представляютъ *одни и тѣ же* предѣлы утвержденія или отрицанія въ каждомъ изъ трехъ порядковъ различаемыхъ въ немъ элементовъ. Причина тому заключается въ ихъ взаимномъ отношеніи. Имена и понятія предложенія суть отраженія утверждаемой или отрицае-

мой въ немъ дѣйствительности, — иначе сказать, словесные и мысленные *знаки* вещей, съ которыми имѣетъ дѣло предложеніе въ подлежащемъ и сказуемомъ. Какъ отраженія, какъ знаки вещей,— имена и понятія воспроизводятъ въ себѣ ихъ предѣлы. Отсюда предѣлы утвержденія или отрицанія, въ именахъ, понятіяхъ и вещахъ предложенія, одни и тѣ же.

Это обстоятельство именно и ведетъ къ двумъ извѣстнымъ *методамъ* логическаго анализа терминовъ предложенія. Такъ какъ утверждаемыя или отрицаемыя предложеніемъ вещи даны въ словесныхъ и мысленныхъ знакахъ ихъ, представляемыхъ именами и понятіями предложенія: то ясно, что логическій анализъ терминовъ предложенія не можетъ имѣть прямаго дѣла съ его *объективными* элементами, т. е. съ вещами. Такимъ образомъ, прямой логическій анализъ терминовъ предложенія можетъ имѣть дѣло только съ *именами* и *понятіями* предложенія. Отсюда два метода въ изученіи терминовъ предложенія. Одни изучаютъ ихъ въ *именахъ* предложенія, другіе въ его *понятіяхъ*. Мы отдаемъ преимущество первому, по слѣдующимъ побужденіямъ. Въ именахъ предложенія, предѣлы послѣдняго очерчены раздѣльнѣе, яснѣе, отчетливѣе. Имена вещей не допускаютъ, по самой природѣ своей, такихъ индивидуальныхъ или личныхъ разницъ, какъ понятія о вещахъ. Насколько понятія очерчены рѣзко въ умахъ людей, опредѣленность ихъ вырабатывается только съ употребленіемъ именъ, или словъ, и не можетъ удержаться иначе какъ въ связи съ послѣдними, — какъ опредѣленность ихъ *значеній* или *смысла*. Самое образованіе нѣкоторой популярной системы общихъ понятій не возможно безъ образованія именъ; и ясно, что предѣлы этихъ понятій, въ умахъ людей, сохраняются только благодаря именамъ, или замѣняющимъ ихъ другимъ знакамъ того же порядка. Такъ что изученіе терминовъ предложеній по второму методу возможно, въ бо́льшей части случаевъ, только вслѣдствіе постоянной, скрытой (про себя),

или открытой (вслухъ и на бумагѣ), иллюстраціи понятій именами.

Впрочемъ оба метода сближаются между собою, по мѣрѣ того, какъ субъективный анализъ терминовъ теряетъ свою исключительность, а словесный анализъ ихъ тщательнѣе выдвигаетъ покрываемые именами субъективные и объективные элементы предложенія.

(1) Представителями *перваго* метода являются: великій основатель Логики, *Аристотель,* вмѣстѣ со всѣми его послѣдователями древняго времени, среднихъ вѣковъ и временъ возрожденія наукъ на Западѣ; затѣмъ, въ новое время, большинство выдающихся англійскихъ писателей по Логикѣ, какъ-то: *Бэконъ, Гоббсъ, Уэтли, Милль, Бэнъ,* и другіе. Въ обработкѣ терминовъ по этому методу существенныхъ разницъ не представляется. Замѣтныя различія сводятся къ тому, что Аристотель, обращаясь съ терминами, какъ именами и вещами, уклоняется отъ рѣчи о понятіяхъ предложенія. Его примѣра держались писатели его древней школы, и даже среднихъ вѣковъ, не смотря на возбужденные споры о природѣ общихъ понятій, раздѣлившіе писателей этихъ вѣковъ на *реалистовъ, номиналистовъ* и *концептуалистовъ*. — Новѣйшіе номиналисты, какъ *Гоббсъ,* внесли свой взглядъ и въ Логику, который сводится къ тому, что о понятіяхъ, отдѣльно отъ именъ, не можетъ быть и рѣчи, какъ о вещи несуществующей. Смыслъ его ученія переданъ въ словахъ Логики Поръ-Рояля (см. § 4 этой главы). — *Д. С. Милль,* не отрицая существованія понятій, думаетъ однако, что анализъ ихъ природы, отдѣльно отъ именъ, т. е. ихъ значеній, не принадлежитъ Логикѣ. Такимъ образомъ, ясно, что въ положительной части своихъ ученій о терминахъ предложеній, Гоббсъ и Д. С. Милль, остаются на точкѣ зрѣнія Аристотеля, имѣя дѣло съ терминами какъ именами и вещами, или какъ *именами вещей.* — *Уэтли,* настаивая на томъ, что „Логика имѣетъ дѣло только съ *языкомъ*“, т. е. предложеніями, составляющими силлогизмъ, и ихъ терминами или именами, посвящаетъ тѣмъ не менѣе нѣкоторое вниманіе „выражаемымъ терминами или именами *понятіямъ* (notions). *Бэнъ,* въ анализѣ предложенія занятъ, подобно Аристотелю и

Миллю, только именами и вещами: „всякое предложеніе, говоритъ онъ, указываетъ (mentions) на двѣ вещи; и, слѣдовательно, составлено по крайней мѣрѣ изъ двухъ именъ". Но ученіе объ именахъ („или терминахъ") онъ сопровождаетъ параллельнымъ разсмотрѣніемъ классовъ и *понятій* (notions or concepts). Вообще, въ послѣднее время стало устанавливаться у англійскихъ писателей воззрѣніе, что, изучая термины какъ имена, они занимаются вѣ то же время именуемыми вещами и понятіями объ нихъ. *Стэнли Джевонсъ* говоритъ: „Едва ли нужно останавливаться на вопросѣ о томъ, чѣмъ занимается логика, — рѣчью, понятіями, или вещами. Съ такимъ же точно правомъ, мы могли бы спорить о томъ, чѣмъ занимается математика, — символами, количествами или вещами... Логикъ трактуетъ о языкѣ въ такой мѣрѣ, въ какой онъ необходимъ для воплощенія и представленія мысли. Даже еслибы умозаключеніе могло совершаться *во внутреннемъ сознаніи* человѣка, безъ употребленія какихъ бы то ни было знаковъ, — что̀ сомнительно, — то и въ этомъ случаѣ *оно не могло бы быть* предметомъ обсужденія до тѣхъ поръ, пока не обнаружилось бы для другихъ посредствомъ какой-нибудь системы матеріальныхъ знаковъ. Логикъ поэтому употребляетъ слова и символы какъ орудія умозаключенія, и предоставляетъ сущность и особенности рѣчи грамматикамъ. Но знаки опять таки должны соотвѣтствовать выражаемымъ мыслямъ и вещамъ, для того чтобы могли служить предназначенной имъ цѣли. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что логика трактуетъ въ концѣ о мысляхъ и вещахъ, но прямымъ образомъ о замѣщающихъ ихъ знакахъ. Знаки, мысли и внѣшніе предметы могутъ быть разсматриваемы какъ параллельные и аналогическіе ряды явленій, и изученіе одного изъ трехъ рядовъ равносильно изученію двухъ другихъ". — Въ русской логической литературѣ, этотъ методъ изученія терминовъ имѣлъ представителей въ переводныхъ сочиненіяхъ *Уэтли, Милля* и *Стэнли Джевонса,* но ни въ одномъ оригинальномъ.

(2) *Второй* методъ изученія терминовъ предложенія имѣетъ своими представителями, во Франціи, Логику *Поръ-Рояля,* господствовавшую до послѣдняго времени въ литературѣ этой страны, — въ Англіи — *Гётчесона,* въ Германіи — *Вольфа* и *Канта.* Вся

русская логическая литература, болѣе или менѣе оригинальнаго характера, примыкала до сихъ поръ къ этимъ писателямъ; сюда же принадлежатъ русскіе переводы логическихъ сочиненій *Баумейстера, Бахмана.*

Въ характерѣ работъ по этому методу можно замѣтить слѣдующія разницы: во-первыхъ, методъ *субъективно-словесный,*—когда изученіе *понятій,* какъ элементовъ предложенія, дополняется послѣдующимъ анализомъ именъ, — какъ въ Логикѣ *Поръ-Рояля, Вольфа* и *Гетчесона.* Такъ какъ логическій анализъ понятій или идей не имѣетъ никакого содержанія, отличнаго отъ анализа именъ, то Логика Поръ-Рояля спасается отъ повтореній только краткостью дополнительнаго ученія объ именахъ, какъ терминахъ; зато повтореніе однихъ и тѣхъ же замѣчаній, по поводу понятій и терминовъ, отожествляемыхъ Вольфомъ съ именами, выступаетъ наглядно въ Логикѣ послѣдняго. Напр. „§ 113 *Понятіемъ общимъ* (communis) называется то, которое выставляетъ общее многому; *единичнымъ* (singularis) то, которое представляетъ вещь единичную, или недѣлимое. § 114: *Терминомъ общимъ* называется тотъ, который означаетъ общее понятіе; а *единичнымъ* тотъ, который означаетъ недѣлимое". Такимъ же образомъ: „§ 105: Notio simplex et complexa; § 108: Terminus simplex et complexus"; и т. д. *Гетчесонъ,* слѣдуя тому же направленію, ближе къ Логикѣ Поръ-Рояля, хотя нѣсколько щедрѣе послѣдней на повторенія однѣхъ и тѣхъ же вещей, въ ученіи о понятіяхъ и именахъ или „терминахъ". Вольфу и Гетчесону слѣдуютъ изъ русскихъ писателей: *Лодій,* отчасти *Богдановъ.*

Второе направленіе работъ по тому же методу можно назвать методомъ *субъективно-объективнымъ.* Онъ не занимается *именами,* а ограничивается *понятіями* и *вещами.* Этотъ методъ сформировался, очевидно, подъ сложнымъ вліяніемъ — Канта, и Вольфа (или Логики Поръ-Рояля). Онъ игнорируетъ имена; отъ логическаго анализа понятій, не углубляясь въ психологическое изученіе послѣднихъ, — переходитъ къ предметамъ. Въ Германіи этотъ методъ является господствующимъ, и принимаетъ съ своей стороны, нѣсколько оттѣнковъ, между которыми слѣдуетъ отмѣтить особенно два, — именно, во-первыхъ, стремленіе сдѣлать изъ анализа по-

нятій нѣкоторую *онтологію,* или *philosophiam primam,* — какъ это мы видимъ въ логикахъ *Гегеля, Тренделенбурга, Ульрици;* и, во-вторыхъ, простое стремленіе поставить яснѣе на видъ предметное значеніе понятій, въ интересахъ Логики, — какъ это мы видимъ въ логическихъ произведеніяхъ *Ибервега, Рейхлина-Мельдега, Лотце, Зиварта, Вундта.* Русскіе писатели по Логикѣ слѣдуютъ по преимуществу субъективно-объективному методу — въ его второмъ оттѣнкѣ. Это видно въ сочиненіяхъ: *Лащенко, Рождественскаго, Новицкаго, Михневича, Карпова, Гошкевича, Свѣтилина, Владиславлева, Струве.*—Такимъ образомъ, г Владиславлевъ, въ анализѣ понятія, занимается собственно предметомъ понятія. Этотъ анализъ онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Теперь мы можемъ опредѣлить понятіе. Имѣть понятіе предмета значитъ мыслить его въ неизмѣнныхъ, существенныхъ и общихъ чертахъ". Разсматривая понятіе со стороны содержанія и объема, онъ видитъ содержаніе его въ „чертахъ предмета, отличающихъ его отъ другихъ", — а объемъ понятія въ „совокупности предметовъ, которые заключаются или мыслятся въ понятіяхъ"; и т. д.

Третье направленіе того же, втораго метода можно назвать *субъективно-психологическимъ,*—такъ какъ въ анализѣ понятій онъ ограничивается субъективными данными психологіи, уклоняясь отъ анализа какъ именъ, такъ и вещей. Субъективно-психологическій методъ имѣетъ также свои оттѣнки въ логическихъ сочиненіяхъ *Канта,* школы *Гербарта,—Дробиша, Штрюмпеля* и т. д.,— *Бенеке* и другихъ. Такимъ образомъ, Кантъ опредѣляетъ понятіе (Begriff), отличая его отъ воззрѣнія (Anschauung), какъ другой видъ *представленія* (Vorstellung). „Всѣ познанія, говоритъ онъ, т. е. всѣ представленія, имѣющія сознательное отношеніе къ какому-нибудь предмету, суть или *воззрѣнія,* или *понятія.* Воззрѣніе есть единичное представленіе (repraesentatio singularis); понятіе есть общее (repraesentatio per notas communes) или рефлектированное представленіе (repraesentatio discursiva)". У *Канта,* этотъ методъ, вдаваясь въ психологическій анализъ понятій, еще не чуждается анализа ихъ объективной стороны; но послѣдній постепенно исчезаетъ въ логическихъ работахъ школы Гербарта и Бенеке. Въ тѣхъ и другихъ дѣло идетъ собственно о томъ, чтобы ученіе

объ идеяхъ или понятіяхъ, данное логикою Поръ-Рояля или Вольфа, объяснить психологическими теоріями Гербарта или Бенеке, отчасти по руководству Канта. Слѣды этого субъективно-психологическаго метода мы встрѣчаемъ, въ русской литературѣ, у *Карпова, Райковскаго, Владиславлева;* но оно выступаетъ съ полною ясностью у *г. Грота.* Г. Гротъ представилъ попытку объяснить логическое ученіе объ элементахъ предложеній, — не вдаваясь въ анализъ именъ и вещей, — исключительно психологическими теоріями, напоминающими ученія *Гербарта Спенсера.*

ГЛАВА VI.

Объемъ и содержаніе терминовъ.

1. Предѣлы предложеній, какъ замѣчено выше, ограничены „объемомъ“ ихъ подлежащихъ, и „содержаніемъ“ ихъ сказуемыхъ,—слѣдовательно, „объемомъ“ и „содержаніемъ“ ихъ „терминовъ“. Теперь спрашивается: что такое *объемъ* и *содержаніе терминовъ?*

Вопросъ объ объемѣ и содержаніи терминовъ есть единственный логическій вопросъ о терминахъ, какъ элементахъ предложеній и силлогизма. Всѣ другіе вопросы о терминахъ, не входящіе въ ученіе о предложеніяхъ, и не разъясняющіе предѣлы послѣднихъ, не относятся къ этой части Логики, или же вовсе не принадлежатъ къ логическимъ вопросамъ. Въ періодъ господства такъ-называемой *формальной* логики,— т.-е. когда вся Логика сводилась къ ученію о силлогизмѣ, — писатели по этой наукѣ относились строже къ ея задачамъ въ ученіи о терминахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ авторы Logique du Port-Royal вознамѣрились „оживить“ этотъ сухой отдѣлъ Логики внесеніемъ въ него, чуждыхъ ему, ученій психологіи, грамматики, реторики, метафизики и т. д., истинныя границы логическаго ученія о терминахъ болѣе и болѣе терялись изъ виду. Теперь едва ли кто-нибудь считаетъ для себя обязательною логическую строгость въ этомъ отдѣлѣ Логики. Спеціальными нововведеніями авторовъ Logique du Port-Royal, какъ послѣдователей Декарта, были: ученіе о „ясности и раздѣльности“ идей, связанныхъ съ именами; — ученіе о противоположныхъ недостаткахъ ихъ „темноты“ и „сбивчивости“ и о средствахъ къ избѣжанію ихъ, — что̀ подало поводъ ввести

въ отдѣлъ ученія о терминахъ даже теорію словесныхъ опредѣленій или дефиницій Эти нововведенія приняты логикою *Вольфа и Гетчесона;* изъ русскихъ авторовъ встрѣчаются — у *Богданова, Лодія, Ивашковскаго, Лащенко, Новицкаго, Михневича, Карпова, Райковскаго, Струве.—Гетчесонъ* внесъ въ отдѣлъ о терминахъ логическое ученіе о „раздѣленіи“ или „классификаціи“. *Кантъ* ввелъ въ тотъ же отдѣлъ собственныя ученія о разницахъ между понятіями *à priori* и *à posteriori*, и психологическія ученія объ актахъ „сравненія“, „рефлексіи“ и „отвлеченія“. Введеніе въ этотъ отдѣлъ ученія о „сравненіи“ и „отвлеченіи“ усвоено многими, между прочимъ, *Вундтомъ;* — изъ русскихъ писателей – *Рождественскимъ, Новицкимъ, Карповымъ, Свѣтиловымъ, Струве.* Г. Владиславлевъ, въ отдѣлъ о терминахъ предложеній, вводитъ не только ученіе объ опредѣленіи“ и „научной классификаціи“, но даже о „научной терминологіи“, и кромѣ того совершенно психологическое изслѣдованіе о „различіи понятій“ у людей.

Наибольшею логическою строгостью въ обработкѣ этого отдѣла отличаются важнѣйшіе писатели Англіи, какъ *Уэтли, Миллъ, Бэнъ, С. Джевонсъ, Милльсъ,* — хотя и у нихъ изрѣдка встрѣчаются ученія, присутствіе которыхъ въ этомъ отдѣлѣ трудно оправдать съ логической точки зрѣнія. Таково, напр., ученіе Бэна о „словесныхъ“ предложеніяхъ, помѣщенное въ отдѣлѣ о терминахъ.

2. Термины какъ имена означаютъ, во-первыхъ, *предметы*, и во-вторыхъ, *признаки* предметовъ.

Предметы, къ которымъ приложимъ какой-нибудь терминъ, какъ ихъ имя, составляютъ *объемъ* этого термина (или его значенія); признаки же предметовъ, означаемые извѣстнымъ терминомъ, составляютъ содержаніе этого термина (или его значенія). Объемъ термина *человѣкъ,* въ предложеніи: „всѣ люди смертны“, составляютъ всѣ люди, жившіе, живущіе и будущіе. Содержаніе того же термина, въ предложеніи: „Сократъ человѣкъ“, составляютъ *признаки* человѣка,— признаки дающіе основаніе называть нѣкоторые предметы именемъ людей, — каковы, напр., тѣлесность, жизнь, организація, разумность, извѣстная внѣшняя фигура.

Объемъ (ambitus, sphaera, extensio) называется также *широтою* или *обширностью, охватомъ* термина. *Содержаніе* (complexus, summa notarum, intensio) называются также *глубиною* термина. Ученіе объ объемѣ и содержаніи терминовъ появляется, не въ одинаковомъ смыслѣ, въ Логикѣ *Порь-Рояля* и *Гетчесона*, игнорируется *Вольфомъ*, и получаетъ твердую постановку въ первый разъ, повидимому, у *Канта*, указавшаго законъ *обратнаго отношенія* объема (Umfang) къ содержанію (Inhalt). Ученіе объ объемѣ и содержаніи усвоено послѣдующими писателями Германіи; изъ русскихъ, оно встрѣчается въ первый разъ у *Іодія*, въ его различеніи „распространительнаго и содержательнаго количества" понятій, а затѣмъ сохраняется у всѣхъ позднѣйшихъ писателей, оканчивая *Владиславлевымъ* и *Струве*. Изъ англійскихъ писателей иные предлагаютъ его только косвенно, какъ *Уэтли, Милль, Бэнъ;* другіе выставляютъ прямо, какъ *Гэмильтонъ, Де-Морганъ, Стэнли Джевонсъ, Монкъ, Мильнсъ*. Нѣкоторые англійскіе писатели, воспроизводя ученіе объ объемѣ и содержаніи терминовъ, называютъ объемъ — *означеніемъ* (Denotation), а содержаніе — *соозначеніемъ* (Connotation) терминовъ, и слѣдуютъ, въ этомъ случаѣ, *милеву* ученію о *соозначающихъ* именахъ. — *С. Джевонсъ:* „Значеніе термина по объему, состоитъ изъ предметовъ, къ которымъ можетъ быть прилагаемъ терминъ; а его значеніе по содержанію состоитъ изъ тѣхъ качествъ, которыя необходимо принадлежатъ предметамъ, носящимъ это имя. Простой примѣръ сдѣлаетъ эту разницу вполнѣ ясною. Какое значеніе имѣетъ имя „металлъ"? Первый и самый наглядный отвѣтъ на это тотъ, что металлъ значитъ или золото, или серебро, или желѣзо, или мѣдь, или алюминій, или какое-нибудь другое изъ 48 веществъ, извѣстныхъ химикахъ и признаваемымъ за обладающія природою металла. Эти вещества, составляющія простое и обыкновенное значеніе имени металлъ, суть его значеніе по объему. Но если спросить, почему это имя прилагается ко всѣмъ этимъ веществамъ, и только къ нимъ однимъ, то отвѣтъ долженъ быть таковъ: потому что они обладаютъ извѣстными качествами, принадлежащими природѣ металла. Поэтому, мы не можемъ знать, какимъ веществамъ можно дать это имя и какимъ нельзя, пока не знаемъ тѣхъ качествъ, которыя не отдѣлимы отъ природы металла. Химики причисляютъ къ этимъ качествамъ

приблизительно слѣдующія: 1) металлъ долженъ быть элементомъ, или простымъ веществомъ, которое не можетъ быть разложено или раздѣлено на болѣе простыя вещества никакими извѣстными средствами; 2) онъ долженъ быть хорошимъ проводникомъ теплоты и электричества; 3) онъ долженъ обладать особенною и большою отражательною способностью, извѣстною подъ названіемъ металлическаго блеска. Эти свойства, общія всѣмъ или почти всѣмъ металламъ, и составляютъ то, что отличаетъ и отдѣляетъ металлы отъ другихъ веществъ. Поэтому они, съ извѣстной стороны, составляютъ значеніе имени металлъ, — значеніе по содержанію, какъ оно называется въ отличіе отъ значенія перваго рода".

3. Важнѣйшее дѣленіе терминовъ *по объему* состоитъ въ раздѣленіи ихъ на *единичные* и *общіе.*

Единичнымъ (singularis, individualis) называется терминъ приложимый только къ одному предмету; *общимъ* (communis, universalis)— терминъ, приложимый, въ томъ же самомъ значеніи, къ неограниченному числу предметовъ.

Имена: Рюрикъ, Великій Князь Владиміръ, просвѣтившій Россію христіанскою вѣрою, — Москва, Кавказъ, колокольня Ивана Великаго, суть термины единичные. Князь, городъ, горный хребетъ, зданіе, дѣйствіе, добродѣтель, право, суть имена общія.

Аристотель: „Между вещами, однѣ бываютъ общими, другія единичными. Я называю общимъ, что̀, по природѣ своей, можетъ быть сказуемымъ многаго (ἐπὶ πλειόνων), и единичнымъ, что не можетъ быть таковымъ; напр., человѣкъ есть общее, а Калліасъ — единичное". *Гоббсъ:* „Иныя имена общи (communia) множеству вещей, какъ *человѣкъ, дерево;* другія свойственны только единичнымъ вещамъ, какъ: *тотъ, кто написалъ Иліаду; Гомеръ; этотъ; тотъ*". *С. Джевонсъ:* „въ то время какъ Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ и проч. суть единичные термины, — такъ какъ каждый изъ нихъ означаетъ только отдѣльную планету,—терминъ планета есть общій, такъ какъ онъ приложимъ ко всѣмъ тѣламъ движущимся, подобно землѣ, вокругъ солнца, сколько бы ихъ ни было открыто". *Бэнъ:* имена „собирательныя", какъ народъ, войско, толпа, собра-

ніе, вселенная, единичны... Но такъ какъ есть многіе народы, войска, собранія, то эти имена также и общи. — Коллективный терминъ „вселенная“ только единиченъ; такъ какъ вселенная только одна.— Имена „вещественныя“, земля, камень, соль, ртуть, вода, огонь. суть также имена единичныя, потому что каждое изъ нихъ означаетъ все собраніе одного изъ видовъ вещества“. Имена „ограниченныхъ“ классовъ, какъ *семь греческихъ мудрецовъ*, также не принадлежатъ къ общимъ. Только имена классовъ неограниченныхъ, или классовъ въ строгомъ смыслѣ, суть имена общія.

4. Важнѣйшее раздѣленіе терминовъ по *содержанію* ихъ значенія, есть раздѣленіе ихъ на *простые* и *сложные*.

Простымъ (simplex sive incomplexus) называется терминъ, содержаніе котораго состоитъ только изъ одного свойства означаемыхъ имъ предметовъ. Таковы термины: *бѣлый, холодный; удовольствіе, протяженіе; число; существо; бѣлизна, холодъ, простота.*

Сложнымъ (complexus, compositus) называется терминъ, содержаніе котораго состоитъ изъ двухъ или болѣе свойствъ означаемыхъ имъ предметовъ; таковы: *магнитъ, духъ, кислородъ, слонъ, человѣкъ; — магнетизмъ; человѣчность; свойства духа* и т. д.

Раздѣленіе терминовъ на простые и сложные простирается, въ Логикѣ *Поръ-Рояля,* у *Гетчесона* и *Вольфа,* на *идеи* или *понятія* и *имена;* игнорируется Кантомъ и послѣдующими писателями въ Германіи; принимается англійскимъ логикомъ Уэтли какъ тожественное съ дѣленіемъ именъ на *однословныя* и *многословныя;* игнорируется *Миллемъ, С. Джевонсомъ,* и встрѣчается у *Бэна,* какъ характеристика *понятій.* Изъ русскихъ писателей, какъ дѣленіе *идей* или *понятій,* находится у *Богданова, Лодія, Ивашковскаго, Лащенко* и, въ послѣднее время, у *Струве. — Бэнъ: „Магнитъ* характеризуется двумя признаками: 1) способностью притягивать желѣзо и 2) полярностью; *духъ* — тремя свойствами: чувствительностью, волею, умомъ; *воспаленіе* — четырьмя, и т. д. Въ опредѣленіи про-

стаго химическаго тѣла, называемаго *кислородомъ*, вводится отъ десяти до двадцати признаковъ; полное исчисленіе всѣхъ физическихъ и нравственныхъ признаковъ *слона* составило бы вѣроятно отъ шестидесяти до ста членовъ; свойства общія всѣмъ *людямъ* еще многочисленнѣе".

5. Объемъ и содержаніе терминовъ связаны между собою слѣдующимъ закономъ: *объемъ терминовъ находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ содержанію*,—съ точки зрѣнія *количества* того и другаго. Т. е. чѣмъ больше объемъ какого-нибудь термина, сравнительно съ другими, тѣмъ меньше его содержаніе, сравнительно съ послѣдними. И наоборотъ: чѣмъ меньше объемъ, тѣмъ больше содержаніе. Терминъ *металлъ* обнимаетъ болѣе предметовъ, чѣмъ терминъ: *драгоцѣнный* металлъ; въ то же время, содержаніемъ послѣдній богаче перваго: потому что драгоцѣнный металлъ, обладая *всѣми признаками металла*, обладаетъ еще признакомъ, несвойственнымъ многимъ металламъ, именно *драгоцѣнностью*.

Принимая во вниманіе разсмотрѣнныя дѣленія терминовъ по объему и содержанію, законъ обратнаго отношенія между тѣмъ и другимъ можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: чѣмъ общѣе терминъ по объему, тѣмъ простѣе по содержанію: и чѣмъ *менѣе общъ* по объему, тѣмъ *сложнѣе* по содержанію.

Кантъ: „содержаніе (Inhalt)" и объемъ (Umfang) понятія состоятъ въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Чѣмъ болѣе понятіе заключаетъ *подъ* собою, тѣмъ менѣе оно заключаетъ *въ* себѣ, и обратно". *Бэнъ:* „означеніе или объемъ, и соозначеніе или содержаніе, — взаимно противоположны; чѣмъ больше одного, тѣмъ меньше другого. Терминъ „животное", по означенію или объему, больше термина „человѣкъ"; такъ какъ онъ обнимаетъ не только всѣхъ людей, но и всѣ другіе виды животныхъ. Зато его соозначеніе или содержаніе меньше; онъ соозначаетъ только признаки, общіе всѣмъ животнымъ, которыхъ гораздо меньше чѣмъ

признаковъ, общихъ всѣмъ людямъ, — а именно, животную жизнь вообще, не включая различныя организованныя формы. Съ другой стороны, терминъ „мудрые люди“ — означаетъ меньше, или имѣетъ меньшій объемъ, чѣмъ терминъ „люди“; онъ прилагается только къ нѣкоторымъ избраннымъ людямъ. Но онъ соозначаетъ или содержитъ больше; къ соозначенію термина „люди“ онъ прибавляетъ соозначеніе термина „мудрые“. — *Милль:* „Законъ отношенія объема и содержанія надобно понимать въ грубомъ общемъ смыслѣ, а вовсе не какъ математически точную формулу. Онъ не значитъ, что, удвоивши означеніе, получимъ половину соозначенія... Онъ долженъ быть понятъ просто, какъ указывающій на то, что болѣе широкому означенію сопутствуетъ меньше соозначенія... Хорошій примѣръ этого закона можно найти въ ариѳметикѣ. Толковое изученіе элементовъ ариѳметики цѣлыхъ чиселъ покажетъ очень скоро, что количества могутъ быть слагаемы и вычитаемы только тогда, когда они того же класса (kind). Такъ мы не можемъ найти сумму

5 лошадей + 3 собаки,

потому что означеніе (объемъ) тѣхъ и другихъ, *лошадей* и *собакъ*, слишкомъ мало, чтобы однѣ включали другихъ. Логически, однако, нѣкоторое рѣшеніе можетъ быть найдено. Мы можемъ оставить ту долю соозначенія (содержанія) каждаго изъ двухъ терминовъ, какая свойственна только ему одному, и вслѣдствіе этого, — такъ какъ уменьшить соозначеніе значитъ увеличить означеніе, — можемъ найти какъ бы родъ логическаго общаго слагаемаго двухъ соозначеній. Такимъ образомъ, *лошадь* содержитъ всѣ признаки *четвероногаго* и нѣкоторые другіе; *собака* содержитъ, точно также, всѣ признаки *четвероногаго* и нѣкоторые другіе. Слѣдовательно, выбрасывая „нѣкоторые другіе“ изъ каждаго термина, мы найдемъ общее соозначеніе для каждаго — въ „обладаніи четырьмя ногами“, сопутствующее означенію достаточно широкому, чтобы обнять тѣхъ и другихъ, и получимъ —

5 лошадей + 3 собаки = 8 четвероногимъ.

Изучающій увидитъ, что въ этомъ случаѣ былъ выбранъ наименьшій классъ, способный обнимать и лошадей и собакъ. Мы

могли бы выбрать классъ болѣе широкій, „животныя“, и тогда получили бы —

5 лошадей + 3 собаки = 8 животнымъ.

Въ этомъ случаѣ, однако, нужно было бы еще болѣе выбросить изъ соозначенія каждаго изъ слагаемыхъ, потому что и *лошадь* и *собака* содержатъ признакъ „хожденія четырьмя ногами“, между тѣмъ какъ *животное* не содержитъ этого частнаго числа ногъ, или какихъ-нибудь ногъ вообще“.

6. Вслѣдствіе обратнаго отношенія объема терминовъ къ ихъ содержанію получается слѣдующее:

1) Всѣ *единичные* термины могутъ быть только *подлежащими* предложеній. Единичные признаки единичнаго предмета не позволяютъ ему быть сказуемымъ другого единичнаго предмета, или класса предметовъ. О *Сократѣ* нельзя сказать, что онъ *Платонъ,* и наоборотъ; и *человѣка* вообще нельзя назвать *Платономъ* или *Сократомъ.*

2) *Самые общіе* термины какого-нибудь отдѣла предметовъ должны быть *простыми.* Терминъ *существа,* въ отдѣлѣ предметовъ, къ которому принадлежатъ *неорганическія тѣла, растенія, животныя,* есть самый общій этого отдѣла и самый простой. Такіе термины, называемые *категоріями,* могутъ быть только *сказуемыми* предложеній относительно предметовъ ихъ отдѣла. О *существѣ* нельзя сказать, что оно *неорганическое тѣло, растеніе, животное;* но *органическія тѣла, растенія, животныя* суть *существа.*

3) Термины единичные, и категоріи, называются *крайними терминами;* всѣ *менѣе общіе* термины той-же категоріи называются *промежуточными* или *средними.* Между терминомъ *существа,* и терминами отдѣльныхъ людей, какъ *Платонъ, Сократъ,* — средними терминами будутъ: *существо органическое, животное, человѣкъ.* Средніе термины могутъ быть и *подлежа-*

щими и *сказуемыми* предложеній. О *Сократѣ* можно сказать, что онъ *человѣкъ*, и о *человѣкѣ*, что онъ *существо*.

4) Когда классъ болѣе широкій (напр. *животное*) обнимаетъ классъ менѣе широкій (напр. *человѣкъ*), то классъ болѣе широкій, относительно класса менѣе широкаго, называется *родомъ* (genus), а классъ менѣе широкій, относительно болѣе широкаго, называется *видомъ* (species). Всѣ средніе термины означаютъ классы, которые суть въ одно и то же время и *виды* и *роды*, — виды относительно обнимающихъ ихъ классомъ, называемыхъ *высшими*, и роды относительно обнимаемыхъ ими классовъ, называемыхъ *низшими*. Только *самый высшій родъ* (genus generalissimum) не можетъ быть видомъ; и *самый низшій видъ* (species specialissima), обнимающій недѣлимые или единичные предметы, не бываетъ родомъ. Самые высшіе роды означаются самыми общими терминами, или *категоріями* предметовъ.

(1) *Аристотель:* „Между вещами есть такія, которыя не могутъ быть вполнѣ приписываемы другимъ; таковы — Клеонъ, Каллiасъ, и все единичное и подлежащее чувствамъ. Но всѣмъ такимъ вещамъ приписываются другія; (такъ тотъ и другой изъ названныхъ есть и человѣкъ и животное). Иныя вещи сами приписываются другимъ, въ то время какъ послѣднія имъ не приписываются. А иныя и сами приписываются другимъ, и другія вещи принимаютъ какъ свои признаки. Такъ, человѣкъ есть свойство Калліаса, и самъ обладаетъ свойствомъ животнаго“. Нельзя доказать, чтобы можно было приписать что-нибудь самымъ высшимъ терминамъ; вещи единичныя не могутъ быть признаками другихъ; „что касается терминовъ промежуточныхъ, то ясно, что они могутъ быть употребляемы тѣмъ и другимъ способомъ: они говорятся о другихъ, и другіе говорятся объ нихъ. Споры и вопросы относятся почти исключительно къ терминамъ послѣдняго рода“.

Порфирій: „Во всѣхъ категоріяхъ есть термины самые родовые и самые видовые; затѣмъ, между этими двумя крайностями, — самыми родовыми и самыми видовыми, — есть иные термины, ко-

торые въ одно и то же время суть роды и виды. Самый родовой терминъ тотъ, выше котораго нельзя имѣть рода, который бы превосходилъ его; самый видовой тотъ, за которымъ нѣтъ вида, который былъ бы ниже его. Между самыми родовыми и самыми видовыми есть другіе термины, въ одно время и роды и виды, конечно относительно различныхъ терминовъ. Объяснимъ то, что мы хотимъ сказать, на одной категоріи. Существо есть само родъ. Ниже его — тѣло, ниже тѣла — тѣло одушевленное, подъ которымъ стоитъ животное; ниже животнаго — животное разумное, подъ которымъ стоитъ человѣкъ; подъ человѣкомъ — Сократъ, Платонъ и всѣ люди въ частности. Изъ всѣхъ этихъ терминовъ, существо есть самый родовой, — единственный, который есть только родъ; человѣкъ есть самый видовой, — единственный, который есть только видъ. Тѣло есть видъ существа, но есть родъ одушевленнаго тѣла. Одушевленное тѣло есть само видъ тѣла; но есть родъ животнаго. Животное, въ свою очередь, есть видъ одушевленнаго тѣла, но есть родъ разумнаго животнаго. Разумное животное есть видъ животнаго, и родъ человѣка. Что касается человѣка, то онъ есть видъ животнаго; но не есть болѣе родъ отдѣльныхъ людей; онъ есть просто видъ". — Низшіе термины подходятъ подъ высшіе. „Такимъ образомъ, Агамемнонъ есть Атридъ, Пелонидъ, Танталидъ и наконецъ связывается съ Юпитеромъ. Въ генеалогіяхъ, происхожденіе сводятъ всего чаще къ одному виновнику, напр. Юпитеру; но не такъ стоитъ съ родами и видами. Потому что *существо* не есть общій родъ всего; *все* не однородно съ какимъ нибудь однимъ терминомъ, — который былъ бы самымъ высшимъ родомъ, — какъ это хорошо показываетъ Аристотель".

(2) *О категоріяхъ. Аристотель* указалъ *десять* категорій: „каждое реченіе, взятое безъ всякой связи съ другими, означаетъ или существо (οὐσίαν), или количество (ποσόν), или качество (ποιόν), или отношеніе (πρός τι), или мѣсто (ποῦ), или время (πότε), или положеніе (κεῖσθαι), или обладаніе (ἔχειν), или дѣйствіе (ποιεῖν), или страданіе (πάσχειν). Напримѣръ: существо — человѣкъ, лошадь; количество — двухъ локтей, трехъ локтей; качество — бѣлый, грамматическій; отношеніе — вдвое, половина, больше; мѣсто — на публичной площади, въ Лицеѣ; время — вчера, въ прошломъ году; положеніе — лежать, сидѣть; состояніе — быть обутымъ, быть вооружен-

нымъ; дѣйствіе — рубить, жечь; страданіе — рубится, сожигается".

Д. С. Милль, находя въ таблицѣ Аристотеля, нѣкоторыя опущенія, — напр. *состояній* сознанія, — а также и нѣкоторыя излишества, — такъ какъ, напр., шесть послѣднихъ категорій сводятся къ четвертой (отношеніе), замѣняетъ таблицу Аристотеля, на первый разъ, слѣдующею:

1) *Состоянія сознанія* (ощущенія, волненія, идеи).

2) *Существа*
   - тѣла — Занимающія пространство; неизвѣстныя внѣшнія причины нашихъ ощущеній.
   - духъ — Неизвѣстный воспріемникъ впечатлѣній, или подлежащее такъ-называемыхъ духовныхъ состояній.

3) *Свойства (Attributes)*
   - Качество.
   - Количество.
   - Отношеніе.

4) *Извѣстныя отношенія нашихъ состояній сознанія* — Сосуществованія, преемства, сходства и несходства.

Четвертый отдѣлъ поставленъ особо отъ перваго, для того чтобы показать, что указанныя отношенія неразрѣшимы далѣе и неизъяснимы.—Между тѣмъ, третій отдѣлъ разрѣшается на предметы перваго, или на состоянія сознанія. *Качество — бѣлизна* ничѣмъ не отличается отъ *ощущенія бѣлизны,* вызываемаго какимъ-нибудь тѣломъ. Тоже и съ другими *качествами,* равно какъ и *количествами* и *отношеніями.* Отсюда, окончательный листъ категорій у Милля слѣдующій:

1) *Состоянія сознанія* (включая сюда и свойства вещей).
2) *Духъ,* испытывающій ихъ.
3) *Тѣла,* возбуждающія ихъ.
4) *Сосуществованія, преемства, сходства* (состояній сознанія).

Бэнъ, примыкая къ дѣленію Милля, и считая его пока наилучшимъ, сообщаетъ ему слѣдующій видъ:

1) Отношеніе *субъекта* къ *объекту.*
2) *Объектъ:* міръ протяженный, внѣшній.

3) *Субъектъ:* міръ непротяженный, внутренній.

4) *Общія свойства объекта и субъекта:* Сходство и несходство. Количество. Сосуществованіе. Преемство.

5) *Спеціальныя свойства объекта:* Протяженіе. Сопротивленіе (инерція, сила). Цвѣтъ. Прикосновеніе. Звукъ. Запахъ. Вкусъ. Теплота и холодъ. Нѣкоторыя ощущенія органическихъ отправленій. Нѣкоторыя болѣе тонкія свойства открываются только путемъ умозаключеній, — напр. притяженіе, отталкиваніе, молекулярное строеніе.

6) *Спеціальныя свойства субъекта:* Чувствительность. Воля. Мысль.

Примыкая къ той же классификаціи Милля, мы придасмъ ей слѣдующій видъ:

1) *Существа:* { Духъ / Тѣла } { (Неизвѣстные субстраты отношеній)

2) *Отношенія:*

1. *Субъективныя* (Субъективныя состоянія сознанія).

2. *Объективныя* (Объективныя состоянія сознанія; т. е. состоянія сознанія, насколько они суть произведеніе внѣшнихъ отношеній, неизвѣстныхъ по своей природѣ субъекту).

3. *Общія* отношенія состояній сознанія. (Сходства и несходства; сосуществованія; преемства).

ГЛАВА V.

Смыслъ предложеній.

1. Границы предложеній, опредѣляющіяся объемомъ ихъ подлежащихъ и содержаніемъ ихъ сказуемыхъ, называются *смысломъ* предложеній.

Съ ученіемъ о предложеніяхъ случилось, въ новое время, нѣчто подобное тому, что нами замѣчено было по поводу ученія о терминахъ. Многіе логики не довольствуются разсмотрѣніемъ ихъ какъ элементовъ силлогизма, и вводятъ въ ученіе объ нихъ разныя вещи, не имѣющія прямого отношенія къ силлогизму, или къ логической природѣ предложеній, какъ его элементовъ. Такимъ образомъ Логика Поръ-Рояля вводитъ сюда теоріи „реальныхъ“ опредѣленій, и „раздѣленій“; Кантъ ввелъ ученія — о матеріи и формѣ сужденій; объ образованіи сужденій изъ другихъ психическихъ явленій; о сужденіяхъ à priori и à posteriori. Изъ русскихъ писателей по Логикѣ, ученіе объ опредѣленіи и раздѣленіи, въ отдѣлѣ о предложеніяхъ, сохраняютъ: *Райковскій, Гошкевичъ;* ученіе о „матеріи“ и „формѣ“ сужденій приняли *Пащенко, Рождественскій, Михневичъ, Карповъ, Райковскій, Гошкевичъ, Струве;* ученіе объ образованіи сужденій, съ психологической точки зрѣнія, встрѣчается у *Лодія, Райковскаго, Владиславлева* и *Грота.* Наконецъ, ученіе о сужденіяхъ à priori и à posteriori мы нашли у одного *Владиславлева.*

2. Такъ какъ предложенія допускаютъ анализъ троякаго рода: *словесный, субъективный* или *формальный,* и *объективный* или

реальный: то и смыслъ предложеній допускаетъ три способа объясненія, изъ которыхъ ни одного нельзя оставить безъ вниманія, но и ни одному нельзя приписать исключительнаго достоинства.

Соотвѣтственно словесному анализу предложенія, смыслъ послѣдняго полагается въ томъ, что имъ показывается *приложимость*, или *неприложимость*, къ названному предмету какого нибудь другого имени. „Вещество дѣлимо", „молнія убиваетъ": эти предложенія означаютъ, что къ предмету названному „веществомъ", приложимо имя „дѣлимаго", и къ предмету, названному „молніей", приложимо названіе „убивающей". (Предложеніе: „молнія убиваетъ", сводится къ предложенію: „молнія есть убивающая".

Творцомъ этой теоріи смысла предложеній былъ *Гоббсъ*. Онъ выражаетъ свое ученіе въ слѣдующихъ словахъ: „Предложеніе есть рѣчь (oratio), состоящая изъ двухъ связанныхъ именъ,—которою говорящій обозначаетъ, что, по его представленію, послѣдующее имя принадлежитъ той же вещи, какой и предыдущее: или (что́ тоже), что имя предыдущее содержится въ послѣдующемъ; напр. изрѣченіе, что *человѣкъ* есть *животное,* въ которомъ оба имени связаны глаголомъ *есть,* будетъ предложеніе; потому что кто говоритъ такимъ образомъ, тотъ выражаетъ, что, по его мнѣнію, послѣдующее имя, *животное,* есть имя той же вещи, какой принадлежитъ имя *человѣкъ,* или, что предыдущее имя *человѣкъ* содержится въ послѣдующемъ имени *животное*".

3. Согласно субъективному анализу предложеній, по которому термины ихъ состоятъ изъ понятій, смыслъ предложенія заключается въ соединеніи и раздѣленіи понятій, иначе въ признаніи *взаимнаго соотвѣтствія* и *несоотвѣтствія* послѣднихъ.

Когда говорятъ: „огонь жжетъ", смыслъ предложенія состоитъ въ соединеніи понятія *жгущаго* съ понятіемъ *огня;* иначе въ признаніи, что понятіе *жгущаго* соотвѣтствуетъ понятію *огня,* или что первое понятіе согласуется съ послѣднимъ. Такимъ же

образомъ смыслъ предложенія: „мертвые сраму не имутъ", состоитъ въ раздѣленіи между понятіемъ *мертвые,* и понятіемъ *имущіе срамъ,* или въ признаніи, что второе понятіе не согласуется съ первымъ.

Эта теорія смысла предложеній, нашедшая могущественную поддержку въ знаменитомъ Опытѣ Локка „объ умѣ", была водворена въ Логикѣ авторами Logique du Port-Royal Вотъ какъ послѣдніе излагаютъ свое ученіе: „Послѣ того какъ образовались идеи вещей, мы сравниваемъ эти идеи, и находя, что однѣ изъ нихъ согласуются, а другія не согласуются между собою, — соединяемъ или раздѣляемъ ихъ (nous les lions ou delions) это и называется *утверждать* или *отрицать,* а вообще *судить* (juger).

„Это сужденіе называется также предложеніемъ (proposition); и легко видѣть, что оно имѣетъ два термина... Недостаточно понимать эти два термина, но надобно еще, чтобы духъ связывалъ или раздѣлялъ ихъ. И это дѣйствіе нашего духа отмѣчено, въ рѣчи, глаголомъ *есть* — или просто, когда утверждаемъ, — или вмѣстѣ съ отрицательною частицею, когда отрицаемъ. Такимъ образомъ, когда я говорю: *Богъ справедливъ,* Богъ есть подлежащее этого предложенія, справедливъ — сказуемое, а слово *есть* означаетъ дѣйствіе моего духа, который утверждаетъ, — т.-е. связываетъ обѣ идеи — *Бога* и *справедливаго,* — какъ согласныя другъ съ другомъ. Такимъ же образомъ, когда я говорю, что *Богъ не есть несправедливый,* — *есть,* связанное съ частицею *не,* означаетъ дѣйствіе, противное дѣйствію утвержденія, именно дѣйствіе отрицанія, посредствомъ котораго я разсматриваю эти идеи, какъ противныя другъ другу; потому что въ идеѣ *несправедливаго* заключается нѣчто такое, что противно тому, что заключается въ идеѣ *Бога.*

Разсматриваемый взглядъ на смыслъ предложеній сдѣлался господствующимъ на родинѣ авторовъ Logique du Port-Royal, и черезъ *Вольфа* получилъ исключительное распространеніе въ Германіи. Въ Англіи, подъ совмѣстнымъ вліяніемъ Логики Поръ Рояля и Локка, взглядъ этотъ, представленный въ логическомъ трудѣ Гетчесона, точно также преобладалъ до послѣдняго времени, когда противниками его односторонности явились такіе писатели, какъ *Д. Стюартъ Миллъ, Бэнъ;* и др. Русскіе писатели по Логикѣ

стояли, въ этомъ отношеніи, сначала на точкѣ зрѣнія Поръ-Рояля, Вольфа и Гетчесона, — какъ это мы видимъ въ трудахъ *Богданова, Лодія* и другихъ; но съ сороковыхъ годовъ встрѣчаются стремленія близкія къ направленію Д. С. Милля, — напр. у *Рождественскаго, Михневича, Владиславлева, Струве.*

Въ представителяхъ разсматриваемаго взгляда на смыслъ предложеній нельзя не замѣтить слѣдующихъ разницъ. Одни, вслѣдъ за Логикою Поръ-Рояля, пользуются терминомъ *сужденіе* (judicium, jugement), какъ синонимомъ *предложенія;* большинство же отличаетъ послѣднее отъ перваго, разумѣя подъ *сужденіемъ* умственное дѣйствіе *соединенія* и *раздѣленія* понятій, до выраженія его словами, или въ предложеніи. Такъ что предложеніе будетъ *выраженіемъ* сужденія. Этотъ взглядъ находимъ у *Вольфа, Гетчесона, Канта* и ихъ послѣдователей въ Германіи, Англіи и Россіи.—Другая особенность заключается въ томъ, что понимаемый такимъ образомъ смыслъ предложеній, у однихъ, сохраняетъ болѣе логическое выраженіе, какъ *признаніе соотвѣтствія* и *несоотвѣтствія* понятій, — чѣмъ послѣднія и соединяются или раздѣляются въ умѣ судящаго или предлагающаго; — у другихъ, напротивъ, весь смыслъ предложенія или сужденія сведенъ къ вытекающей изъ этого признанія, *связи* или *отчужденности* понятій,—такъ что вся сущность предложенія или сужденія видится въ *ассоціаціи* и *диссоціаціи* идей, а о предваряющей эти процессы оцѣнкѣ *отношенія* идей, т. е. ихъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія, рѣшительно забывается. Первый взглядъ на предложеніе, высказанный *Поръ-Роялемъ,* поддерживается у *Гетчесона* и *Вольфа;* но онъ слабъ у Канта, склоннаго къ психологической разработкѣ логическихъ процессовъ, — и совершенно неясенъ у большинства нѣмецкихъ писателей послѣ Канта, а вслѣдъ за ними — и русскихъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ русской литературы. *Богдановъ:* „Соединять два сходныя понятія или отдѣлять несходныя значитъ *разсуждать*“ (т. е. судить). „Разсужденіе“ (judicium), „выраженное словами, есть *предложеніе*“. — *Лодій:* „Разсужденіе есть то дѣйствіе ума, посредствомъ котораго онъ утверждаетъ или отрицаетъ сходство двухъ представленій между собою“. Лодій возстаетъ противъ опредѣленія сужденія какъ соединенія или раздѣленія понятій. — *Новицкій:* „сужденіе состоитъ въ развитіи и

показаніи отношенія двухъ представленій". *Карповъ:* „сужденіе есть показаніе взаимнаго отношенія понятій". То же встрѣчаемъ у *Гошкевича, Свѣтилина* и др.

4. Соотвѣтственно *объективному* или *реальному* анализу предложеній, смыслъ предложенія заключается въ установленіи отношенія между *реальностями* (или по крайней мѣрѣ между понятіемъ и реальностью).

Такимъ образомъ, предложеніе: „Луна подвержена затмѣніямъ", имѣетъ тотъ смыслъ, что реальный предметъ, называемый *луною*, имѣемъ реальное свойство — *подвергаться* перемѣнамъ называемымъ *затмѣніями;* иначе сказать, оно устанавливаетъ связь между доступными наблюденіямъ реальностями, — луною и ея затмѣваемостью. Предложеніе: „Горы Валдая не высоки", устанавливаетъ *отсутствіе связи* между двумя реальностями, — предметомъ, называемымъ *горами Валдая,* и свойствомъ или признакомъ, называемымъ *возвышенностью.*

На объективномъ или реальномъ смыслѣ предложеній настаивали съ особенною силою *Д. С. Милль* и *Бэнъ.* Но къ ученію Д. С. Милля примкнули нѣкоторые и изъ нѣмецкихъ писателей, не останавливающіеся, въ указаніи смысла сужденій, на однихъ отношеніяхъ понятій, какъ напр. *Иберегъ* и *Лётце. Иберегъ* опредѣляетъ *сужденіе* какъ „сознаніе объективнаго достоинства субъективной связи представленій, т.-е. сознаніе того, существуетъ ли аналогическая связь между отвѣчающими имъ объективными элементами". Точно также Лётце утверждаетъ, что „не отношеніе двухъ представленій, посредствомъ котораго мы хотимъ обнять реальное содержаніе ихъ, но это послѣднее и есть именно существенный смыслъ исполняемой въ сужденіи умственной операціи". Къ Ибервегу и Лётце примыкаетъ и *Вундтъ,* въ своемъ психологическомъ анализѣ сужденія, какъ „разложенія сложнаго представленія на его составныя части", — разложенія, имѣющаго свое „объективное основаніе" въ „нашемъ чувственномъ представленіи". Изъ русскихъ писателей, *Рождественскій* и *Михневичъ* предупредили *Иберега* и *Лётце, Рождественскій:* „сужденіе есть такое

дѣйствіе ума, посредствомъ коего мы приписываемъ какому-нибудь предмету положительный и отрицательный признакъ (свойство, качество)". *Михневичъ:* „сужденіе есть такое дѣйствіе мышленія, посредствомъ котораго извѣстному предмету приписывается какой-либо его признакъ". Подобнымъ же образомъ выражаются *Владиславлевъ* и *Струве,* хотя оба болѣе или менѣе неясно. *Владиславлевъ:* „судить значитъ обозначать предметъ (мышленія, представленія) съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ, въ извѣстномъ опредѣленномъ значеніи. Сужденіе есть, слѣдовательно, логическій пріемъ обозначенія предмета съ извѣстныхъ сторонъ". *Струве:* „сужденіе есть обозначеніе признаковъ даннаго предмета".

5. Переходя къ оцѣнкѣ достоинства трехъ указанныхъ опредѣленій собственнаго смысла предложеній, замѣтимъ, прежде всего, что всѣ они признаютъ одну коренную разницу въ смыслѣ предложеній, сообщающую имъ названіе то *утвержденій,* то *отрицаній.* Эта разница смысла называется въ Логикѣ *качествомъ* (qualitas) предложеній (или сужденій). Такимъ образомъ, ясно, что, по своему смыслу, предложенія бываютъ, прежде всего, или *утвердительными* или *отрицательными.*

Утвержденія или отрицанія, иначе соотвѣтственные имъ умственныя дѣйствія, составляютъ неизмѣнно смыслъ всякаго предложенія. *Милль:* „На первый разъ можетъ казаться, что есть предложенія, которыя и не утверждаютъ и не отрицаютъ; однако этого не можетъ быть. Предположимъ, что мы имѣемъ слѣдующее предложеніе: „не знаю, бѣлаго ли цвѣта та собака, или нѣтъ"; могутъ сказать, что здѣсь я не утверждаю и не отрицаю бѣлизны собаки. И это, конечно, вѣрно; но предложеніе поставлено не о собакѣ, а обо *мнѣ:* я утверждаю, что чего-то не знаю. Полная логическая форма его будетъ: „бѣлаго ли цвѣта та собака или нѣтъ, этого я не знаю"; и утвержденіе, дѣлаемое въ этой формѣ, ясно видно.

6. Разница трехъ опредѣленій смысла предложеній сводится къ различному взгляду на собственный *предметъ* утвержденій и

отрицаній: есть ли это *приложимость именъ*, или *соотвѣтствіе понятій*, или же, наконецъ, *связь* именуемой и понимаемой *дѣйствительности*.

Изъ трехъ опредѣленій, *логически-правильнымъ* слѣдуетъ признать только *третье*. Потому что два первыя опредѣленія вполнѣ достаточны только для *ограниченнаго* числа предложеній, и притомъ такихъ, которыя не могутъ быть *элементами силлогизма* или дедукціи, а слѣдовательно выходятъ изъ круга логическихъ предложеній въ тѣсномъ смыслѣ.

Примѣрами предложеній, утверждающихъ одну приложимость именъ, могутъ быть только такія, въ которыхъ какъ подлежащія, какъ и сказуемыя суть имена собственныя; напр.: „Биконсфильдъ есть Дизраэли".

Примѣрами предложеній утверждающихъ или отрицающихъ одну сообразность или соотвѣтствіе понятій, могутъ быть только опредѣленія *значенія* словъ или именъ, — т. е. связанныхъ съ ними идей или понятій; напр. „Гнѣвъ означаетъ нѣкоторое душевное волненіе".

Предложенія, терминами которыхъ служатъ имена собственныя, и предложенія, объясняющія значеніе словъ, одинаково принадлежатъ къ классу предложеній *нереальныхъ*, и до тѣхъ поръ, пока сохраняютъ свою непричастность реальному смыслу, не могутъ быть ни посылками, ни заключеніями дедуктивныхъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, вѣрнымъ опредѣленіемъ смысла логическихъ предложеній, какъ элементовъ дедукціи, остается только *третье*, — т. е. опредѣленіе предложеній, какъ утвержденій и отрицаній *связи* именуемой и понимаемой *дѣйствительности*.

Какъ имѣющія дѣло съ реальностью, логическія предложенія въ тѣсномъ смыслѣ, называются *реальными*.

Смыслъ рельныхъ предложеній неизбѣжно обнимаетъ—и приложимость или неприложимость именъ, и сообразность или не-

сообразность понятій; но утвержденія и отрицанія ихъ относятся собственно не къ именамъ или понятіямъ, а къ самой дѣйствительности, представляемой тѣми и другими.

Разбирая первое опредѣленіе смысла предложеній, или теорію Гоббса, *Миллъ* замѣчаетъ: „по его (Гоббса) словамъ, смыслъ каждаго предложенія состоитъ въ убѣжденіи говорящаго, что сказуемое есть имя той же вещи, какой принадлежитъ имя подлежащаго; и если это дѣйствительно такъ, предложеніе истинно. Предложеніе: всѣ люди суть живыя существа (сказалъ бы онъ) истинно, потому что *живое существо* есть имя каждой вещи, какой принадлежитъ имя *человѣкъ*...

„То что выставляется въ этой теоріи какъ опредѣленіе истиннаго предложенія, должно быть признано однимъ изъ свойствъ, которыми обладаютъ всѣ истинныя предложенія. Если бы подлежащее и сказуемое, будучи именами вещей, были именами совершенно различныхъ вещей, то одно имя не могло бы, согласно своему значенію, быть сказуемымъ другого. . Мы можемъ пойти дальше. это единственный анализъ, который строго примѣнимъ ко всѣмъ предложеніямъ безъ исключенія. То что онъ выдаетъ за смыслъ предложенія, есть часть смысла всѣхъ предложеній, и полный смыслъ нѣкоторыхъ. Но началомъ Гоббса достаточно объясняется только тотъ небольшой и маловажный классъ предложеній, въ которыхъ и сказуемое и подлежащее суть имена собственныя... Это ученіе даетъ полное объясненіе предложеній въ родѣ слѣдующихъ: „Гайдъ былъ Кларендонъ“, или „Туллій есть Цицеронъ“. Онъ исчерпываетъ смыслъ этихъ предложеній. Но это поразительно неполная теорія всѣхъ другихъ“... „Возможность совмѣстнаго приложенія двухъ именъ есть простое послѣдствіе связи между двумя признаками (именуеиой вещи),— и въ большинствѣ случаевъ не приходила и на умъ, въ то время какъ вводились имена и устанавливалось ихъ значеніе“. Предложеніе „алмазъ горючъ“ устанавливаетъ не приложимость двухъ именъ, *алмазъ* и *горючъ*, къ тому же веществу, а связь между группою свойствъ, означаемыхъ именемъ *алмазъ*, и свойствомъ означаемымъ именемъ *горючъ*. — *Бэнъ:* „Мнѣніе Гоббса — истина, но не вся истина.

Теорія его въ своихъ предѣлахъ правильна, но онъ не доходитъ до конечнаго смысла предложенія. Гоббсъ не обратилъ вниманія на реальное значеніе, которое находится въ *содержаніи* (connotation) *общихъ именъ* (of class names).

Относительно теоріи, введенной Логикою Поръ-Рояля, Д. С. Милль замѣчаетъ слѣдующее: „Предложенія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, когда предметомъ изслѣдованія бываетъ самъ духъ) суть утвержденія не относительно нашихъ понятій о вещахъ, а относительно самыхъ вещей. Для убѣжденія въ томъ, что „золото желто", я долженъ, конечно, имѣть идею золота и идею желтаго, и нѣкоторое отношеніе къ этимъ идеямъ должно имѣть мѣсто въ моемъ духѣ; но мое убѣжденіе относится не къ идеямъ, а къ вещамъ. То въ чемъ я увѣренъ, есть фактъ, относящійся къ внѣшней вещи, золоту, и къ впечатлѣнію производимому этою внѣшнею вещію на человѣческіе органы... Говоря, что огонь причиняетъ теплоту, разумѣю ли я, что моя идея огня причиняетъ мою идею теплоты? — Нѣтъ; я разумѣю, что извѣстное естественное явленіе, огонь, производитъ извѣстное естественное явленіе, теплоту... „Реальный смыслъ заключается во всякомъ предложеніи, утверждающемъ больше простого значенія словъ".

7. Между реальными предложеніями слѣдуетъ различить два класса: предложенія, реальныя только отчасти, или по своему сказуемому, и предложенія вполнѣ реальныя, или по сказуемому и подлежащему. Къ первому классу принадлежатъ утвержденія и отрицанія простого *существованія* (т. е. реальности какой-нибудь идеи); ко второму — утвержденія и отрицанія *отношенія* между какими-нибудь двумя существующими вещами, или реальностями.

Предложенія, утверждающія или отрицающія простое существованіе, или существованіе не составляющее части какого-нибудь реальнаго отношенія, не могутъ быть прямыми элементами силлогизма или дедуктивнаго доказательства, а поэтому, подобно „словеснымъ", также выходятъ изъ круга логическихъ предложеній въ тѣсномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, логика дедукціи должна разработать смыслъ реальныхъ предложеній второго класса,—предложеній утверждающихъ или отрицающихъ *реальныя отношенія*, или *отношенія* между *реальностями*.

Д. С. Миллъ, въ своемъ изслѣдованіи смысла реальныхъ предложеній далъ мѣсто и предложеніямъ „существованія“, и выразилъ несогласіе съ методомъ *Бэна*, исключающаго ихъ изъ предметовъ логической обработки. Возраженіе Милля сводится къ тому, что „существованіе“ вещей нельзя отожествить съ ихъ „отношеніями“. Соглашаясь съ Миллемъ, мы не видимъ, однако же, въ этомъ основанія расходиться съ Бэномъ, по вопросу о логической обработкѣ предложеній существованія. Самъ Милль не отрицаетъ справедливости замѣчанія Бэна о томъ, что всѣ предложенія существованія суть болѣе или менѣе аббревіатуры, или эллиптичны; что выраженныя вполнѣ, они входятъ въ классъ предложеній „реальныхъ отношеній“. „Утвержденіе, что *додо* на существуетъ, указываетъ на фактъ, что это животное, прежде извѣстное въ извѣстномъ мѣстѣ, исчезло, погибло, — не состоитъ болѣе въ ассоціаціи съ этою мѣстностью: все это можно выразить и не употребляя глагола „существовать“. „Вопросъ спорный, — продолжаетъ Бэнъ, — существуетъ ли эфиръ?“ Но болѣе правильная форма его будетъ слѣдующая: „свѣтъ и теплота и другія лучистыя вліянія проходятъ ли нѣкоторую эфирную среду разлитую въ пространствѣ“; — а это будетъ уже предложеніемъ причинной связи. Такимъ же образомъ, и вопросъ о существованіи Божества не можетъ быть предметомъ разработки въ такой формѣ. Вопросъ этотъ сводится собственно къ вопросу о Первой Причинѣ вселенной, и къ вопросу о томъ, продолжается ли дѣйствіе этой Причины въ дѣлахъ провидѣнія“.

8. Точный смыслъ утвержденій и отрицаній реальныхъ отношеній опредѣляется *объемомъ* ихъ подлежащихъ и *содержаніемъ* ихъ сказуемыхъ.

Истолкованіе реальнаго или объективнаго смысла утвержденій и отрицаній, по объему и содержанію ихъ подлежащихъ и

сказуемыхъ, допускаетъ три метода, согласно съ тремя видами анализа терминовъ предложеній: во-первыхъ: *словесно-объективный,* который сводится къ истолкованію *объективнаго* или *реальнаго* смысла *предложеній:* во-вторыхъ.— *субъективно-объективный,* который заключается въ истолкованіи *объективнаго* или *реальнаго* смысла процесса соединенія и раздѣленія понятій, — иначе объективнаго смысла *„сужденій,* выражаемыхъ въ предложеніяхъ"; и въ третьихъ,— *чисто объективный,* останавливающійся на однихъ членахъ реальныхъ отношеній, безъ всякаго вниманія къ предложеніямъ и сужденіямъ.

Соотвѣтственно нашему методу обработки терминовъ предложеній, и нашему взгляду на смыслъ логическихъ предложеній въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ, мы можемъ слѣдовать только первому методу, находя второй и третій менѣе удобными для цѣлей теоріи дедукціи: *второй* не представляетъ всѣхъ средствъ необходимыхъ для точнаго очерка „предѣловъ" утвержденій и отрицаній; а *третій,* какъ намъ кажется, безъ пользы игнорируетъ пріобрѣтенія сдѣланныя Логикою въ этотъ отдѣлъ до послѣдняго времени, и напрасно усиливается установить теорію силлогизма, т. е. нѣкотораго сочетанія предложеній, не обращая вниманія на самыя предложенія.

(1) Слѣдуетъ замѣтить, что авторы Логики *Порь-Рояля,* выступая, въ анализѣ предложеній, защитниками *концептуализма* противъ номинализма Гоббса, и перенося вѣсъ предложенія на дѣйствія соединенія и раздѣленія идей или понятій, тѣмъ не менѣе подвергали обработкѣ не эти умственныя дѣйствія, или „сужденія", а „выражающія ихъ предложенія;" и это было совершенно основательно. Если предложенія, какъ говорятъ, „выраженныя сужденія:" то почему же не изучать ихъ тогда, когда они выражены, или представлены предложеніями? Ничего не теряя для нашего анализа предложеній, какъ сужденій, мы выигрываемъ при этомъ, по меньшей мѣрѣ, въ ясности и точности предмета обработки. Вотъ почему, во Франціи, гдѣ впервые сущность предложенія

увидѣли въ *сужденіи,* или нѣкоторой умственной операціи, за которою позднѣе оставили это имя, — во Франціи, до самаго послѣдняго времени обработывали не сужденія, а предложенія. *Поль Жанэ* такъ выражается по этому поводу: „собственный предметъ логики есть сужденіе (jugement), и я разсматриваю предложеніе только потому, что это удобнѣе. Такимъ образомъ, гораздо легче сказать: *подлежащее* или *сказуемое,* чѣмъ сказать: идея вещи, о которой я утверждаю что-нибудь, и идея вещи, которую я утверждаю о той первой вещи".

(2) Тѣмъ не менѣе, взглядъ французскихъ логиковъ на смыслъ предложеній, существенно сближаетъ ихъ съ логиками другихъ странъ, слѣдующихъ *субъективному* анализу предложеній. Ихъ методъ надобно назвать *словесно-субъективнымъ,* а не *словесно-объективнымъ,* который мы признаемъ наилучшимъ изъ трехъ объективныхъ методовъ обработки предложеній. Метода Логики Поръ-Рояля держатся и *Гетчесонъ* и *Уэтли* и другіе англійскіе *формалисты,* т. е. не признающіе въ Логикѣ ничего, кромѣ теоріи *силлогизма.* Въ Германіи *Вольфъ* и его школа занимаютъ средину между послѣдователями Логики Поръ-Рояля, и приверженцами чисто *субъективнаго* метода обработки предложеній какъ сужденій. Вольфъ ведетъ параллельную обработку какъ „сужденій", такъ и предложеній. Чисто *субъективный методъ* введенъ *Кантомъ* и скоро принялъ въ школѣ *Гербарта* и у *Бенеке* характеръ *психологическаго* анализа сужденій. Слѣды этого направленія видны и въ Логикѣ *Вундта.*

3) Чтобы покончить съ исторіею основныхъ видовъ *субъективнаго* метода обработки смысла предложеній, перейдемъ къ представителямъ *субъективно-объективнаго* метода, каковы *Иберверъ, Летце.* Послѣдній методъ мы считаемъ всего ближе подходящимъ къ *словесно-объективному;* но онъ страдаетъ многими недостатками, изъ которыхъ на одинъ было указано нами выше. Другой заключается въ томъ, что представители этого метода съ трудомъ прилагаютъ къ своимъ „сужденіямъ", то что выработано относительно реальнаго смысла предложеній. Третій недостатокъ этого, какъ и всякаго другого субъективнаго метода состоитъ въ томъ, что онъ отвлекаетъ вниманіе изучающихъ Логику отъ *вещей* къ *идеямъ. Д. С. Миллъ* такъ отозвался вообще о

субъективномъ методѣ: „Взглядъ, что въ предложеніи для логика всего важнѣе отношеніе между двумя идеями, соотвѣтствующими подлежащему и сказуемому (а не между двумя *явленіями*, которыя совмѣстно выражаются послѣдними), кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ роковыхъ заблужденій, когда либо проникавшихъ въ философію Логики; и главною причиною, почему теорія этой науки сдѣлала такой незначительный успѣхъ въ послѣдніе два столѣтія. Трактаты по Логикѣ и по тѣмъ отраслямъ философіи духа, которыя связаны съ Логикою, написанные послѣ того, какъ вкралось это коренное заблужденіе, — хотя иногда людьми чрезвычайно даровитыми и знающими, — почти всегда молчаливо принимали теорію, что изслѣдованіе истины состоитъ въ разсмотрѣніи и изслѣдованіи нашихъ идей, или понятій о вещахъ, вмѣсто самыхъ вещей: — ученіе, равносильное утвержденію, что единственный способъ пріобрѣтенія знаній о природѣ, заключается въ изученіи ея изъ вторыхъ рукъ, — какъ она представлена въ нашихъ собственныхъ умахъ. Между тѣмъ изслѣдованія всякаго рода естественныхъ явленій безпрестанно установляли великія и плодотворныя истины относительно самыхъ важныхъ предметовъ, при помощи процессовъ, на которые эти взгляды на природу „сужденія“ и „умозаключенія“ не проливали никакого свѣта, и которымъ они не оказывали никакой поддержки. Не удивительно, что тѣ, которые знали практическимъ опытомъ, какъ достигаются истины, сочли науку состоявшую главнымъ образомъ изъ такого рода спекуляцій, наукою пустою“. — Обращаясь къ тѣмъ писателямъ, которые занимаются обработкою *сужденій* вмѣсто *предложеній*, Бэнъ входитъ въ оцѣнку того, болѣе тонкаго взгляда на „сужденіе“, по которому оно есть *признаніе* сообразности или несообразности понятій, или *убѣжденіе* въ этомъ. *Бэнъ* согласенъ, что такой умственный коррелятивъ предложенія существуетъ, но онъ не видитъ надобности останавливаться на немъ въ анализѣ предложенія. „Такъ какъ онъ постоянно предполагается, то и нѣтъ надобности упоминать о томъ. Во многихъ другихъ случаяхъ мы обходимся безъ упоминанія о томъ, на что всегда можемъ положиться, — напр. о тяжести. Говоря, что извѣстный вѣсъ достаточенъ для поддержанія движенія часовъ, мы не прибавляемъ *лишь бы тяжесть продолжала дѣйствовать;* мы принимаемъ согласіе

съ этимъ, безъ особаго указанія на то". Самый терминъ *сужденіе* (judgment), *судить* (judge) представляется Бэну неудовлетворительнымъ указаніемъ на всю совокупность умственныхъ операцій, въ результатѣ которыхъ получается предложеніе. „Слово сужденіе", говоритъ онъ, нельзя признать особенно удачнымъ терминомъ для выраженія образованія предложенія. Дѣло судьи можетъ требовать иногда и постановки предложеній; но обыкновенно оно состоитъ въ опредѣленіи согласія или несогласія какого-нибудь предложенія съ даннымъ случаемъ; напр. въ истолкованіи закона. Способности нужныя для того чтобы получить предложеніе, гораздо шире тѣхъ, которыя разумѣются подъ сужденіемъ; приводящіе къ предложеніямъ, процессы наблюденія, классификаціи, наведенія и дедукціи даютъ самый широкій просторъ работѣ внѣшнихъ чувствъ и умственныхъ силъ".

Такимъ образомъ, опредѣлять предложеніе какъ „выраженіе сужденія", а затѣмъ сводить сужденіе къ соединенію и раздѣленію идей, или къ оцѣнкѣ ихъ сообразности или несообразности, значитъ набрасывать на его истинный смыслъ, — и на истинное происхожденіе предложеній, — двойное покрывало непроницаемости. Этотъ методъ обработки предложеній, который мы назвали *субъективнымъ*, теряетъ почти всякую логическую цѣну, когда становится *психологическимъ*.

(4) Сравнивая три субъективныхъ метода обработки предложеній, — *словесно-субъективный* Поръ-Рояля, *чисто-субъективный* — Канта и *субъективно-объективный* — Ибервега и Лѣтце, мы должны признать наименѣе удовлетворительнымъ методъ Канта, и наиболѣе — методъ Ибервега и Летце, къ которымъ примыкаетъ *Вундтъ*. Послѣдній методъ допускаетъ, хотя и не во всей полнотѣ, обработку другихъ частей Логики, кромѣ дедукціи. Указанные недостатки всякаго субъективнаго метода связаны съ отсутствіемъ ясности, которая недостижима при обработкѣ сужденій вмѣсто предложеній. Этимъ, но только этимъ, выигрываетъ методъ *словесно-субъективный*. Что въ Германіи существуетъ склонность къ сближенію, въ этомъ отношеніи, съ Логикою Поръ-Рояля, или лучше Милля, это доказывается трудами *Зигварта* и *Леве*. Послѣдній, въ своемъ анализѣ сужденій, столь же часто пользуется терминомъ *Satz, Satze*, что̀ собственно равняется *предложенію* (такъ какъ

другого нѣмецкаго слова, болѣе подходящаго для перевода латинскаго propositio, не существуетъ). Что касается Зигварта, то онъ въ значительной степени оцѣнилъ то обстоятельство, что предложеніе есть не только „выраженіе", но и орудіе образованія того что называютъ сужденіемъ. „Въ *высказываніи* предиката, говоритъ Зигвартъ, заключается существенная черта исполненія сужденія. Конечно, бываютъ случаи, когда, — напр., при узнаваніи опредѣленнаго предмета, — мы не припоминаемъ означающаго оный слова, и поэтому внутренній процессъ не можетъ быть высказанъ, но именно поэтому мы и считаемъ его несовершеннымъ, какъ незрѣлый плодъ; и совершеннымъ сужденіемъ считаемъ только то, въ которомъ сказуемое является съ обозначеніемъ въ словахъ". — Отъ такихъ разсужденій о „совершенныхъ" сужденіяхъ одинъ шагъ до обработки „предложеній" вмѣсто сужденій; но шагъ этотъ до сихъ поръ не сдѣланъ вполнѣ ни Зигвартомъ, ни другими писателями Германіи: такова сила традицій!

(5) Относительно *чисто объективнаго* метода не будемъ распространяться много, уже по тому одному, что представителемъ его въ Логикѣ является пока одинъ *Карветъ Ридъ*. Ридъ выходитъ изъ взгляда на логическія предложенія, какъ предложенія *реальныхъ отношеній*, — взгляда, проводимаго Миллемъ и Бэномъ, и раздѣляемаго Гербертомъ Спенсеромъ. Ридъ полагаетъ, что Логика можетъ ограничиться изученіемъ этихъ отношеній, въ ихъ реальныхъ терминахъ или членахъ, не вдаваясь въ анализъ ни предложеній, ни сужденій. Роды отношеній, роды терминовъ или членовъ ихъ; отношенія терминовъ, прямыя и косвенныя; затѣмъ ученіе о классахъ, ихъ открытіе, и опять ихъ прямыя и косвенныя отношенія — исчерпываютъ все содержаніе Логики. Этотъ оригинальный методъ обработки содержанія предложеній, безъ анализа самыхъ предложеній, составляетъ рѣшительную противоположность чисто субъективному методу обработки того же предмета. *Кантъ* не хочетъ знать въ Логикѣ ничего реальнаго, предметнаго, „никакой матеріи", — ограничивая свое вниманіе однѣми ассоціаціями идей и работою надъ идеями. *Карветъ-Ридъ* не обращаетъ никакого вниманія на идеи и ихъ ассоціаціи: онъ имѣетъ дѣло съ одною природою, съ реальными отношеніями. — Методомъ Рида безъ сомнѣнія нельзя пренебрегать; но сомнительно, чтобъ

онъ взялъ перевѣсъ надъ методомъ словесно-объективнымъ. Во-первыхъ, онъ не имѣетъ такой твердой исходной точки для своего отправленія, какую методъ словесно-объективный находитъ въ вопросѣ о дедуктивномъ доказательствѣ и силлогизмѣ. Потому что, разъ принявши этотъ вопросъ, какъ основной вопросъ Логики, невозможно устраниться отъ анализа элементовъ силлогизма, т. е. предложеній и ихъ терминовъ. Во вторыхъ, уклоняясь отъ анализа предложеній, Ридъ лишаетъ логическое изложеніе потребной ясности; и въ-третьихъ, по невозможности говорить о реальныхъ отношеніяхъ безъ символовъ ихъ въ формѣ идей, словъ или другихъ внѣшнихъ знаковъ, Ридъ, въ существѣ, просто обходитъ нѣкоторые предварительные вопросы Логики, предполагая, однако, то тѣ, то другія ученія Логики субъективной и словесно-объективной.

(6) Такимъ образомъ, мы предпочитаемъ методъ *словесно объективный*, которому слѣдуютъ *Д. С. Миллъ* и *Бэнъ*, и который должно признать единственнымъ методомъ, отвѣчающимъ мысли *Аристотеля*. Въ своемъ ученіи о предложеніяхъ, Аристотель показалъ ясно, что не упускаетъ изъ виду ни идей или понятій, ни мнѣній или убѣжденій, открываемыхъ въ анализѣ предложеній; но обработкѣ его подвергаются предложенія только въ терминахъ именъ и вещей, или какъ связь тѣхъ и другихъ; а это сообщаетъ его ученію неподражаемую ясность и объективность.

(7) Переходя къ русской литературѣ, замѣтимъ, что русскіе писатели по Логикѣ слѣдовали или *Поръ-Роялю*, — какъ *Богдановъ*, *Лодій*, — или *Канту*, — какъ *Пащенко*, *Навицкій*, *Карповъ*, *Рождественскій*, *Гогшкевичъ*, *Свѣтилинъ*, — или принимали сторону тѣхъ писателей, которыхъ представителями являются въ Германіи *Ибервегъ* и *Летце*, какъ *Михневичъ*, *Рождественскій*, *Владиславлевъ*, *Струве*. Чисто психологическому методу въ обработкѣ предложеній слѣдуетъ *Гротъ*. Талантливое произведеніе автора имѣетъ только косвенное отношеніе къ Логикѣ, и есть собственно „Психологія Ума“, параллельная его „Психологіи Чувствованій“. *Ибервегъ* замѣчаетъ справедливо: „Сужденіе отличается отъ чисто *психологической* комбинаціи представленій отношеніемъ къ дѣйствительности или по крайней мѣрѣ къ объективному явленію. Черта соотвѣтствія дѣйствительности и даетъ сужденію характеръ *логическаго* произведе-

нія". *Г. Владиславлевъ* не соглашается на обработку предложеній, вмѣсто сужденій, по двумъ обстоятельствамъ, указаннымъ въ его „Системѣ Логики". Во-первыхъ, „сужденіе не всегда обозначается предложеніемъ". Въ подтвержденіе этого замѣчанія, авторъ приводитъ случаи, „въ которыхъ для обозначенія мысли мы не употребляемъ грамматическихъ предложеній съ подлежащими и сказуемыми. Сюда, напримѣръ, относятся многочисленные случаи безличныхъ сужденій. Мы говоримъ: душно, скучно, стучитъ, гремитъ. Никто конечно не назоветъ эти выраженія предложеніями, ибо въ нихъ недостаетъ подлежащаго, но они суть несомнѣнныя сужденія"... „Мы говоримъ: пойти бы погулять, ни въ пень, ни въ колоду, ну кувыркаться, ну кататься". По мнѣнію автора, тутъ есть сужденія, но нѣтъ предложеній. „Иногда одно слово выражаетъ цѣлое сужденіе, хотя грамматическаго предложенія нѣтъ: напримѣръ: Сюда! Эй! Пошелъ! Молодецъ!" — Мы нарочно остановились на собственныхъ выраженіяхъ автора, такъ какъ тѣ же мысли, почти съ тѣми же примѣрами, повторяются и у *Струве*. Приводимые Владиславлевымъ примѣры представляютъ такъ-называемыя *сокращенныя* изрѣченія, т. е. съ нѣкоторыми подразумѣваемыми словами. „Душно" равносильно: „мнѣ душно". „Пойти бы погулять" равносильно: „мнѣ, или вамъ, пойти бы погулять". „Молодецъ!" тоже, что „ты", или „онъ, молодецъ!" Можно ли признать это „грамматическими" предложеніями — вопросъ этотъ насъ не касается. Но *логическихъ* предложеній здѣсь нѣтъ; потому что здѣсь нѣтъ ни утвержденій, ни отрицаній (за исключеніемъ одного примѣра: „ну кувыркаться"). Выраженія: душно, скучно и проч., суть *восклицанія* и должны быть написаны такъ: Душно! Скучно! Стучитъ! Гремитъ! Это — выраженія „волненій (affectuum)",—говоря словами Гоббса (см. выше гл. III, § 1), — а не истины или лжи. Выраженія: Скучно! Стучитъ! сохранили бы свою силу и тогда, если бы въ дѣйствительности было весело и не было никакого стука. „Пойти бы погулять" — не утвержденіе, а хотѣнье (optio); „Пошелъ! — не утвержденіе, а приказъ (jussio); „Молодецъ!" — не утвержденіе, а „восклицаніе", выражающее волненіе (affectum). А такъ какъ, по мнѣнію всѣхъ логиковъ, и самого г. Владиславлева, всѣ сужденія бываютъ или утвердительныя, или отрицательныя, то ясно, что

въ этихъ примѣрахъ, — въ которыхъ нѣтъ ни утвержденій, ни отрицаній,—нѣтъ также и сужденій. Въ данномъ случаѣ, Владиславлевъ слѣдуетъ общему недоразумѣнію относительно предложеній у приверженцевъ субъективнаго и психологическаго метода обработки послѣднихъ: — онъ смѣшиваетъ логическія предложенія со всѣми другими изрѣченіями, – что противно ученію *Аристотеля,* который всѣ другія изрѣченія, за исключеніемъ утверждающихъ и отрицающихъ, относилъ „къ Риторикѣ и Піитикѣ", и ученію о томъ же всѣхъ писателей до XVIII-го столѣтія, и всѣхъ тѣхъ въ Англіи, кто слѣдуетъ въ обработкѣ предложеній Аристотелю, какъ напр. *Д. С. Миллъ, Бэнъ,* и всѣ англійскіе формалисты, — *Уэтли, Гэмильтонъ* и друг. Съ новой точки зрѣнія на дѣленіе наукъ, слѣдовало бы сказать, что обработка всѣхъ изрѣченій, кромѣ утвержденій и отрицаній, относится не къ Логикѣ, а къ Грамматикѣ, Риторикѣ и Піитикѣ. — Второе обстоятельство, заставляющее Владиславлева предпочитать обработку сужденій вмѣсто предложеній, заключается въ слѣдующемъ: „весьма часто грамматическія подлежащія и сказуемыя не совпадаютъ съ логическими. Въ живой рѣчи мы обыкновенно различаемъ, чего собственно касается рѣчь, и на что въ ней преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе. Говорится: я это *вижу.* Въ логическомъ отношеніи *вижу* и есть собственно подлежащее". „Въ другомъ случаѣ мы говоримъ: я вижу *это.* Логическимъ подлежащимъ будетъ—это". „Въ разговорѣ мѣсто логическаго подлежащаго мы отмѣчаемъ оттѣнками произношенія"...—Такой анализъ предложенія мы не имѣемъ права называть логическимъ; и странно видѣть его у автора, держащагося, въ опредѣленіи сужденія, объективнаго или реальнаго метода. Въ Логикѣ подлежащимъ называется предметъ, которому нѣчто *приписывается,* а сказуемымъ — нѣчто приписываемое (attributum). Какъ бы ни произносили фразу: „я вижу это"; гдѣ бы ни ставили реторическое удареніе, — надъ словомъ *я,* или *вижу,* или *это* (или даже надъ нарѣчіемъ, въ предложеніи: „я вижу *ясно* это), — подлежащимъ будетъ вездѣ то, чему приписывается зрительное дѣйствіе,—т. е. *я;* сказуемымъ —то, что приписывается подлежащему,— т. е. зрительное дѣйствіе, направленное на что-то. Реторическое удареніе, дѣйствительно, сосредоточиваетъ „вниманіе" на той или другой грамматической части или частицѣ рѣчи; но это не измѣняетъ „пред-

мета", котораго касается рѣчь. — Что логическій анализъ того же самаго предложенія не тожественъ съ грамматическимъ, это объясняется разницею обѣихъ наукъ. — Наконецъ, природа сужденія кажется Владиславлеву отличною отъ природы предложенія, между прочимъ, потому, что то же сужденіе можетъ быть выражено различными предложеніями. На это мы отвѣтимъ, что значеніе этого замѣчанія совершенно уничтожается другимъ, что смыслъ каждаго логическаго предложенія можетъ быть переданъ многими другими *равносильными*, или *синонимическими предложеніями*; но смыслъ заключается въ какомъ-нибудь отношеніи между *вещами* или *явленіями*, а не между идеями, или субъективными элементами „сужденія".

8. По *объему* своихъ подлежащихъ, реальныя предложенія отношеній раздѣляются на *неопредѣленныя* и *опредѣленныя*; къ послѣднимъ относятся *общія и частныя*.

1) Предложенія называются *неопредѣленными* (indifinitae), какъ скоро остается неизвѣстнымъ, суть ли они *общія* или *частныя*.

Предложеніе называется *общимъ* (universalis, totalis), или *всеобщимъ*, въ которомъ сказуемое приложимо или неприложимо ко всѣмъ безъ исключенія предметамъ означаемымъ терминомъ подлежащаго, и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ.

Предложеніе называется *частнымъ* (particularis, partialis), когда сказуемое приложимо или неприложимо къ нѣкоторой части предметовъ, означаемыхъ терминомъ подлежащаго, или ко всѣмъ предметамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — при чемъ не исключается приложимость или неприложимость его и ко всѣмъ предметамъ, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ.

Люди склонны къ охотѣ. Это предложеніе *неопредѣленно*, если неизвѣстно, приложимо ли сказуемое, — склонность къ охотѣ, — ко всѣмъ людямъ и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ; оно будетъ *общимъ* или *всеобщимъ*, если это извѣстно именно

о всѣхъ людяхъ и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ,— *частнымъ*, если это извѣстно только о нѣкоторыхъ людяхъ или случаяхъ.

2) *Частность* предложенія вполнѣ опредѣляется по внѣшней формѣ предложенія, какъ скоро къ имени подлежащаго прибавляются прилагательныя ограничительныя, въ родѣ *нѣкоторые, иные,* или къ имени сказуемаго прибавляются нарѣчія въ родѣ *иногда, часто, нерѣдко.* Предложеніе: „нѣкоторые люди склонны къ охотѣ“ было бы частнымъ, если бы мы имѣли право на постановку его только въ такомъ, ограниченномъ по объему подлежащаго, видѣ.

Всеобщность или *общность* предложенія не имѣетъ такихъ рѣшительныхъ внѣшнихъ примѣтъ. Мѣстоименныя прилагательныя: *всякій, каждый, никто,* только тогда показываютъ этотъ характеръ предложенія, когда въ сказуемомъ его есть слова: *всегда, никогда,* во всѣхъ, или ни въ какихъ случаяхъ, и равносильныя имъ. Предложеніе: всѣ люди всегда склонны къ охотѣ, было бы *общимъ*, если бы мы имѣли право на него.

Иногда общій или частный смыслъ предложеній очевиденъ изъ *контекста* рѣчи и изъ другихъ обстоятельствъ.

Извѣстенъ *законъ*, что „тѣла брошенныя вверхъ падаютъ обратно на землю“. Послѣднее предложеніе: „тѣла и проч.“ есть общее, какъ выраженіе извѣстнаго закона: такъ какъ закономъ называется именно то отношеніе сказуемаго къ подлежащему, или представляемыхъ ими реальностей, которое составляетъ типическія черты общаго предложенія.

Замѣчали не разъ, что „люди умираютъ отъ гнѣва“. Предложеніе „люди и проч.“—частное, какъ видно изъ предыдущаго, — такъ какъ въ предыдущемъ не утверждается, чтобы это замѣчали *всегда.*

3) Смыслъ общаго предложенія тотъ, что содержаніе термина сказуемаго всегда сопровождаетъ содержаніе термина подлежащаго во всемъ его объемѣ; или что признаки, озна-

чаемые терминомъ сказуемаго всегда сопровождаютъ признаки, означаемые терминомъ подлежащаго. Тамъ гдѣ мы встрѣчаемъ послѣдніе, мы должны найти и первые. Послѣдніе суть очевидное указаніе на присутствіе первыхъ. Смыслъ общаго предложенія: „всѣ тѣла брошенныя вверхъ падаютъ обратно на землю“, тотъ, что признаки означаемые терминомъ *тѣло*, сопровождаются признакомъ: обратнаго паденія на землю, послѣ поднятія вверхъ; или что всякій разъ, какъ мы бросимъ вверхъ какое-нибудь тѣло, мы увидимъ, что оно обратно упадетъ на землю.

Общее предложеніе есть всегда не только указаніе на прошлое и настоящее, но и предсказаніе *будущаго*.

4) По различію объема терминовъ, общія предложенія имѣютъ различную степень общности,— бываютъ *родовыми* (generales), *видовыми* (speciales), и т. д., до самыхъ общихъ, самыхъ широкихъ предложеній реальныхъ отношеній. „Всѣ тѣла падаютъ на землю“ есть предложеніе менѣе общее, чѣмъ слѣдующее: „всѣ тѣла тяготѣютъ другъ къ другу“. Потому что, въ первомъ предложеніи разумѣются всѣ тѣла въ предѣлахъ земнаго притяженія; во второмъ, всѣ тѣла вселенной.

Раздѣленіе предложеній на общія и частныя называется дѣленіемъ ихъ по *количеству* (объему).

Ученіе о смыслѣ предложеній по ихъ объему есть одно изъ важнѣйшихъ въ Логикѣ; не смотря на это, многіе писатели по Логикѣ почти не останавливались на немъ, и большинство даетъ весьма неточныя опредѣленія его. Повидимому послѣдній отзывъ будетъ вѣренъ, относительно всѣхъ писателей послѣ *Аристотеля*, до *Д. С. Милля* и *Бэна*. Не то, чтобы всѣ писатели имѣли ложное понятіе объ этомъ предметѣ; но опредѣленія ихъ обыкновенно поверхностны и недостаточны. Общія и частныя предложенія обыкновенно стремились отличить только по внѣшней, словесной формѣ; но очевидно, что исключительно словесный анализъ смысла предложеній по ихъ объему здѣсь недостаточенъ, и только

соединенный методъ, словесно-объективный, можетъ удовлетворить потребности. Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что *Д. С. Милль* и *Бэнъ*, вполнѣ объяснившіе этотъ предметъ, нѣсколько затрудняютъ пониманіе своего ученія объ немъ, раздѣляя на два отдѣльныя изслѣдованія — ученіе о смыслѣ предложеній и ученіе объ объемѣ ихъ, или *количествѣ*. Тѣмъ не менѣе никто не превзошелъ ихъ въ глубинѣ и ясности изложенія этого предмета.

(1) *Бэнъ:* „Когда сказуемое истинно относительно подлежащаго, во всемъ объемѣ подлежащаго, и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, то предложеніе называется *цѣльнымъ* (total) или *общимъ* (universel) по *количеству:* — „всѣ планеты имѣютъ круглую форму"; „всѣ добродѣтели полезны"; „всякій уголь есть произведеніе древней растительности". — Когда сказуемое истинно относительно подлежащаго только въ части его объема, или въ нѣкоторомъ неопредѣленномъ числѣ примѣровъ, оно называется *частичнымъ* или *частнымъ* (partial or particular) по количеству: „нѣкоторыя планеты обширнѣе земли"; „нѣкоторыя изъ добродѣтелей трудны для исполненія"; „нѣкоторый уголь годенъ для выдѣлки свѣтильнаго газа"; „нѣкоторые люди мудры"; „нѣкоторые металлы не ржавѣютъ"; „нѣкоторые кристаллы прозрачны"; „нѣкоторыя болѣзни неизлѣчимы". — *С. Джевонсъ* обращаетъ особенное вниманіе на тотъ пунктъ, что частное предложеніе, хотя и „утверждаетъ сказуемое только относительно части подлежащаго, однако же не отрицаетъ того, что оно можетъ быть вѣрно и обо всемъ подлежащемъ". (Въ противномъ случаѣ мы не могли бы заключать отъ *частнаго* къ *общему*).

(2) Къ словеснымъ знакамъ частности, — каковы выраженія: *нѣкоторые, иные,* — относятся, по *С. Джевонсу,* слова: *весьма многіе, многіе, не многіе;* — по *Де-Моргану* и *С. Джевонсу,* — *большая часть;* вообще, какъ говоритъ *Джевонсъ,* всѣ слова, „означающія какую бы то ни было часть (объема), отъ самой малой доли и почти до цѣлаго".

(3) Смыслъ общихъ реальныхъ предложеній, по *Д. С. Миллю,* можетъ быть выраженъ двояко, смотря потому, разсматриваемъ ли мы ихъ „какъ части теоретической истины, или какъ *tetoranda* для практическаго употребленія". Согласно формулѣ, „наилучше приспособленной для выраженія смысла предложенія, какъ нѣ-

которой доли нашего теоретическаго знанія,—„Всѣ люди смертны", значитъ, что свойства (attributes) человѣка всегда сопровождаются свойствами смертности; „Люди не боги", означаетъ, что свойства человѣка никогда не сопровождаются свойствами,—или по крайней мѣрѣ никогда всѣми свойствами, означаемыми словомъ богъ. Но когда предложеніе разсматривается какъ памятная замѣтка для практическаго употребленія, мы должны отыскать другой способъ для выраженія того же смысла, лучше приноровленный къ указанію роли исполняемой предложеніемъ. Практическое назначеніе предложеній — указывать или напоминать намъ, чего мы должны ожидать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подходящемъ подъ утвержденіе, которое заключается въ предложеніи. Въ примѣненіи къ этому назначенію, предложеніе „Всѣ люди смертны" означаетъ, что свойства человѣка составляютъ *очевидность* (evidense) или *признакъ* (a mark) смертности,—указаніе, по которому присутствіе этого свойства становится яснымъ (manifest). Предложеніе „Люди не боги" означаетъ, что свойства человѣка составляютъ признакъ или очевидность отсутствія, при нихъ, нѣкоторыхъ или всѣхъ свойствъ почитаемыхъ принадлежащими богу: тамъ, гдѣ есть первыя, не слѣдуетъ надѣяться найти послѣднія".

Въ теоріи умозаключенія, послѣдней формулѣ, имѣющей практическое достоинство, должно быть отдано преимущество. Такъ какъ, по замѣчанію Милля, „всякое свойство (attribut) *основано* (grounded) на какомъ-нибудь фактѣ или явленіи,—внѣшняго чувства, или внутренняго сознанія, и *обладать* свойствомъ значитъ то же, что быть причиною, или составлять часть — факта или явленія, на которомъ свойство основано", то Милль упрощаетъ выраженіе смысла общаго реальнаго предложенія, замѣчаніемъ, что предложеніе „утверждающее, что одно свойство всегда сопровождается другимъ свойствомъ, въ дѣйствительности утверждаетъ при этомъ только то, что одно явленіе всегда сопровождается другимъ явленіемъ; такъ что тамъ, гдѣ мы находимъ послѣднее, мы убѣждены и въ существованіи перваго. Такимъ образомъ, въ предложеніи: Всѣ люди смертны, слово человѣкъ означаетъ свойство которое мы приписываемъ извѣстному роду живыхъ твореній, на основаніи извѣстныхъ явленій, которыя они представляютъ, и

которыя суть частію физическія, — именно впечатлѣнія, производимыя на наши чувства ихъ тѣлесною формою и строеніемъ, — и частію духовныя, именно свойственная имъ жизнь чувства и ума. Все это разумѣется, когда мы произносимъ слово человѣкъ, — всякимъ кому извѣстно значеніе этого слова. Поэтому, когда мы говоримъ: Человѣкъ смертенъ, мы разумѣемъ, что мы увѣрены въ томъ, что повсюду гдѣ, только, находятся эти различныя физическія и духовныя явленія, не преминетъ наступить и то, иное физическое и умственное явленіе, которое называютъ смертію". — Сообразно съ этимъ, упрощеннымъ выраженіемъ смысла общаго реальнаго предложенія, Милль оцѣниваетъ сравнительное достоинство двухъ указанныхъ выше формулъ толкованія этого смысла, замѣчаніемъ, что „въ теоріи умозаключенія почти неизбѣжно смотрѣть на смыслъ предложенія, какъ на утвержденіе, что одинъ фактъ или явленіе есть признакъ или *очевидность* (присутствія) другого факта или явленія".

(4) По поводу различной степени *общности* предложеній, *Бэнъ* замѣчаетъ, что она слѣдуетъ общности понятій. Вотъ его примѣры увеличивающейся общности: „всякая вода падаетъ"; „всѣ земныя тѣла тяготѣютъ къ центру земли"; „всѣ тѣла солнечной системы тяготѣютъ другъ къ другу"; „всякое вещество тяготѣетъ". Другіе: „слѣдуетъ научиться — не простуживаться", — „заботиться о здоровьи", — „быть благоразумнымъ, — быть добродѣтельнымъ".

(5) Обращаясь къ русской литературѣ Логики этого предмета, находимъ въ ней отраженіе слабыхъ сторонъ того же ученія въ литературѣ иностранной. Всего обстоятельнѣе этотъ предметъ изложенъ у *Лодія,* противника Канта, смѣшавшаго *общія* или *всеобщія* (universelle) сужденія съ *родовыми* (generelle). Это смѣшеніе принимается скрытно почти всѣми русскими писателями, и открыто выступаетъ у *Рождественскаго.* Всѣ русскіе писатели, за исключеніемъ указаннаго *Лодія,* двусмысленны въ опредѣленіи общихъ предложеній, и не позволяютъ съ точностью отдѣлить ихъ отъ частныхъ. Этотъ недостатокъ есть отраженіе колебаній и неясности въ этомъ ученіи нѣмецкихъ писателей послѣ Канта, изъ которыхъ только одинъ *Летце* обратилъ на этотъ предметъ надлежащее вниманіе, проведши попытку отдѣлить сужденія ро-

довыя (generelle) отъ общихъ (universelle). — Самыми неяснымн излагателями этого ученія являются представители психологическаго метода обработки предложеній, какъ *Дробишъ,* и отчасти *Вундтъ*. Психологъ имѣетъ дѣло не съ *предметомъ* идей. а съ самыми *идеями,* и опредѣленіе количества или объема предложеній, для психолога, вещь недоступная. Вотъ почему нашъ ученый, *Гротъ,* прямо отрицаетъ такой предметъ Логики: „Съ точки зрѣнія процессовъ мысли", говоритъ онъ, „вовсе нельзя говорить объ „общихъ„ и „частныхъ" сужденіяхъ, и точно также „не имѣетъ смысла говорить о видахъ умозаключенія, основанныхъ на различіи общихъ и частныхъ сужденій". Это — самое наглядное доказательство безсилія психологическаго метода въ обработкѣ логическихъ предложеній и умозаключеній.

9. Соединяя дѣленія предложеній по *качеству* и *количеству,* получаютъ слѣдующіе четыре рода предложеній, составляющихъ изслѣдуемые элементы силлогизма, независимо отъ ихъ содержанія:

Обще-утвердительныя *(A).*
Обще-отрицательныя *(E).*
Частно-утвердительныя *(I).*
Частно-отрицательныя *(O).*

Буквы, которыми означаются четыре рода предложеній, взяты изъ словъ *AffIrmo* и *nEgO.*

Примѣры:

A — Всѣ люди смертны.
E — Никто изъ людей не богъ.
I — Нѣкоторые люди благоразумны.
O — Нѣкоторые люди неблагоразумны.

Отличая подлежащее (люди) буквою *S* (Subjectum), а сказуемыя (смертный, богъ, благоразумный) буквою *P* (Praedicatum), раз-

сматриваемые роды предложеній обыкновенно представляютъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

A — Всѣ *S* суть *P*.

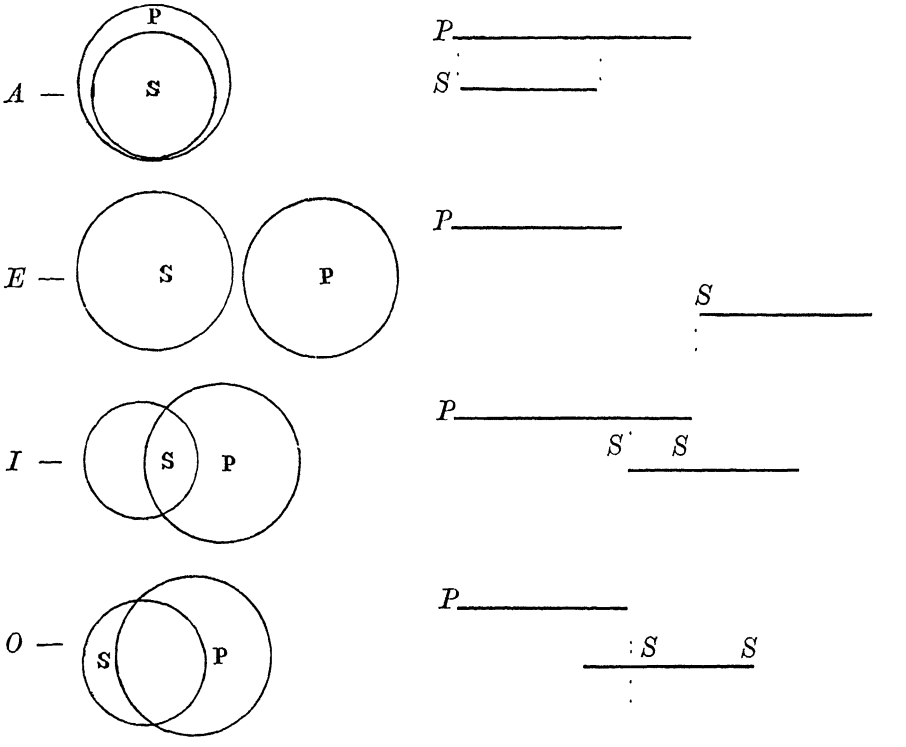
E — Никакое *S* не есть *P*.

I — Нѣкоторые *S* суть *P*.

O — Нѣкоторые *S* не суть *P*.

Нѣкоторые писатели дѣлаютъ попытки представлять тѣ же роды предложеній посредствомъ чертежей и алгебраическихъ выраженій. Въ настоящемъ мѣстѣ мы укажемъ на первые.

Имѣя въ виду, что термины предложеній изучаются въ Логикѣ для объясненія терминовъ умозаключеній, и что въ утвердительныхъ силлогизмахъ, термины должны быть *неравнаго* объема,— мы обозначимъ термины предложеній утвердительныхъ неравными *кругами* и *линіями*, а термины отрицательныхъ — *равными*. Тогда самыя предложенія, разсматриваемыя нами, могутъ быть изображены такъ:



Употребленіе круговыхъ линій получило осѣдлость въ Логикѣ со времени *Эйлера*. Употребленіе прямыхъ мы встрѣтили въ первый

разъ у *Милльса*. Объясненіе круговыми линіями четырехъ родовъ предложеній встрѣчаются у *Иберверга, Рейхлина-Мельдена, Джевонса, Венна,* того же *Милльса, Новицкаго, Карпова*. Нѣкоторые—какъ напр. *Поль-Жанэ,* — ту же символику переносятъ и въ ученіе о терминахъ.

10. При раздѣленіи всѣхъ предложеній на четыре рода, общеутвердительныя и обще-отрицательныя, частно-утвердительныя и частно-отрицательныя, возникаетъ вопросъ: куда отнести предложенія, у которыхъ подлежащимъ бываетъ терминъ *единичный* (individualis, singularis), и которыя, поэтому, названы также *единичными?*

Предложенія съ терминами единичными, какъ и предложенія съ терминами общими, могутъ быть и *частными и общими,* — и слѣдовательно сближаются съ *неопредѣленными* по своему объему.

Предложенія единичныя, отъ которыхъ заключаютъ къ предложенію общему, или къ которымъ заключаютъ отъ общаго предложенія, играютъ роль *частныхъ*. Это вполнѣ отвѣчаетъ взгляду на вещи единичныя, какъ на послѣднія, *недѣлимыя,* части *логическаго цѣлаго* (totum logicum, по выраженію Гётчесона), т. е. рода или вида, вообще класса.

Предложенія единичныя, въ которыхъ, точно также какъ въ общихъ, имѣется въ виду только *содержаніе* единичныхъ терминовъ, и его отношеніе къ содержанію сказуемыхъ, должны быть причислены къ общимъ.

Все что сказано здѣсь о единичныхъ терминахъ, прилагается ко всѣмъ *собирательнымъ,* которые относятся къ единичнымъ.

Такимъ образомъ, когда нашли, что —

Золото хорошій проводникъ тепла,
Платина хорошій проводникъ тепла,
Желѣзо хорошій проводникъ тепла,

и т. д.,

и заключили, что

Всѣ металлы хорошіе проводники тепла, —

то единичныя предложенія о золотѣ, платинѣ, желѣзѣ, и т. д. могутъ быть разсматриваемы какъ *частныя*, отъ которыхъ было сдѣлано общее заключеніе.

Когда отъ общаго предложенія —

„Всѣ люди смертны“,

заключаютъ къ частному:

„Теперешній императоръ Германіи умретъ“,

этимъ частнымъ служитъ здѣсь единичное.

Но когда говорятъ:

„Золото не окисляется кислородомъ“,—

„Богъ выше человѣка“,—

эти предложенія, въ которыхъ подлежащимъ служатъ имена единичныя, должны быть, не смотря на ихъ единичность, причислены къ общимъ; такъ какъ смыслъ ихъ слѣдующій:

Свойства, составляющія содержаніе термина „золота“, никогда не сопровождаются свойствомъ выражаемымъ словами: окисленіе кислородомъ.

Свойства, составляющія содержаніе термина „Богъ“, выше свойствъ составляющихъ содержаніе термина „человѣкъ“. Такое предложеніе можетъ быть выражено слѣдующимъ общимъ образомъ: Божество выше человѣчества.

Едва ли найдется въ Логикѣ другой предметъ, относительно котораго было бы такъ мало согласія между писателями по этой наукѣ, — какъ объемъ единичныхъ предложеній. Дѣленіе предложеній на общія и частныя имѣло въ виду собственно задачи теоріи доказательства, для которой всего важнѣе предложенія съ терминами общими. Поэтому о предложеніяхъ единичныхъ не было особенной рѣчи до новаго времени. *Аристотель* дѣлитъ пред-

ложенія только на *общія* и *частныя*, приводя въ примѣры частныхъ и *единичныя*. Въ первый разъ, въ Логикѣ *Поръ-Рояля*, они были причислены къ *общимъ*, и до сихъ поръ такъ трактуются во французской литературѣ, какъ можно видѣть, напр., изъ трудовъ *Поля Жанэ* и *Ліяра*. Вліяніе Поръ-Рояля сказалось у насъ въ переводѣ „Началъ Логики", *Ивашковскаго*, и въ Логикѣ *Свѣтилина*. Поръ-Роялю слѣдуютъ въ Англіи *Гетчесонъ* и *С. Джевонсъ*, въ Германіи — *Кантъ*, дѣлающій въ то же время попытку поставить единичныя предложенія рядомъ съ общими и частными. — У *Вольфа* находится тотъ взглядъ на единичныя предложенія, который принятъ самыми важными авторитетами въ вопросѣ о смыслѣ предложеній по объему или количеству, именно *Миллемъ* и *Бэномъ*. Вольфъ находитъ, что единичныя предложенія, по своему объему, принадлежатъ то къ частнымъ, то къ общимъ. Этотъ взглядъ, кромѣ Милля и Бэна, раздѣляется, въ Англіи, *Уэтли*, въ Германіи, *Гербартомъ*, *Ибервегомъ*. *Лотце* держится взгляда Аристотеля; *Дробишъ* находитъ единичныя предложенія *безколичественными*; *Зигвартъ* считаетъ насиліемъ, требовать отъ каждаго предложенія количества. Нѣкоторые же писатели совсѣмъ опускаютъ рѣчь о единичныхъ предложеніяхъ, какъ, у насъ, *Михневичъ*, *Карповъ*, *Гошкевичъ*, *Струве*; другіе не входятъ въ вопросъ объ отношеніи ихъ къ общимъ и частнымъ, какъ *Вундтъ*, — у насъ, *Райковскій*, *Владиславлевъ*.

10. По *содержанію* своихъ сказуемыхъ, всѣ логическія предложенія въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. всѣ реальныя предложенія отношеній, раздѣляются на три рода:

1. Предложенія *равенства* и *неравенства*.
2. Предложенія *сосуществованія* и его *отсутствія*.
3. Предложенія *преемства* и его *отсутствія*.

1. Предложенія *равенства* и *неравенства* составляютъ тотъ отдѣлъ предложеній *сходства* и *несходства*, который даетъ элементы умозаключеній, самостоятельные въ ряду другихъ предложеній отношеній.

Бэнъ свелъ *миллевы* предложенія *сходства* и *несходства* къ предложеніямъ *равенства* и *неравенства,* на томъ основаніи, что, за исключеніемъ послѣдняго случая, всѣ отношенія сходства и несходства закрываются другими отношеніями, которыя выступаютъ какъ собственное содержаніе предложеній, входящихъ въ составъ доказательствъ. Въ примѣръ предложенія равенства и неравенства Бэнъ приводитъ, изъ ариѳметики, предложенія сложенія (три и четыре — семь), вычитанія (пять изъ девяти — въ остаткѣ четыре), умноженія (шестью восемъ - сорокъ восемь), пропорцій (два такъ относятся къ десяти, какъ шесть къ тридцати); изъ геометріи, — предложеніе неравенства двухъ сторонъ треугольника третьей (двѣ стороны треугольника, взятыя вмѣстѣ, больше третьей); изъ алгебры, *уравненія;* и т д. Вообще, говоритъ Бэнъ, сюда относятся всѣ предложенія количества въ наукахъ математическихъ, и всѣ приложенія математики въ другихъ наукахъ, даже всѣ сравненія количественнаго характера, не допускающія числоваго опредѣленія (напр. предложеніе: „этотъ человѣкъ проницательнѣе того“).

2. Предложенія *сосуществованія* (coexistentiae) утверждаютъ или отрицаютъ *порядокъ вещей въ пространствѣ* и *неразрывность* ихъ признаковъ, т. е. свойствъ, качествъ, отношеній преемства. Предложенія географическія и космографическія, относительно *положенія, величины, разстоянія* матеріальныхъ предметовъ, относятся къ этому роду. Сюда же принадлежатъ предложенія относительно неразрывности *свойствъ* въ тѣлахъ неорганическихъ и органическихъ,—*способностей* въ человѣческомъ духѣ, — *свойствъ* народа и *состояній* человѣческаго общества.

Бэнъ объясняетъ предложенія сосуществованія слѣдующими примѣрами: „человѣкъ смертенъ“ (неразрывность признаковъ человѣка и факта смерти); „пониженіе барометра есть знакъ дождя“ (неразрывность двухъ фактовъ, — дождя и пониженія барометра). Бэнъ причисляетъ къ предложеніямъ сосуществованія, во-первыхъ, предложенія относительно *пространства,* или *порядка въ пространствѣ* (order in place); слѣдовательно, касающіяся „внѣшняго міра“. Таковы предложенія касательно *мѣстъ* вещей, и ихъ пространственнаго

отношенія другъ къ другу („Звѣзды размѣщены на небесномъ сводѣ въ опредѣленныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга"); — предложенія пространства, не утверждающія ничего, кромѣ нахожденія одной вещи въ другой („Иванъ находится въ комнатѣ; „Созвѣздіе Оріона находится въ сѣверномъ полушаріи"); предложенія смежности (нахожденія „рядомъ", „подлѣ", „вблизи", „вверху", „внизу"). Болѣе точныя предложенія порядка въ пространствѣ объясняютъ взаимное положеніе вещей числовымъ указаніемъ разстоянія или величины. Такъ положеніе мѣстъ на земной поверхности опредѣляется долготою и широтою, и слѣдовательно, если нужно, въ линейныхъ разстояніяхъ. Описаніе всѣхъ предметовъ внѣшняго міра, имѣющихъ части, — какъ зданія, машины, растенія, животныя, кучи и собранія предметовъ, — требуетъ тѣхъ или другихъ предложеній порядка въ пространствѣ. — Ко второму классу предложеній сосуществованія Бэнъ причисляетъ предложенія *неразрывности признаковъ* (Coinherence of attributes). Вмѣсто расположенія въ пространствѣ, здѣсь утверждается или отрицается встрѣча двухъ или болѣе свойствъ или способностей въ той же самой части или мѣстности (напр. свойствъ золота, функцій частей животнаго организма, отношеній кровянаго шарика). Духъ, не допускающій предложеній порядка въ пространствѣ, имѣетъ неразрывныя отправленія — чувства, воли и мысли. Встрѣчающіяся вмѣстѣ свойства минераловъ, растеній, и тѣлеснаго и умственнаго устройства животныхъ, связываются въ утвержденіяхъ неразрывности.

3. Предложенія *преемства* или *послѣдовательности,* утверждаютъ или отрицаютъ *порядокъ во времени,* и отношенія *причины* и *дѣйствія.* Таковы предложенія, утверждающія предвареніе одной вещи другою, или послѣдованіе одной вещи за другою; таковы же всѣ предложенія, утверждающія произведеніе, причиненіе, перемѣну.

Бэнъ различаетъ два рода предложеній преемства: во-первыхъ, предложенія *порядка во времени,* безъ указанія на какое-нибудь болѣе тѣсное отношеніе. Таковы предложенія мѣста во времени,

или въ рядовомъ порядкѣ явленій міра: („За весною наступаетъ лѣто“; „За дѣтствомъ — юность“); — предложенія смежности въ порядкѣ преемства („Генрихъ VIII былъ преемникомъ Генриха VII, и предшественникомъ Эдуарда VI“). Точныя предложенія порядка во времени пользуются услугами арифметики и алгебры. — Причина и дѣйствіе заключены въ преемствѣ, но содержатъ нѣчто болѣе простого порядка во времени, — нѣкоторую связь, при которой одно рождаетъ другое. Предложенія причинной связи таковы: „Вспышка пороха выбрасываетъ пушечное ядро“; „Гореніе угля превращаетъ воду въ паръ“; „Тоска изнуряетъ силы“; „Хорошій урожай понижаетъ цѣны“; „Демосфенъ возбуждалъ аѳинянъ противъ Филиппа“.

Соотвѣтственно своему анализу реальныхъ предложеній, *Д. С. Миллъ* выражаетъ ихъ содержаніе, называя предложенія сосуществованія, преемства и сходства (равенства) утвержденіями или отрицаніями,—во-первыхъ, совмѣстности одного явленія съ другимъ; во-вторыхъ, послѣдовательности одного явленія за другимъ явленіемъ; и въ-третьихъ, сходства одного явленія съ другимъ явленіемъ. Милль признаетъ, что такое содержаніе предложеній, какъ *сосуществованіе* и *преемство,* часто не легко открыть безъ предварительнаго размышленія. „Возмемъ, говоритъ Милль, слѣдующій примѣръ: „Человѣкъ великодушный достоинъ уваженія“. Кто бы надѣялся найти здѣсь случай сосуществованія явленій. Однако это такъ. Свойство, по которому лицо называется великодушнымъ, приписывается ему на основаніи состояній его духа и особенностей его поведенія; то и другое — явленія: первое — факты внутренняго свойства; послѣднее, — насколько отлично отъ перваго, — факты физическіе или впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ. Подобный анализъ допускаетъ и „достойный уваженія“. Уваженіе, какъ оно здѣсь употреблено, означаетъ состояніе ободряющаго и почтительнаго волненія, сопровождающагося при случаѣ внѣшними дѣйствіями. „Достоинъ уваженія“ соозначаетъ все это, вмѣстѣ съ нашимъ одобреніемъ дѣйствія обнаруженія уваженія. Все это — явленія: состоянія внутренняго сознанія, сопровождаемыя или сопутствуемыя физическими фактами. Когда мы говоримъ, „Великодушный человѣкъ достоинъ уваженія“, мы утверждаемъ сосуществованіе между двумя осложненными явленіями, соозначаемыми

вдумя терминами предложенія. Мы утверждаемъ, что гдѣ бы и когда бы ни открылись внутреннія чувства и внѣшніе факты, содержащіеся въ словѣ великодушіе, тамъ и тогда присутствіе и обнаруженіе внутренняго чувства, уваженія, будетъ сопровождаться въ нашемъ духѣ другимъ внутреннимъ чувствомъ, одобреніемъ".

Французская логика, начиная съ Поръ-Рояля, и донынѣ уклоняется отъ изслѣдованія содержанія предложеній, останавливаясь исключительно на ихъ *объемѣ* и нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ. Въ *нѣмецкой* литературѣ Логики, опыты въ этомъ родѣ встрѣчаемъ у *Зигварта,* въ его дѣленіи предложеній на *сообщающія* (erzahlende) и *объясняющія* (erklärende), и у *Вундта,* который между *сообщающими* (erzahlende) и *объясняющими* (erklarende) вбрасываетъ *описывающія* (beschreibende),—опредѣляя первыя, какъ предложенія *состояній* или *событій,* вторыя,—какъ предложенія *вещей,* и третьи какъ предложенія *свойствъ.*—Въ русской литературѣ мы имѣли только двѣ попытки того же рода: *Новицкаго,* въ его дѣленіи сужденія на „сказательныя" и „причинныя", и *Владиславлева,* который къ тремъ классамъ предложеній: *равенства, сосуществованія* и *преемства,* прибавилъ *четвертый — сходства.*

ГЛАВА VI.

Раскрытіе смысла даннаго предложенія посредствомъ другихъ предложеній.

1. Для очевидности дедукціи требуется очевидность смысла или предѣловъ каждаго изъ составляющихъ ее предложеній. Отсюда, прежде чѣмъ сдѣлать какое-нибудь предложеніе элементомъ дедукціи, часто требуется сообщить ему недостающую очевидность смысла — что̀ достигается *раскрытіемъ* послѣдняго.

Такъ какъ раскрытію смысла даннаго предложенія посредствомъ другого можно придать внѣшній видъ вывода, или дедукціи,— соединяя оба предложенія посредствомъ частицы *слѣдовательно,* или ей равносильныхъ, — то такія связи двухъ предложеній называютъ умозаключеніями *кажущимися* (а также *непосредственными).*

Названіе, приданное нами этой главѣ, не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ трудахъ по Логикѣ, но повидимому вполнѣ отвѣчаетъ обычному содержанію ученія о кажущихся умозаключеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, требуя отъ логическихъ ученій логической строгости, мы не могли придать послѣднему ученію другой цѣли.

Аристотель, великій основатель ученія о силлогизмѣ и силлогистическомъ доказательствѣ, не предварялъ изложеніе этого ученія изслѣдованіемъ какихъ-нибудь другихъ умозаключеній, — *кажущихся,* или, какъ ихъ называютъ нѣкоторые, — *прямыхъ, непосредственныхъ.* Ученію о силлогизмѣ предшествовало у него только

ученіе о предложеніяхъ, и ближайшимъ образомъ ученіе объ *обращеніи* предложеній (ἀντιστροφή, reciprocatio, conversio), т. е о перестановкѣ сказуемаго на мѣсто подлежащаго, — съ цѣлью указать средства преобразованія силлогизмовъ 2 й и 3-й фигуры въ силлогизмы первой фигуры, какъ совершеннѣйшей. Въ новое время, съ паденіемъ уваженія къ силлогистической логикѣ, заботы о второй и третьей фигурѣ силлогизма почти изчезли; но подготовлявшая къ ученію объ нихъ, теорія „обращенія“ предложеній продолжала занимать мѣсто въ теоріи предложеній, какъ ученіе о *взаимномъ отношеніи* послѣднихъ. Она сохранилась въ Логикѣ *Порь-Рояля,* и во всей *французской* литературѣ, оканчивая недавно появившеюся „Логикою“ *Ліяра.* Она усвоена большинствомъ писателей по Логикѣ въ *Англіи,* — какъ, напр., *Гоббсомъ, Гетчесономъ, Уэтли, Бэномъ,*—и въ *Россіи,* какъ видно изъ сочиненій *Богданова, Лодія, Пащенко, Карпова, Струве.* Между нѣмецкими писателями, удержавшими ту же теорію, мы укажемъ на *Рейхлина-Мельдена, Летце, Леве* и *Вундта,*— который впрочемъ не видитъ причины отдѣлять эти „отношенія“ предложеній отъ умозаключеній. — Недостатокъ мотивовъ къ сохраненію аристотелевской теоріи „обращенія“ предложеній былъ повидимому одною изъ главныхъ причинъ появленія другого направленія въ обработкѣ этого предмета. *Вольфъ* перенесъ это ученіе, изъ теоріи предложеній, въ теорію *умозаключеній,* назвавши аристотелевскія „обращенія“ предложеній *прямыми* или *непосредственными* (immediata) умозаключеніями, — въ отличіе отъ умозаключеній въ смыслѣ Аристотеля, которымъ дали названіе *косвенныхъ* (mediata), — такъ какъ умозаключеніе Аристотеля связываетъ два термина *черезъ третій,* между тѣмъ какъ „обращенія“ предложеній, давая связь двухъ предложеній, ограничиваются *двумя* терминами даннаго предложенія. Опытъ Вольфа подкупалъ, между прочимъ, тѣмъ, что къ числу „прямыхъ“ умозаключеній, т. е. „обращенію“ предложеній, — онъ прибавилъ такъ-называемыя *энтимемы,* т. е. силлогизмы съ подразумѣваемыми посылками, состоящіе во всякомъ случаѣ изъ *трехъ* терминовъ, но имѣющіе часто внѣшній видъ связи двухъ предложеній. Энтимемы явились у нѣкоторыхъ послѣдователей Вольфа въ классѣ непосредственныхъ умозаключеній *подчиненія* (subalternatio). Послѣдователями Вольфа являются, въ Германіи,

Кантъ,—который назвалъ *прямыя* заключенія *разсудочными* (Verstandesschlusse).—*Бенеке, Дробишъ, Тренделенбургъ, Иберверъ, Зигвартъ;*—въ Англіи, *С. Джевонсъ* и вообще приверженцы такъ-называемой *символической* логики, — *Монкъ;*— во Франціи, *Ліяръ;*— въ Россіи, *Лащенко, Рождественскій, Новицкій, Михневичъ, Райковскій, Гошкевичъ, Владиславлевъ.*—*Д. С. Миллъ* разсматриваетъ эти, такъ-называемыя прямыя умозаключенія также въ книгѣ объ умозаключеніяхъ,—но только какъ примѣръ того, чего не слѣдуетъ признавать умозаключеніями. Онъ первый далъ такимъ умозаключеніямъ названіе *кажущихся* (apparent).

Мы не отрицаемъ того, что психологу въ высшей степени интересно сблизить умозаключенія Аристотеля съ его „обращеніями предложеній“, и въ такъ называемыхъ „прямыхъ“ умозаключеніяхъ найти первые ростки того процесса, который выражается въ силлогизмѣ. Но интересы психологіи не слѣдуетъ отожествлять съ задачами Логики. Логика, въ цѣляхъ своихъ ученій, не имѣетъ основаній отступать отъ аристотелевскаго взгляда на умозаключеніе, какъ на процессъ, въ которомъ слѣдствіе даетъ нѣчто новое (ἕτερον τι) сравнительно съ посылками, — чего не можетъ дать простое „обращеніе“ даннаго предложенія. Поэтому, мы держимся Аристотеля, въ обработкѣ предмета настоящей главы; но полагаемъ, что дадимъ солидный мотивъ къ ней, и укажемъ ея неизбѣжныя границы, изслѣдуя этотъ предметъ какъ „раскрытіе смысла даннаго предложенія посредствомъ другого“.

2. Къ раскрытію смысла даннаго предложенія служатъ преимущественно слѣдующія преобразованія послѣдняго:

Разложеніе (Decompositio).
Замѣщеніе (Substitutio).
Превращеніе (Obversio).
Обращеніе (Conversio).

Ученіе о *превращеніи* предложеній явилось въ Логикѣ *Аристотеля* подъ именемъ ученія о *противоположеніи* предложеній, и сохраняетъ свое древнее названіе у многихъ новыхъ писателей.

Ученіе объ *обращеніи* предложеній предшествуетъ у *Аристотеля* теоріи силлогизма; и сохраняетъ то же мѣсто въ Логикѣ Поръ-Рояля. Ученіе о *разложеніи* предложеній получило свое начало въ ученіи Аристотеля о *простыхъ* и *сложныхъ* предложеніяхъ. Въ ученіе о сложныхъ предложеніяхъ Логикою Поръ-Рояля введено ученіе о предложеніяхъ раздѣлительныхъ. Ученіе о *замѣщеніи* именъ именами и предложеніями также находится у Аристотеля: оно выступило позднѣе подъ именемъ ученія о *равнозначащихъ* или *равносильныхъ* предложеніяхъ Ученіе о *замѣщеніи* обнимаетъ собою ученіе о предложеніяхъ *условныхъ* и *модальныхъ*, о которыхъ также училъ еще Аристотель.

3. *Разложеніе.*— Пусть будетъ дано слѣдующе предложеніе: „Желѣзо, мѣдь, свинецъ, цинкъ, суть металлы встрѣчающіеся въ изобиліи, дешевые и полезные“ (С. Джевонсъ).

1) Весь смыслъ этого предложенія раскроется только тогда, когда мы выставимъ на видъ заключающіяся въ немъ отдѣльныя утвержденія, приписывая въ отдѣльныхъ предложеніяхъ каждую изъ трехъ различныхъ вещей (изобиліе, дешевизну и пользу) четыремъ различнымъ вещамъ (желѣзу, мѣди, свинцу, цинку); — что̀, — помножая три сказуемыя на четыре подлежащихъ, — дало бы двѣнадцать отдѣльныхъ предложеній, или реальныхъ утвержденій.

2) Желающій повѣрить самъ истинность даннаго предложенія, могъ бы исчерпать всѣ содержащіяся въ немъ утвержденія, извлекая изъ него послѣднія такимъ образомъ:

Слѣдовательно: Желѣзо встрѣчается въ изобиліи.
Желѣзо дешево.
Желѣзо полезно.
Мѣдь встрѣчается въ изобиліи и т. д.

Такія извлеченія имѣли бы *видъ* выводовъ или умозаключеній.

3) Несомнѣнно, что данное предложеніе будетъ вполнѣ оправдано только тогда, когда будетъ оправдано каждое изъ содер-

жащихся въ немъ двѣнадцати утвержденій, — что̀, со всею очевидностью, исполнимо только при постановкѣ этихъ утвержденій въ соотвѣтственномъ количествѣ отдѣльныхъ предложеній.

Постановку нѣсколькихъ предложеній на мѣсто одного даннаго, соотвѣтственно количеству содержащихся въ немъ утвержденій или отрицаній, мы и называемъ *разложеніемъ* даннаго предложенія. Предложеніе, допускающее такое разложеніе, называется *сложнымъ* (compositа); а предложенія, на которыя оно такимъ образомъ разлагается, называются *простыми* (simplices).

4) Несомнѣнно также, что придавая раскрытію смысла сложнаго предложенія наружный видъ умозаключеній, мы въ дѣйствительности ни о чемъ не заключаемъ, а только выставляемъ на видъ данныя въ немъ утвержденія или отрицанія.

(1) Ученіе о предложеніяхъ сложныхъ или разложимыхъ, и простыхъ или неразложимыхъ, имѣетъ большое значеніе съ логической точки зрѣнія. Разложеніе сложныхъ предложеній на простыя поставлено у *Декарта* однимъ изъ четырехъ главныхъ правилъ метода. Неудивительно, поэтому, что именно послѣдователями его ученія, въ *Логикѣ Поръ-Рояля,* представлено самое обстоятельное ученіе объ этомъ предметѣ. *Французскіе* писатели по Логикѣ обыкновенно держатся, въ этомъ отношеніи, Поръ-Рояля; его же имѣютъ въ виду и *англійскіе*. Изъ русскихъ логиковъ, самое обстоятельное ученіе о сложныхъ предложеніяхъ представлено, въ началѣ нашего столѣтія, *Богдановымъ* и *Лодіемъ*. Несомнѣнно, что ученіе о сложныхъ предложеніяхъ будетъ весьма роковымъ для приверженцевъ *субъективнаго,* особенно *субъективно-психологическаго* метода обработки предложеній. Потому что, при опредѣленіи предложенія какъ соединенія понятій, соединеніе нѣсколькихъ понятій въ сложномъ подлежащемъ и сложномъ сказуемомъ, не составляющее однако сужденія (или сужденій), производитъ совершенную путаницу въ теоріи субъективистовъ. Вотъ почему, ученіе о сложныхъ предложеніяхъ совершенно изчезло изъ логики *Вольфа* и *Канта* и, вслѣдъ за ними, у ихъ многочисленныхъ приверженцевъ въ *Германіи*. Изъ *русскихъ* писателей имъ слѣдуютъ: *Щепенко, Рождественскій, Карповъ;*

во Франціи — *Ліяръ*. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ англійскихъ писателей, особенно Милля, въ Германіи произошла перемѣна въ этомъ отношеніи, поворотная къ первой точкѣ зрѣнія; о *сложныхъ* предложеніяхъ начинаютъ вновь учить, — какъ это мы видимъ въ трудахъ *Иберверга, Вундта*. Въ Россіи оно возобновлено *Новицкимъ* и *Михневичемъ*, — обоими весьма туманно; затѣмъ, *Сыттинымъ*, *Владиславлевымъ* и *Струве*, — при чемъ Владиславлевъ уклонился отъ опредѣленія сложныхъ предложеній, и причисляетъ къ нимъ только *условныя* и *раздѣлительныя*.

(2) *Логика Порт-Рояля:* Сложныя предложенія — двоякаго рода: въ однихъ сложность выражена ясно, въ другихъ — закрыто. Къ первымъ относятся предложенія:

1) *Соединительныя* (Copulatives), въ которыхъ находится нѣсколько подлежащихъ или нѣсколько сказуемыхъ, связанныхъ союзами: *и* и *ни*. Mors et vita in manibus langvae. Смерть и жизнь во власти языка.

2) *Раздѣлительныя* (Disjunctives), въ которыя входитъ союзъ *или*. Amicitia pares aut accipit, aut facit. Дружба или пріобрѣтаетъ или создаетъ равныхъ.

3) *Условныя* (Conditionneles), въ которыхъ обѣ части состоятъ изъ предложеній. связанныхъ союзомъ *если*. Si non pavisti, occidisti. Если ты не накормилъ (бѣднаго) ты убилъ (его). [Позднѣе увидимъ, что *условныя* не принадлежатъ къ *сложнымъ* въ строгомъ логическомъ смыслѣ].

4) *Причинныя* (Causales), сложенныя изъ двухъ предложеній посредствомъ союзовъ: *потому что, для того чтобы*. Tolluntur in altum, ut lapsu graviore ruant Возносятся на высоту, чтобы низвергнуться въ болѣе тяжкомъ паденьи.

5) *Относительныя* (Relatives), заключающія какое-нибудь сравненіе и какое-нибудь отношеніе. Какова жизнь, такова и смерть. (То же замѣчаніе, что объ условныхъ).

6) *Ограничительныя* (Discretives), выражающія ограниченія словами: *но, впрочемъ, однако,* и подобными. Fortuna opes auferre, non animum potest. Судьба можетъ лишить имущества, но не духа.

Ко второму порядку относятся слѣдующія:

1) *Исключительныя* (Exclusives), отмѣчающія, что какое-нибудь сказуемое приличествуетъ какому-нибудь подлежащему, и

только ему одному. Quos dederis solos semper habebis opes. Только тѣ богатства никогда не погибаютъ, которыя раздаются.

1) *Изъемлющія* (Exceptives), въ которыхъ нѣчто утверждается вообще, за исключеніемъ кого-нибудь, или чего-нибудь. Et miser nemo, nisi comparatus. Никто не бѣденъ, развѣ только сравнительно.

3) *Сравнительныя* (Comparatives), въ которыхъ заключаются сравненія одной вещи съ другою и, слѣдовательно, два утвержденія, простое и — степени. Amicum perdere est damnorum maximum Потеря друга — величайшая изъ всѣхъ потерь

4) *Начинательныя* и *окончательныя* (Inceptives ou Desitives), въ которыхъ утверждается, что вещь *начала,* или *перестала,* быть чѣмъ-нибудь, — слѣдовательно, скрытно и то, чѣмъ не была раньше, или была прежде, та же вещь. „Латинскій языкъ пересталъ быть въ Италіи народнымъ за 500 лѣтъ до настоящаго времени".

(3) Всѣ предложенія, указываемыя Логикою Поръ-Рояля (за исключеніемъ условныхъ и относительныхъ), разлагаются на два, и болѣе, утвержденія или отрицанія. Изъ нихъ мы остановимся только на соединительныхъ (copulatives) и раздѣлительныхъ (disjunctives), — на послѣднихъ вслѣдствіе того, что разложеніе ихъ позднѣе выдавалось за реальное умозаключеніе, или силлогизмъ.

Соединительныя предложенія обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ нихъ часто, рядомъ съ ясно отмѣченными утвержденіями, бываютъ скрытныя утвержденія сосуществованія и преемства. Такимъ образомъ, въ предложеніи соединительномъ, которое было предметомъ нашего разбора: „желѣзо, мѣдь и т. д.", — кромѣ указанныхъ нами, ясно выраженныхъ двѣнадцати реальныхъ утвержденій, есть большое количество скрытныхъ утвержденій *сосуществованія* трехъ вещей въ каждой изъ четырехъ вещей: сосуществованія въ *желѣзѣ* — признаковъ *изобилія* и *дешевизны,— изобилія* и *пользы, — дешевизны* и *пользы;* сосуществованія въ *мѣди — признаковъ изобилія* и *дешевизны,* — и т. д., — что̀ можетъ быть передано соотвѣтственнымъ количествомъ реальныхъ предложеній сосуществованія двухъ признаковъ въ наружной формѣ умозаключеній:

Слѣдовательно: „Въ желѣзѣ изобиліе соединено съ дешевизной".

„Въ желѣзѣ дешевизна соединена съ пользою";

и т. д. —

Примѣромъ скрытнаго утвержденія преемства Бэнъ представляетъ слѣдующее предложеніе: „Англія вела частыя войны, и пріобрѣла владѣнія за границею“. — Это предложеніе утверждаетъ: 1) „Англія вела частыя войны“; 2) „Англія пріобрѣла владѣнія за границею“; кромѣ того, соединеніемъ этихъ утвержденій выражаетъ, 3) что „второй фактъ былъ послѣдствіемъ перваго“.

Отъ *разложенія* даннаго предложенія надобно отличать раскрытіе его *содержанія*, или *соозначенія* (connotation) его *сказуемаго*. Предложеніе: „Сократъ человѣкъ“, можетъ быть раскрыто по соозначенію сказуемаго „человѣкъ“ такимъ образомъ:

Слѣдовательно: Сократъ есть существо живое.
Сократъ есть существо чувствующее
Сократъ есть существо разумное.
И т. д. —

Нѣкоторые писатели учатъ о *раздѣлительныхъ силлогизмахъ*. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, это — не силлогизмы, а раскрытіе смысла раздѣлительныхъ предложеній, посредствомъ ихъ разложенія и указанія на факты. Разложеніе раздѣлительныхъ предложеній не представляетъ никакихъ существенныхъ разницъ съ разложеніемъ другихъ сложныхъ предложеній. На этомъ настаиваютъ *Д. С. Миллъ* и *Бэнъ*. Раздѣлительныя предложенія разлагаются на нѣсколько условныхъ. Предложеніе: А есть или В или С, разлагается на два: 1) Если А не есть В, то есть С; и 2) Если А есть В, то не есть С. — *Бэнъ:* Пусть будетъ дано предложеніе: „Чувства бываютъ или пріятны, или непріятны, или безразличны“. Смыслъ этого раздѣлительнаго предложенія заключается въ условныхъ предложеніяхъ: 1) „Если (чувства) не бываютъ пріятны, то бываютъ или непріятны, или безразличны“; 2) „Если не бываютъ непріятны, то бываютъ или пріятны, или безразличны; 3) „Если не бываютъ безразличны, то бываютъ или пріятны, или непріятны“; и т. д. Каждое изъ этимъ условныхъ предложеній, связанное раздѣлительнымъ союзомъ *слѣдовательно,* придаетъ разложенію послѣдняго наружный видъ умозаключенія.

4. *Замѣщеніе* (Substitutio). Пусть будетъ дано слѣдующее предложеніе: „Эта вещь перевѣшиваетъ ту“. Мы можемъ истолковать смыслъ этого предложенія другимъ, *равнозначащимъ:* „эта вещь тяжелѣе той“. Истолкованію посредствомъ равнозначащаго предложенія можно придать наружный видъ умозаключенія: „эта вещь перевѣшиваетъ ту; слѣдовательно, эта вещь тяжелѣе той“ *(Бэнъ).*

Постановка, на мѣсто даннаго предложенія, другого, равнозначащаго, способнаго содѣйствовать раскрытію смысла даннаго предложенія, и называется *замѣщеніемъ* даннаго предложенія другимъ, или другими.

Замѣщеніе даннаго предложенія другимъ, безъ измѣненія *качества* и *предѣловъ* перваго, объясняется тѣмъ, что однѣ и тѣ же вещи имѣютъ много именъ, и слѣдовательно, реальный смыслъ предложенія можетъ сохраняться при замѣнѣ, въ данномъ предложеніи, одного имени другимъ, и имени предложеніемъ. А вызывается такое замѣщеніе обыкновенно тѣмъ, что различныя имена и выраженія тѣхъ же вещей не одинаково привычны и понятны слушателямъ или читателямъ.

Ученіе о предложеніяхъ равнозначащихъ (Aequivalentes, Synonymous) встрѣчается у немногихъ писателей, какъ *Вольфъ, Бэнъ, С. Джевонсъ, Вундтъ,* и получило въ послѣднее время интересъ главнымъ образомъ въ виду ученія *Буля* и его послѣдователей о *логическихъ уравненіяхъ.*

Не трудно дозакать всю важность этого ученія, обративши вниманіе на нѣкоторыя виды замѣщенія даннаго предложенія другими.

(1) Предложеніе съ именами *конкретными,* т. е. именами *вещей* или *явленій,* можетъ быть замѣщено предложеніемъ съ именами *отвлеченными,* т. е. именами *свойствъ;* и наоборотъ. „Нельзя вообразить, говоритъ Милль, предложенія выраженнаго отвлеченными именами, которое не могло бы быть преобразовано въ совершенно

равнозначащее съ именами конкретными". Предложеніе: „Безразсудство опасно" равнозначаще предложенію: „Безразсудныя дѣйствія опасны". Предложеніе: „Храбрость достойна почета„ равнозначаще предложенію: „Храбрые люди достойны почета за свою храбрость".

(2) Предложеніе состоящее изъ именъ, можетъ быть замѣщено предложеніемъ, которое само состоитъ изъ предложеній. и наоборотъ. „Любовь сопровождается согласіемъ" равнозначаще: „Гдѣ любовь, тамъ и совѣтъ (согласіе). „День сопровождается ночью" равнозначаще: „Будетъ день, будетъ и ночь"; или: Если будетъ день, то будетъ и ночь".

Обѣ приведенныя пословицы, „по Логикѣ Поръ-Рояля. должны бы быть отнесены къ предложеніямъ сложнымъ, — первая къ относительнымъ, вторая — къ условнымъ. Между тѣмъ, равнозначащія имъ показываютъ, что каждая изъ нихъ заключаетъ только одно утвержденіе· первая — сосуществованія, вторая — преемства; слѣд., съ строго логической точки зрѣнія, эти пословицы, какъ и всѣ относительныя и условныя предложенія, должны быть отнесены къ *простымъ*, — по крайней мѣрѣ всѣ условныя, съ которыми имѣетъ дѣло теорія силлогизма. Предложенія, не имѣющія формы условныхъ, и не разлагающіяся на условныя (какъ всѣ раздѣлительныя), называются *категорическими*. Изъ преобразованія условныхъ предложеній въ категорическія, и категорическихъ въ условныя, ясно видно, что между тѣми и другими реальными предложеніями нѣтъ никакой разницы по смыслу. Всякое реальное предложеніе есть категорическое, — слѣдовательно, всякое доказанное научное предложеніе можетъ быть преобразовано въ условное. Категорическая истина геометріи: „Во всякомъ треугольникѣ противъ равныхъ сторонъ лежатъ равные углы", преобразуется въ равнозначащую условную: „Если въ треугольникѣ стороны равны, то и противолежащіе имъ углы также равны". Категорическая истина психологіи: „Съ чувствомъ гнѣва связывается недоброжелательство", можетъ быть преобразована въ слѣдующую условную: „Если есть гнѣвъ, то есть и недоброжелательство". — Изъ этого, далѣе, слѣдуетъ, что теорія силлогизма состоящаго изъ категорическихъ предложеній, обнимаетъ и умозаключенія съ посылками условными, какъ разнозначащими категорическимъ, —

а затѣмъ и съ посылками раздѣлительными, какъ разложимыми на условныя. Всё что отличаетъ работу надъ предложеніями условными и раздѣлительными, отличную отъ категорическихъ умозаключеній, состоитъ въ преобразованіи условныхъ предложеній въ категорическія, и въ разложеніи раздѣлительныхъ предложеній на условныя. Но эта работа есть простое раскрытіе смысла данныхъ условныхъ и раздѣлительныхъ предложеній, и не заключаетъ въ себѣ никакого реальнаго умозаключенія, — слѣд. ничего, что бы давало право создавать особую теорію силлогизмовъ условныхъ и раздѣлительныхъ, рядомъ съ категорическими.

(3) Предложенія возможности, невозможности, необходимости, вѣроятности и невѣроятности, могутъ быть замѣщены предложеніями различнаго количества, — общими или частными.

„Это можетъ быть“: — „Это иногда бываетъ“.

„Этого можетъ не быть“: — „Этого иногда не бываетъ“.

„Этого не можетъ быть“: — „Этого никогда не бываетъ“.

„Этого не можетъ не быть“: — „Это всегда бываетъ“.

„Это вѣроятно будетъ“: — „Это весьма часто бываетъ“; или: Это чаще бываетъ, чѣмъ не бываетъ.

„Этого вѣроятно не будетъ“. — „Этого весьма часто не бываетъ; или: „Это чаще не бываетъ, чѣмъ бываетъ“.

„Это необходимо будетъ“: — „Это всегда бываетъ“.

„Это должно быть“: — „Это всегда бываетъ“.

Предложенія возможности и необходимости названы *модальными:* предложенія, не касающіяся ни той ни другой, — *простыми* или *немодальными. Кантъ* назвалъ предложенія возможности *проблематическими,* предложенія необходимости — *аподиктическими,* а предложенія немодальныя — *ассерторическими.*

Ясно, что предложенія возможности, вѣроятности и невѣроятности (проблематическія) равны *частнымъ,* — частно-утвердительнымъ и частно-отрицательнымъ; а предложенія *невозможности* и *необходимости* (аподиктическія) равнозначащи *общимъ,* — обще-утвердительнымъ (необходимость) и обще-отрицательнымъ (невозможность).

Само собою разумѣется, что замѣщенію даннаго предложенія модальнымъ можно сообщить видъ дедукціи. Напр.

Это иногда бываетъ. Слѣд. это можетъ быть.

Этого иногда не бываетъ. Слѣд. этого можетъ и не быть.

Это всегда бываетъ. Слѣд. это должно быть; или, это непремѣнно будетъ.

И т. д.

5. *Превращеніе* (Obversio, Umwandlung), называемое также *противоположеніемъ* (oppositio). — Пусть будетъ дано слѣдующее предложеніе: „Всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества“ (Менделѣевъ). Въ объясненіе смысла этого предложенія мы можемъ сказать: это значитъ, что „нѣтъ такихъ химическихъ явленій, которыя бы не сопровождались выдѣленіемъ электричества“.

1) Всѣ согласятся съ вѣрностью такого объясненія, а нѣкоторые, можетъ быть, даже не вдругъ замѣтятъ, въ чемъ разница обоихъ предложеній. Между тѣмъ разница есть. Первое предложеніе *утвердительное*, второе — *отрицательное*. Притомъ, во второмъ отрицается не что иное, какъ *отрицаніе* перваго предложенія.

Отрицаніе перваго предложенія: „Никакія химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества“.

Отрицаніе этого отрицанія: „Нѣтъ такихъ химическихъ явленій, которыя бы не сопровождались выдѣленіемъ электричества“.

2) Такимъ образомъ, смыслъ даннаго предложенія здѣсь раскрытъ съ помощью противопоставленія, или *противоположенія* (oppositio), данному утвержденію — его отрицанія, и затѣмъ, съ помощью отрицанія этого отрицанія. Такъ какъ отрицаніе даннаго утвержденія получается черезъ превращеніе утвердительнаго положенія въ отрицательное, то раскрытіе смысла даннаго предложенія съ помощью противоположенія называется также раскрытіемъ посредствомъ *превращенія* (obversio, obversion, Umwandlung).

3) Какой же именно смыслъ даннаго предложенія раскрывается путемъ превращенія, или противоположенія? — Припо-

мнимъ, что было раньше замѣчено о свойствѣ логическаго предложенія. „Предложеніе, въ составѣ доказательства“, говоритъ Аристотель, „есть принятіе одной изъ двухъ частей противорѣчія ἡ μεν ἀποδεικτικὴ (πρότασις) λῆψις θατέρου μορίου ἐστὶν). Такъ что всякое логическое предложеніе имѣетъ два смысла: *открытый*, и *скрытый* или *подразумѣваемый*, — принятія одного изъ противорѣчащихъ предложеній, и отверженія, исключенія или отрицанія другого.

Принимающій отрицаніе отвергаетъ или исключаетъ утвержденіе; принимающій утвержденіе отвергаетъ или исключаетъ отрицаніе. Противорѣчащія предложенія исключаютъ другъ друга, или *несовмѣстимы* другъ съ другомъ. Слѣдовательно, *если одно изъ противорѣчащихъ истинно, другое ложно.*

4) Между противорѣчащими предложеніями открыты два порядка: въ однихъ замѣчается *полное* противорѣчіе, — каковы общеутвердительныя относительно общеотрицательныхъ (А и Е), и наоборотъ (Е и А); въ другихъ — *неполное;* каковы общеутвердительныя относительно частно-отрицательныхъ (А и О), и наоборотъ (О и А), — и общеотрицательныя, относительно частно-утвердительныхъ (Е и І), и наоборотъ (І и Е).

Отсюда ясно, что каждое общее предложеніе имѣетъ два отрицательныхъ смысла: *общій* и *частный*. А отрицаетъ Е и О; Е отрицаетъ А и І. Предложеніе (А): „Всѣ химическія явленія сопровождаютсл выдѣленіемъ электричества“ отрицаетъ два слѣдующія:

(Е): „Никакія химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества“.

(О): „Нѣкоторыя химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества“.

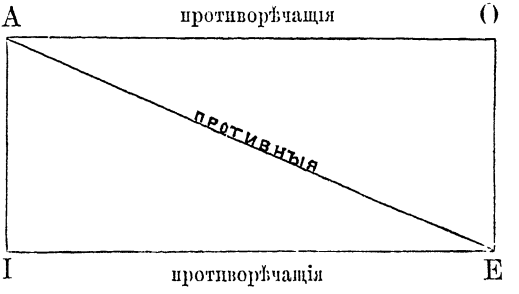
5) Раскрытію смысла даннаго предложенія посредствомъ противоположенія или превращенія можно придавать наружный видъ выводовъ или умозаключеній. Такимъ образомъ, два по-

слѣднія отрицательныя предложенія (E и O) можно связать съ утвердительнымъ (A) такъ:

„Всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества". Слѣдов., „Нѣтъ такихъ химическихъ явленій, которыя бы не сопровождались выдѣленіемъ электричества".

„Всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества". Слѣдовательно, ложно, что „Нѣкоторыя химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества".

(1) Ученіе о *противоположеніи* предложеній развито *Аристотелемъ*, и неизмѣнно сохранялось до нашего времени въ чертахъ, приданныхъ ему этимъ философомъ. Аристотель различилъ уже тѣ два рода противорѣчащихъ предложеній, о которыхъ говорено выше, но сохранилъ названіе противорѣчащихъ (ἀντιφατικῶς ἀντικεῖσθαι,— contradictoriae) за предложеніями неполнаго противорѣчія, между тѣмъ какъ предложенія вполнѣ противорѣчащія назвалъ противными (ἐναντιῶς ἀντικεῖσθαι, — contrariae). Аристотель выражалъ противоположныя предложенія, повидимому въ слѣдующемъ чертежѣ:



Объ этомъ заключаютъ изъ названія противныхъ *діаметрально противоположными*.

(2) *Бэнъ*, обращая вниманіе на то, что названіе противорѣчащихъ Аристотель далъ предложеніямъ *неполнаго* противорѣчія, объясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ. „Аристотель, раздѣляя предложенія, по количеству, на общія и частныя, придавалъ большое значеніе трудности въ установленіи, и легкости въ опроверженіи — предложенія *общаго*, какъ утвердительнаго такъ и отрицательнаго. Задача того, кто утверждаетъ вообще, тяжела: онъ долженъ поручиться за каждый отдѣльный случай; между тѣмъ какъ задача того, кто отрицаетъ, легка: ему достаточно

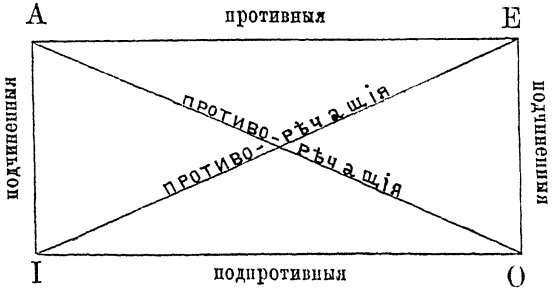
одного противорѣчащаго примѣра. Если бы, для опроверженія общаго предложенія, нужно было устанавливать другое общее, ему противоположное, то ниспроверженіе какого-нибудь невѣрнаго обобщенія представляло бы часто непреодолимыя трудности. Этого однако не требуется: достаточно одного противоположнаго факта... Эта-то *достаточность для опроверженія* и составляетъ важность ограниченнаго противорѣчащаго утвержденія".

Другая важность предложеній, называемыхъ по Аристотелю *противорѣчащими,* заключается въ томъ, что они допускаютъ *обратное* заключеніе, — т. е. отъ ложности одного къ истинности другого, чего не допускаютъ такъ называемыя *противныя*. Если истинно предложеніе: „Всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества", то ложно, что „нѣкоторыя химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества". И наоборотъ: „Если ложно, что „нѣкоторыя химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества", то истинно, что „всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества".—Между тѣмъ, заключая правильно отъ истинности одного изъ противныхъ къ ложности другого, — какъ показано выше, — мы не можемъ поступить наоборотъ, и сказать: Если ложно, что „никакія химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества", то должно быть истинно, что „всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества". Потому что, не зная послѣдней истины, мы могли бы допустить и *средину,* — т. е. что „нѣкоторыя имѣютъ такое сопровожденіе, а другія — нѣтъ".

Слѣдовательно, существенная разница между „противными" и „противорѣчащими" предложеніями состоитъ въ томъ, что первыя, исключая другъ друга, не исключаютъ *средины* между собою, а послѣднія исключаютъ и другъ друга и *средину*.

Различіе между „противными" и „противорѣчащими" предложеніями, приложимое къ общимъ и частнымъ, не приложимо къ *единичнымъ* предложеніямъ, въ которыхъ противоположность всегда бываетъ полною, но не допускающею средины. „Иванъ здѣсь", „Иванъ не здѣсь"; „міръ сотворенъ во времени", „міръ существуетъ отъ вѣчности": „въ такихъ предложеніяхъ, говоритъ Бэнъ, нѣтъ мѣста для средины".

(3) *Аристотель,* державшійся словесно-объективнаго метода обработки предложеній, допускалъ только два указанныхъ рода противоположныхъ предложеній: „противорѣчащія" и „противныя" (contradictoriae и contrariae). Предложенія частно-утвердительныя (I) и частно-отрицательныя (O) „противоположны другъ другу только на словахъ (κατὰ τὴν λέξιν ἀντικεῖσθαι μόνον)". Потому что такія предложенія на дѣлѣ не исключаютъ другъ друга, иначе совмѣстимы, и бываютъ иногда оба истинными. Предложеніе (I) „нѣкоторые люди благоразумны", и предложеніе (O): „нѣкоторые люди не благоразумны" — оба истинны. Что касается до предложеній обще-утвердительныхъ и частно-утвердительныхъ (A и I), и обще-отрицательныхъ и частно отрицательныхъ (E и O), то такія предложенія, вмѣсто того чтобы быть противоположными въ логическомъ смыслѣ слова, или исключать другъ друга, напротивъ, относятся другъ къ другу какъ *подчиняющія* (subalternantes) и *подчиненныя* (subalternae). Тѣмъ не менѣе, предложенія частно-утвердительныя и частно-отрицательныя (I и O), подъ именемъ подпротивныхъ (subcontrariae), и предложенія *подчиненныя* (subalternae) внесены были позднѣйшими любителями симметрическихъ чертежей въ „прямоугольникъ противоположенія", который, поэтому, представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ:



Чтобы оправдать введеніе, въ ученіе о противоположныхъ предложеніяхъ, ненужныхъ элементовъ, отыскапы свои правила для раскрытія смысла послѣднихъ, или, какъ иначе выражаются, для заключеній изъ нихъ, — которыя, вмѣстѣ съ правилами относительно реально противоположныхъ предложеній, сводятся къ слѣдующему:

I. Два противорѣчащія (contradictoriae) предложенія не могутъ

быть вмѣстѣ ни истинными, ни ложными. Если одно истинно, то другое ложно; и наоборотъ.

II. Два противныя (contrariae) не могутъ быть вмѣстѣ истинными; но оба могутъ быть ложными.

III. Подпротивныя (subcontrariae) могутъ быть вмѣстѣ истинными; но не могутъ быть оба ложными.

IV. Что касается подчиненныхъ (subalternae) и подчиняющихъ, то истинность послѣднихъ ведетъ за собою истинность первыхъ, но не наоборотъ; и ложность первыхъ ведетъ за собою ложность послѣднихъ, но не наоборотъ.

(4) Въ русской логической литературѣ, раскрытіе смысла утвердительныхъ предложеній черезъ отрицательныя, и отрицательныхъ черезъ утвердительныя, всегда сводилось къ „противоположенію“ (oppositio) предложеній. Называя противоположеніе *превращеніемъ* (obversio, Umwandlung), мы отступили отъ привычнаго русскимъ писателямъ словоупотребленія, — такъ какъ *превращеніемъ* они называютъ обыкновенно *conversio, conversion, Umkehrung*. Причины отступленія мы объяснимъ вслѣдъ за этимъ.

Ученіе о предложеніяхъ „противныхъ“ и „противорѣчащихъ“ отчетливо излагается у *Лодія, Новицкаго, Карпова, Свѣтилина*, и сбивчиво у *Владиславлева* и *Струве*. Ученіе о „подпротивныхъ“ и „подчиненныхъ“ принимается русскими логиками. При этомъ, у нѣкоторыхъ замѣтно смѣшеніе „умозаключеній subalternationis“ съ дедукціями, или точнѣе съ энтимемами. Примѣры подчиненія у *Рождественскаго:* „Всѣ А суть В; слѣд. и нѣкоторыя А суть В“. „Всѣ люди получили жизнь отъ Бога; слѣд. и язычники получаютъ жизнь отъ Бога“. Первый примѣръ есть примѣръ подчиненія (subalternationis); второй — энтимемы. Замѣняя выраженіе „нѣкоторые люди“, словомъ „язычники“, Рождественскій ввелъ *третій* терминъ, — что̀ отличаетъ дедукцію отъ „непосредственныхъ“ заключеній или раскрытія смысла даннаго предложенія.

(5) Ученіе о *противорѣчіи* и объ *отрицаніи отрицанія* могло бы служить исходною точкою ученія о такъ-называемыхъ „формальныхъ началахъ или законахъ мышленія“. Слѣдуя своему взгляду на составъ Логики и потребности изложенія теоріи дедукціи, мы отнесли это ученіе ко второй части нашего учебника; но для ясности послѣдующаго изложенія нѣкоторыхъ

теорій другихъ авторовъ, мы сдѣлаемъ объ нихъ нѣсколько краткихъ замѣчаній. Эти начала, названныя у Бэна началами логической *состоятельности* (consistency), излагаются обыкновенно въ числѣ трехъ, — какъ начало *тожества*, начало *противорѣчія* и начало *исключеннаго третьяго* или *средняго*. Начало тожества формируютъ такъ: „А есть А“; или: „Вещь есть вещь“. Начало противорѣчія (или скорѣе — какъ замѣтилъ Гэмильтонъ — непротиворѣчія) выражаютъ такимъ образомъ: „А не есть не А“; или: „А не можетъ быть не А“; „Невозможно чтобы вещь не была вещью“. Началу исключеннаго средняго даютъ такую формулу: „А или есть или не есть В“. Послѣднее изъ этихъ трехъ началъ, формулированныхъ такимъ образомъ, будетъ исключеніемъ средины между противорѣчащими предложеніями; второе — обобщеніемъ отрицанія отрицанія; первое эквивалентно второму.

6. *Обращеніе* (Conversio. Reciprocatio. Conversion, Umkehrung). Пусть будетъ дано слѣдующее предложеніе: „Никакой кругъ не есть квадратъ“. Мы можемъ истолковать смыслъ этого предложенія другимъ: „Никакой квадратъ не есть кругъ“.

1) Второе предложеніе, раскрывающее смыслъ перваго, сохраняетъ его термины, качество и количество, отличаясь отъ него только мѣстомъ терминовъ, — такъ какъ, во второмъ, подлежащее даннаго предложенія сдѣлано сказуемымъ, а сказуемое подлежащимъ.

Перестановка терминовъ даннаго предложенія съ своего мѣста на другое, дающая происхожденіе новому предложенію, и есть то, что называется *обращеніемъ* даннаго предложенія. Новое предложеніе, получаемое чрезъ перестановку терминовъ даннаго предложенія, называется *обратнымъ* (conversa) ему; предложеніе подвергающееся обращенію, называется *обращаемымъ*, а предложеніе допускающее обращеніе, *обратимымъ* (convertibilis, umkehrbar).

2) Спрашивается: какой смыслъ даннаго предложенія ра-

скрывается „обращеніемъ“ его? Это мы поймемъ, припоминая опредѣленіе реальнаго предложенія. Каждое реальное, или въ строгомъ смыслѣ логическое предложеніе, есть утвержденіе или отрицаніе какого-нибудь *отношенія*. Всякое отношеніе *взаимно* или *обоюдно*. Ставя А въ отношеніе къ В, мы въ то же самое время ставимъ и В въ отношеніе къ А. Эта-то *обоюдность* или *взаимность* (reciprocatio), скрытно устанавливаемая въ каждомъ данномъ предложеніи, и раскрывается его „обращеніемъ“.

3) *Обоюдность* или *взаимность*, устанавливаемая предложеніями, различается, во-первыхъ, по ихъ качеству, какъ *положительная* и *отрицательная*, и во-вторыхъ, по степени, какъ *полная* и *неполная*.

Всѣ утвержденія *сближаютъ*, или *соединяютъ*, *связываютъ* вещи, и слѣдовательно устанавливаютъ между ними взаимность *близости*, *единства*, *связи*. Всѣ отрицанія *отдѣляютъ*, *разъединяютъ*, *раздѣляютъ* вещи, и слѣдовательно устанавливаютъ между ними взаимность *отдаленности*, *разъединенности*, *раздѣленія*.

Отрицательное предложеніе: „Никакой кругъ не есть квадратъ“, отдѣляетъ кругъ отъ квадрата, и тѣмъ же самымъ актомъ отдѣляетъ квадратъ отъ круга. Это скрытное отдѣленіе квадрата отъ круга, заключающееся въ данномъ предложеніи, и раскрывается обратнымъ ему: „Никакой квадратъ не есть кругъ“.

5) *Полная* взаимность открывается обращеніемъ даннаго предложенія, безъ перемѣны его *количества*; *неполная* — обращеніемъ съ *измѣненіемъ* количества.

Всѣ предложенія *общеотрицательныя* обратимы безъ перемѣны количества. Поэтому, обратными общеотрицательныхъ предложеній раскрывается полная взаимность устанавливаемыхъ ими отрицательныхъ отношеній. Такъ какъ отношеніе общеотрицательныхъ предложеній не измѣняетъ не только количества, но и качества ихъ, то оно представляетъ собою самый

простой видъ обращенія предложеній (conversio simplex). Поэтому-то, примѣромъ обращенія предложеній мы поставили именно обращеніе общеотрицательнаго предложенія: „Никакой кругъ не есть квадратъ;“ „Никакой квадратъ не есть кругъ“.

Всѣ реальныя общеутвердительныя предложенія допускаютъ двоякаго рода обращеніе: безъ перемѣны количества, но съ измѣненіемъ качества (conversio per negationem, sev conversio cum obversione); и безъ перемѣны качества, но съ измѣненіемъ количества (conversio per limitationem). Слѣдовательно, обращеніе общеутвердительныхъ предложеній раскрываетъ *полную отрицательную,* и *неполную положительную* взаимность устанавливаемыхъ ими отношеній.

Примѣръ обращенія общеутвердительныхъ (A) per negationem:

„Всѣ металлы суть тѣла простыя“. Обратное (отрицательное):

„Всѣ непростыя тѣла не суть металлы“.

Ясно, что этому обращенію предшествуетъ превращеніе, — что можно выразить слѣдующими предложеніями:

Данное: „Всѣ металлы суть тѣла простыя“.

Противное: „Всѣ металлы не суть тѣла простыя“.

Исключеніе противорѣчія: „Всѣ металлы не суть тѣла непростыя“.

Обратное: „Всѣ непростыя тѣла не суть металлы“.

Примѣръ обращенія общеутвердительнаго per limitationem:

Данное: „Всѣ металлы суть тѣла простыя“.

Обратное (ограниченное): „*Нѣкоторыя* простыя тѣла суть металлы“.

Здѣсь, при обращеніи, сохранено качество, но измѣнено количество: общеутвердительное (A) преобразовано въ *частноутвердительное* (I).

5) Очевидно, что всякому обращенію предложенія, раскрывающему взаимность устанавливаемаго имъ отношенія, можно дать наружный видъ дедукціи:

„Никакой кругъ не есть квадратъ".
Слѣдов. „Никакой квадратъ не есть кругъ".
„Всѣ металлы суть тѣла простыя".
Слѣдов. „Всѣ непростыя тѣла не суть металлы".
Слѣдов. „Нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы".

(1) Ограниченность положительной взаимности, устанавливаемой общеутвердительными реальными предложеніями, часто забывается, — что̀ подаетъ поводъ къ обратнымъ предложеніямъ, не отвѣчающимъ смыслу данныхъ. Ложность обращенія общеутвердительныхъ предложеній, безъ ограниченія ихъ количества, *Бэнъ* объясняетъ слѣдующими примѣрами. „Всѣ протестанты пользуются правомъ личнаго сужденія" (въ дѣлахъ вѣры); но то же дѣлаютъ и многія другія лица. Поэтому, мы не можемъ сказать, что всякій пользующійся правомъ личнаго сужденія, есть протестантъ. „Всѣ прекрасныя вещи пріятны"; но прекрасныя вещи не исчерпываютъ всего что пріятно; пріятныхъ вещей больше чѣмъ прекрасныхъ. „Всякая добродѣтель ведетъ къ счастію человѣчества"; но изъ этого не вытекаетъ, что всякое дѣйствіе ведущее къ счастью человѣчества добродѣтельно.

Относительно обращенія общеутвердительныхъ предложеній, нѣкоторые писатели, напр. *Поль, Жанэ, Ліяръ,* допускаютъ исключеніе, которое находятъ въ такъ-называемыхъ *опредѣленіяхъ*. Предложеніе: „Человѣкъ есть животное разумное", можно обратить, по словамъ Жанэ, въ предложеніе: „Всякое разумное животное есть человѣкъ". – Подобное обращеніе, примѣнимое къ предложеніямъ словеснымъ, выражающимъ отношеніе между одними понятіями или значеніями словъ, не приложимо къ сужденіямъ реальнымъ, о которыхъ идетъ дѣло въ теоріи раскрытія смысла даннаго предложенія. Опредѣленія суть предложенія словесныя, и допускаемое ими обращеніе безъ измѣненія количества Логика *Поръ-Рояля* давно, и справедливо, отмѣтила какъ *мнимое*. Въ при-

мѣрѣ обращенія Поля Жанэ нѣтъ реальнаго обращенія; потому что въ опредѣленіяхъ есть только одинъ реальный терминъ подъ различными именаии. „Животное разумное" и „человѣкъ" два имени той же вещи. Переставляя одно на мѣсто другого, мы переставляемъ имена одной и той же вещи, составляющей реальное подлежащее и сказуемое этого предложенія. Слѣдовательно, обращеніе опредѣленій не реально.

(2) Имѣя въ виду разницу между обращеніемъ опредѣленій и другихъ предложеній, *В. Гэмильтонъ* сдѣлалъ опытъ введенія въ Логику предложеній съ указаніемъ количества ихъ сказуемаго. Такимъ образомъ:

Предложеніе: „Всѣ металлы суть *нѣкоторыя* простыя тѣла" указываетъ на количество не только подлежащаго (всѣ), но и сказуемаго (нѣкоторыя). Указаніе въ предложеніи на количество сказуемаго называется *квантификаціею сказуемаго.*

Д. С. Милль, не отрицая значенія квантификаціи сказуемаго, въ цѣляхъ обращенія предложеній, или раскрытія ихъ смысла, справедливо замѣчаетъ, однако, что квантификація сказуемаго во всѣхъ предложеніяхъ существенно измѣнила бы взглядъ на смыслъ предложеній, такъ какъ указывала бы прежде всего на *объемъ* сказуемаго, между тѣмъ какъ сказуемое играетъ въ предложеніи роль не своимъ объемомъ, — какъ подлежащее, — а своимъ *содержаніемъ.*

(3) Въ логикахъ, изучающихъ обращеніе предложеній на „прямоугольникѣ" ихъ превращенія, — въ параллель превращенію частныхъ предложеній, излагаютъ теорію ихъ обращенія, — хотя сомнительность обращенія однихъ (I), и невозможность обращенія другяхъ (O) можетъ быть поставлена внѣ спора. Начнемъ съ *частно-утвердительныхъ* (I). Обращеніе ихъ совершенно отожествляется съ обращеніемъ общеотрицательныхъ (E), иначе выдается за простое (conversio simplex). Многіе примѣры и подтверждаютъ это:

„Нѣкоторые мореплаватели суть англичане"

Обратное: „Нѣкоторые англичане суть мореплаватели" (Мильнсъ).

Но всѣ частныя (I), получаемыя чрезъ обращеніе общеутвердительныхъ (A), очевидно, не допускаютъ такого обращенія.

„Всѣ металлы суть тѣла простыя“.
Обратное: „Нѣкоторые простыя тѣла суть металлы“.

Попробуйте обратить это частное черезъ conversio simplex; получимъ:

„*Нѣкоторыя* металлы суть простыя тѣла“. Это обратное, очевидно, ложно. Потому что вѣрно предложеніе: „*Всѣ* металлы суть простыя тѣла“.

(4) Перейдемъ къ частно-отрицательному (O).

„Нѣкоторые люди не англичане“.
Обратное: „нѣкоторые англичане не люди“, — предложеніе ложное.

Поэтому *Аристотель* и Логика *Поръ-Рояля* отрицаютъ обращеніе такихъ предложеній. Между тѣмъ сдѣлана попытка обратить ихъ путемъ превращенія (per contrapositionem), — что̀ даетъ нашему предложенію слѣдующій видъ:

„Нѣкоторыя существа, которыя не суть англичане, суть люди“.

Но, какъ справедливо замѣтилъ *Миллъ,* при такомъ обращеніи, измѣняется не только качество, но и одинъ изъ терминовъ, — что̀ противно задачѣ раскрытія предложенія, — раскрытія, не выступающаго изъ *предѣловъ,* или терминовъ, *даннаго* предложенія.

(5) Послѣ всего изложеннаго можетъ быть понятно, почему мы терминъ *conversio* переводимъ словомъ *обращеніе.* Это приводитъ насъ въ согласіе съ литературою иностранною, гдѣ conversio означаетъ *обращеніе* (Umkehrung), а не *превращеніе* (Umwandlung), для котораго Бэнъ употребляетъ терминъ *obversion,* (obversio). Только, при такомъ переводѣ conversio и можно говорить о получаемыхъ отъ такого пребразованія предложеніяхъ, какъ предложеніяхъ *обратныхъ* (conversae). Это будетъ въ согласіи съ употребляемымъ

русскими математиками терминомъ: *обратимыя* предложенія. Притомъ нашъ переводъ conversio не есть совершенная новость въ нашей литературѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ такъ и переводился; это мы тидимъ въ логикѣ *Іодія*, и въ переводахъ логики Гетчесона *Эттерема*, и логики Баумейстера *Толмачевымъ*. Только съ сороковыхъ годовъ, начиная съ *Нащенко*, *Рождественскаго* и *Новицкаго*, мы видимъ уже другой переводъ, — словомъ *превращеніе*, — который донынѣ сохранялся у всѣхъ русскихъ логиковъ, включая *Карпова*, *Свѣтилина*, *Владиславлева* и *Струве*.

ГЛАВА VII.

Силлогизмъ.

1. *Силлогизмъ* есть дедуктивное умозаключеніе, т. е. заключеніе отъ общаго къ частному, — выраженное послѣдовательностью трехъ предложеній.

Слѣдующее умозаключеніе будетъ силлогизмомъ:

Всѣ жидкости упруги;
Ртуть есть жидкость;
Слѣд. ртуть упруга.

Потому что, во-первыхъ, это умозаключеніе есть дедукція, или заключеніе отъ общаго къ частному, — отъ упругости всѣхъ тѣхъ къ упругости ртути; — и во-вторыхъ, оно выражено тремя послѣдовательными предложеніями.

1) Силлогизмъ есть, прежде всего, дедукція, — заключеніе отъ общаго къ частному; слѣдовательно, представляетъ противоположность другому умозаключенію, — отъ частнаго къ общему, — называемому *индукціею,* наведеніемъ. Но этой черты, — какъ замѣчено было раньше, — недостаточно для опредѣленія силлогизма. Дедуктивныя умозаключенія могутъ быть и въ другой формѣ, несиллогистической. Дедукція можетъ быть выражена двумя и даже однимъ предложеніемъ. Представленную дедукцію мы можемъ передать и такъ:

(1) Всѣ жидкости упруги;
Слѣдов. и ртуть.
(2) Ртуть есть жидкость;
Слѣдов. упруга.
(3) Ртуть, какъ жидкость, упруга.

Дедукція въ этихъ случаяхъ та же, что и прежде, но силлогизма здѣсь нѣтъ; потому что нѣтъ *полнаго* выраженія его въ *трехъ* предложеніяхъ. Одно или даже два предложенія только имѣются *въ умѣ* (ἐν θυμῷ); почему дедукціи въ этихъ *неполныхъ* формахъ называются *энтимемами.*

2) Заключать отъ общаго къ частному, и выводить частное изъ общаго — выраженія тожественныя. Три предложенія силлогизма различаются между собою тѣмъ, что одно содержитъ въ себѣ выводимое *частное;* другое — то *общее,* изъ чего выводится частное; а третье — *переходъ* отъ общаго къ частному, или отъ частнаго къ общему. Первое называется *слѣдствіемъ* (consequentia) или, также какъ и самый процессъ, *заключеніемъ* (conclusio); второе — *основаніемъ, началомъ;* третье — *среднимъ, промежуточнымъ,* — т. е. соединяющимъ основаніе со слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, въ данномъ примѣрѣ силлогизма:

(Слѣд.) Ртуть упруга — слѣдствіе;
Всѣ жидкости упруги — основаніе;
Ртуть есть жидкость — среднее предложеніе.

Основаніе называется также *бо́льшимъ* предложеніемъ (propositio major), а среднее — *меньшимъ* предложеніемъ (propositio minor). Большее и меньшее предложенія, какъ основаніе слѣдствія и переходъ къ нему, называются также предложеніями *предпосланными* (propositiones praemissae) слѣдствію, — короче, *предпосылками* или *посылками.*

3) Умозаключающій силлогистически не изобрѣтаетъ *основаній,* или *началъ,* а имѣетъ ихъ *данными,* или находитъ ихъ въ своемъ запасѣ общихъ предложеній. Трудъ силлогизаціи заключается въ пріисканіи готовыхъ началъ, пригодныхъ для вывода, — т. е. доказательства, объясненія или предсказанія, — *даннаго* или указаннаго частнаго, и въ подведеніи послѣдняго подъ найденное начало.

4) Въ трехъ предложеніяхъ силлогизма содержатся только три термина, такъ какъ каждый изъ нихъ повторяется два раза въ трехъ предложеніяхъ. Подлежащее заключенія повторяется въ среднемъ предложеніи, или меньшей посылкѣ; сказуемое — въ большей; и наконецъ, одинъ терминъ, чуждый заключенію, встрѣчается въ обѣихъ посылкахъ. Подлежащее заключенія (S) называется терминомъ *меньшимъ;* сказуемое его же (P) — терминомъ *бо́льшимъ;* терминъ находимый только въ посылкахъ, какъ связь двухъ другихъ, называется *среднимъ.* Такимъ образомъ въ представленномъ примѣрѣ:

Ртуть — меньшій терминъ;
Упругій — большій терминъ;
Жидкость — средній.

5) Всѣ предложенія силлогизма, выраженныя равнозначащими, измѣняютъ словесное выраженіе дедукціи, но не измѣняютъ ни въ чемъ самой дедукціи, или оставляютъ силлогизмъ тѣмъ же самымъ. Представленный нами примѣръ силлогизма можетъ быть переданъ въ предложеніяхъ *относительныхъ, условныхъ, модальныхъ;* и т. д. Напр.:

(1) Все что обладаетъ свойствами жидкости, обладаетъ и свойствомъ упругости.

Ртуть обладаетъ свойствами жидкости;

Слѣд. ртуть обладаетъ и свойствомъ упругости.

(2) Всюду гдѣ есть свойства жидкости, есть также и свойство упругости.

Въ ртути мы находимъ свойства жидкости.

Слѣд. въ ртути мы должны найти и свойство упругости.

(3) Если вещь обладаетъ свойствами жидкости, то обладаетъ и свойствомъ упругости.

Ртуть обладаетъ свойствами жидкости.

Слѣд. ртуть должна обладать и свойствомъ упругости.

И т. д.

6) Мы привели примѣръ силлогизма съ предложеніями *сосуществованія*. Вотъ силлогизмы *преемства*, предваряемые энтименами.

Энтимемы:

(1) „Это тѣло, лишенное поддержки, упало".

(2) „Тѣла, лишенныя поддержки падаютъ:

Поэтому, это тѣло упало".

(3) „Это тѣло было лишено поддержки;

Поэтому, упало".

Силлогизмы:

(1) „Всѣ тѣла, лишенныя поддержки, падаютъ.
Это тѣло было лишено поддержки:
Поэтому, упало".

(2) „Когда тѣла лишаются поддержки, то падаютъ.
Это тѣло было лишено поддержки;
Поэтому, упало".

(3) „Если тѣла лишаются поддержки, то они падаютъ.
Это тѣло лишилось поддержки;
Поэтому упало".
Или: должно упасть,
Или: упадетъ.

7) Слѣдуетъ еще замѣтить, что порядокъ предложеній, — если дедукція выражается силлогистически,—въ обыкновенной рѣчи можетъ быть иной, нисколько не вредя правильности силлогизма. Напр.:

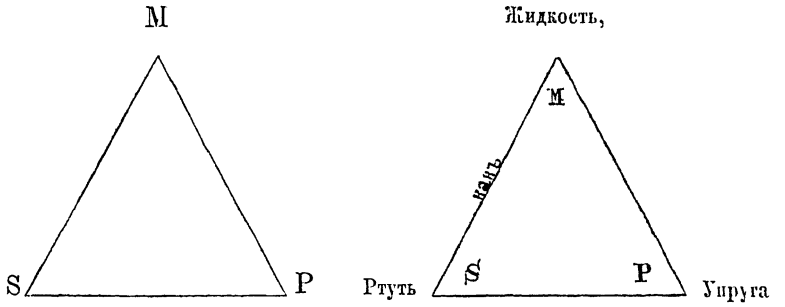
Ртуть упруга; потому что
Ртуть есть жидкость; а
Всѣ жидкости упруги.

Здѣсь, слѣдствіе стоитъ первымъ, за нимъ меньшая посылка, и въ концѣ бо́льшая. Можно и такъ:

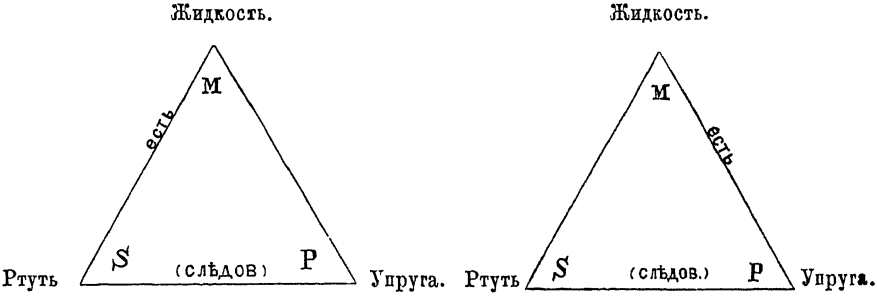
Ртуть есть жидкость;
А всѣ жидкости упруги;
Поэтому, ртуть упруга.

Здѣсь, слѣдствіе на своемъ мѣстѣ, но меньшая посылка поставлена первою, а большая — второю.

(1) Одинъ изъ лучшихъ представителей нашей логической литературы, *Новицкій,* считаетъ „педантизмомъ“ названіе представленныхъ нами сжатыхъ формъ дедуктивнаго умозаключенія „энтимемами“, или „сокращеніями“, „какъ будто мыслящій при этомъ что-нибудь умалчиваетъ или удерживаетъ въ душѣ (ἐν θυμῶ); потому что“ — продолжаетъ онъ — „ на самомъ дѣлѣ мысль не вдается въ такія околичности, и всего менѣе слѣдуетъ той растянутой силлогистической формѣ, въ которой логики развертываютъ посредственное (косвенное) умозаключеніе“, т. е. дедукцію. Этотъ взглядъ на силлогизмъ и силлогистическую форму дедукціи слѣдуетъ признать недоразумѣніемъ. Что касается „мысли“, т. е. умозаключенія, — то она одна и та же въ силлогизмѣ и энтимемѣ, и передается въ „трехъ утвержденіяхъ“ (или въ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ числомъ не болѣе трехъ), — которыя, однако, могутъ быть высказаны различно:—то въ одномъ, *сложномъ* предложеніи; то въ двухъ, связанныхъ такъ, что два утвержденія открыты, а третье скрыто, хотя и усматривается изъ нихъ; то наконецъ въ трехъ *простыхъ* предложеніяхъ. Что, при сокращенныхъ выраженіяхъ дедуктивнаго умозаключенія, нѣчто дѣйствительно подразумѣвается, и даже болѣе, нѣкоторыя „предложенія“, — въ этомъ можно наглядно убѣдиться изъ употребительной діаграммы силлогизма, поставивши въ ней вмѣсто буквъ S (Sub.), M (Term. Medius) и P (Praed.) кратчайшую, т. е. состоящую изъ одного предложенія, энтимему. Сдѣлаемъ это на двухъ слѣдующихъ чертежахъ.



Во второмъ чертежѣ, на сторонѣ SM, выраженіе: „Ртуть какъ жидкость“, достаточно передаетъ утвержденіе, что „ртуть есть жидкость“, потому что частица *какъ* показываетъ сокращеніе выраженія, равнозначащее фразѣ: „ртуть, такъ какъ она (ртуть) есть жидкость“. На сторонѣ MP мы находимъ полное предложеніе: „Жидкость упруга“. На сторонѣ SP имѣемъ полное предложеніе: „Ртуть упруга“. Слѣдовательно, выслушивающій сложное предложеніе: „Ртуть, какъ жидкость, упруга“, имѣетъ въ умѣ дедукцію со всѣми тремя заключающимися въ ней утвержденіями или предложеніями, хотя говорящій высказываетъ ихъ въ одномъ.— Еще нагляднѣе это выступаетъ въ энтимемахъ изъ двухъ предложеній. Какъ скоро два предложенія представлены на чертежѣ, третье дается само собою, — какъ это показано на двухъ слѣдующихъ чертежахъ.



На первомъ чертежѣ представлена энтимема съ меньшею посылкою, на второмъ — съ бо́льшею. Какъ скоро, въ первомъ, на сторонахъ SM и SP дана меньшая посылка и слѣдствіе, на остальной MP дается сама собою бо́льшая. Во второмъ, — какъ скоро на сторонахъ MP и SP даны бо́льшая посылка и слѣдствіе, — на сторонѣ остальной SM сама собою дается меньшая. — Что пред-

ставляется на этихъ чертежахъ, то же представляется и уму слушающаго такія сокращенныя выраженія дедуктивныхъ умозаключеній.

(2) Полное опредѣленіе силлогизма мы находимъ у *Д. С. Милля, Бэна, Вольфа, Канта, Лодія, Струве.—Бэнъ:* „Силлогизмъ есть вполнѣ представленная (expressed) форма дедуктивнаго умозаключенія, т. е. заключенія отъ общаго къ частному". „Слѣдующій распорядокъ:

(1) Всѣ люди подвержены ошибкамъ;
(2) Иванъ человѣкъ:
(3) Иванъ подверженъ ошибкамъ,

есть правильное дедуктивное умозаключеніе или доказательство въ силлогистической, иначе полной формѣ". *Вольфъ:* „Силлогизмъ есть рѣчь въ которой умозаключеніе или разсужденіе (ratiocinium sev discursus) предлагается раздѣльно (distincte proponitur)". *Кантъ:* „Силлогизмъ (Vernunftschluss) есть познаніе необходимости какого нибудь предложенія (d. Satzes) черезъ подведеніе (Subsumtion) его условія подъ данное правило". *Лодій:* „Силлогизмъ есть умствованіе, выраженное словами, въ которыхъ три разсужденія (сужденія) изображаются тремя предложеніями".— *Струве* опредѣляетъ „дедуктивное умозаключеніе или силлогизмъ какъ выводъ частнаго заключенія изъ общаго положенія, при посредствѣ частнаго".

(3) Опредѣленія силлогизма, встрѣчаемыя у другихъ авторовъ, отличаются нѣкоторою общностью или неточностью. Нѣкоторые писатели ограничиваются указаніемъ одной *словесной* формы силлогизма, безъ указанія его свойствъ какъ дедукціи, или какъ заключенія отъ общаго къ частному. Во главѣ этихъ писателей стоитъ *Гоббсъ,* къ которому примыкаютъ авторы Логики *Портъ-Рояля* и ихъ многочисленные французскіе послѣдователи,— напр. *П. Жанэ;* далѣе, *Гетчесонъ, Богдановъ* и др.—*Гоббсъ:* „Силлогизмъ есть рѣчь состоящая изъ трехъ предложеній, находящихся въ такомъ отношеніи, что одно изъ нихъ вытекаетъ изъ двухъ другихъ". *Вытекаетъ* значикъ, по Гоббсу, то, „что если два другія истинны, то и оно должно быть признано истиннымъ".

Логика *Портъ-Рояля* опредѣляетъ силлогизмы просто какъ „доказательства (arguments) изъ трехъ предложеній". *П. Жанэ:* „Силлогизмъ есть соединеніе трехъ предложеній такого рода, что, при

данности двухъ первыхъ, третье слѣдуетъ необходимо". *Гётчесонъ:* „Силлогизмъ есть рѣчь, въ которой изъ двухъ предложеній выводится третье". Недостатотъ такихъ опредѣленій заключается въ томъ, что они не могутъ отдѣлить силлогизмъ отъ повторенныхъ преобразованій даннаго предложенія, и отъ преобразованій двухъ данныхъ предложеній въ одно.

(3) Писатели, держащіеся *субъективнаго* смысла предложеній, какъ *сужденій* и сочетанія *понятій*, распространяютъ тотъ же взглядъ и на силлогизмъ. Такъ напр., по *Летце,* „силлогизмъ, въ смыслѣ Аристотеля, есть всякая связь двухъ сужденій, годная для произведенія третьяго, состоящаго не въ простой суммаціи обоихъ". Подобное опредѣленіе наиболѣе принято въ русской логикѣ; мы встрѣчаемъ его у *Рождественскаго, Михневича, Карпова, Гошкевича, Владиславлева. — Рождественскій:* „Умозаключеніе есть такое дѣйствіе ума, посредствомъ коего истина одного сужденія выводится изъ истины другихъ". *Михневичъ:* „Посредственные выводы (силлогизмы) составляются чрезъ образованіе третьяго сужденія, посредствующаго выводу слѣдствія изъ основанія". *Карповъ:* силлогизмъ „есть соединеніе сужденій разнаго содержанія посредствомъ ихъ формы, или выведеніе одного сужденія изъ другого, чрезъ формальное соотношеніе заключающихся въ нихъ понятій". *Владиславлевъ:* „Иногда одна мысль можетъ быть выведена изъ другой только чрезъ посредство третьей, или даже нѣсколькихъ мыслей. Такое умозаключеніе называется посредственнымъ или силлогизмомъ". — Г. Владиславлевъ, подобно Ибервегу и немногимъ другимъ, силлогизмомъ называетъ и цѣпь (catacna) силлогизмовъ,— что́ противно мысли Аристотеля и большинства писателей по Логикѣ. Примѣромъ силлогизма („простого") Владиславлевъ ставитъ слѣдующій: „Ни одна человѣческая слабость не можетъ принадлежать Божеству; греческая мифологія приписываетъ богамъ человѣческія слабости; слѣдов. мифологія не даетъ истиннаго понятія о Божествѣ". Примѣръ этотъ доказываетъ, какъ трудно въ Логикѣ находить примѣры обладающіе достоинствами простоты и точности. Потому что примѣръ этотъ даже вовсе не силлогизмъ, а непосредственное заключеніе, отъ истинности христіанскаго ученія о Божествѣ, къ ложности понятія объ немъ, предлагаемаго греческою мифологіею; т. е. простое преобразованіе предложенія:

„Слабости человѣка не принадлежатъ Божеству“, сдѣланное per Oppositionem sev Obversionem. — Другіе писатели того же субъективнаго направленія опредѣляютъ силлогизмъ отношеніемъ составляющихъ его понятій. *Леве:* „Силлогизмъ есть косвенное опредѣленіе логическаго отношенія двухъ понятій въ самомъ широкомъ смыслѣ слова“. *Новицкій:* „Посредственное умозаключеніе отношенія (силлогизмъ) есть показаніе отношенія между двумя представленіями посредствомъ третьяго понятія“. — Такія опредѣленія, какъ и предыдущія того же направленія, къ недостаткамъ чисто *словесныхъ* присоединяютъ новый, не указывая на словесную форму силлогизмовъ.

(4) Наконецъ, есть писатели, которые въ своихъ опредѣленіяхъ выдвигаютъ на первый планъ *объективное* содержаніе силлогизма. *Де-Марганъ* опредѣляетъ „силлогизмъ, какъ дедукцію отношенія посредствомъ комбинаціи другихъ отношеній“. *Ліяръ:* „Силлогизмъ есть рѣчь (une suite de paroles), въ которой изъ нѣкоторыхъ данныхъ вещей съ необходимостью вытекаетъ нѣкоторая иная вещь, — и только потому, что онѣ даны“. Ліяръ представляетъ свое опредѣленіе какъ истолкованіе опредѣленія *Аристотеля:* Συλλογισμὸς δε ἐστὶ λόγος, ἐν ῶ τεθέντων τινῶν ἕτερον τι τῶν κειμένων ἐξ ἀνάγκης συμβαίνει τῶ ταῦτα εἶναι. Эти, предметныя опредѣленія всего ближе къ данному нами; они указываютъ достаточно ясно на дедуктивную природу силлогизма, хотя и не указываютъ раздѣльно какъ на умозаключеніе отъ общаго къ частному; и затѣмъ, они страдаютъ нѣкоторою неясностью выраженія относительно словесной формы, содержащейся въ силлогизмѣ, дедукціи.

Изъ этого видно, что представленное нами опредѣленіе силлогизма соединяетъ выгоды словесныхъ опредѣленій съ предметными.

(5) Въ представленныхъ нами опредѣленіяхъ силлогизма мы находимъ слѣды различнаго синтеза силлогизма изъ его первыхъ или послѣднихъ элементовъ, — т. е. изъ предложеній (сужденій, отношеній) или терминовъ (именъ, понятій, вещей или реальностей).

Въ подробностяхъ синтеза силлогизма, или въ ученіи о его образованіи изъ элементовъ, выступаютъ отчетливо два направленія. Одни имѣютъ въ виду преимущественно послѣдніе элементы силлогизма, т. е. термины, и держатся, въ своемъ синтезѣ, своихъ

взглядовъ на термины, какъ имена, или понятія, или реальности. Отсюда, писатели этого направленія распадаются на три группы, изъ которыхъ первая образуетъ силлогизмъ чрезъ сравненіе двухъ именъ, — какъ терминовъ предложенія, подлежащаго доказательству, — съ третьимъ. Къ этой группѣ принадлежатъ напр. *Гоббсъ* и *Ліяръ*. „*Силлогизмъ*, говоритъ Ліяръ, означаетъ *связь* (liaison). Это связь двухъ терминовъ при помощи третьяго. Всякій силлогизмъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ предваряемый вопросомъ. Спрашиваютъ о томъ: соотвѣтствуетъ ли данный предикатъ данному субъекту, или нѣтъ. Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ — и въ этомъ состоитъ *изобрѣтеніе* (l'invention) въ силлогизмѣ — найти третій терминъ, который имѣетъ съ двумя терминами вопроса опредѣленныя отношенія; онъ сравнивается преемственно съ этими двумя терминами, и изъ отношеній его соотвѣтствія или несоотвѣтствія послѣднимъ, заключаютъ къ соотвѣтствію или несоотвѣтствію обоихъ терминовъ вопроса“. — Вторая, болѣе многочисленная группа писателей, во главѣ которой стоятъ авторы *Логики Поръ-Рояля*, образуютъ силлогизмъ черезъ сравненіе двухъ идей (понятій) съ третьей. Къ этой группѣ, изъ названныхъ прежде писателей, принадлежатъ также *Кантъ, Бенеке, Дробишъ, Иберверъ, Лотце, Вундтъ, Гэмильтонъ, П. Жанэ, Лащенко, Рождественскій, Карповъ, Райковскій, Свѣтилинъ, Владиславлевъ*. — Логика *Поръ-Рояля:* „Потребность въ умозаключеніи основана исключительно на тѣсныхъ границахъ человѣческаго ума, который, будучи призванъ къ сужденію объ истинности или ложности какого-нибудь предложенія, — которое въ такомъ случаѣ называется *вопросомъ*, — не всегда можетъ это сдѣлать простымъ разсмотрѣніемъ двухъ идей, составляющихъ это предложеніе, изъ которыхъ одна, представляющая его подлежащее, называется также *меньшимъ* терминомъ, — потому что подлежащее, по объему, обыкновенно меньше сказуемаго, — а другая, его сказуемое, называется также *бо́льшимъ терминомъ*, — по причинѣ противоположной. Итакъ, какъ скоро одно разсмотрѣніе этихъ двухъ идей не даетъ возможности судить о томъ, подлежитъ ли одна идея утвержденію или отрицанію относительно другой (т. е. „соотвѣтствуетъ ли одна идея другой или не соотвѣтствуетъ“), онъ имѣетъ нужду обратиться къ третьей идеѣ, и эта третья идея называется *среднимъ* терминомъ.

Но для сравненія тѣхъ двухъ идей, посредствомъ этой третьей, было бы безплодно сравненіе послѣдней только съ однимъ изъ двухъ терминовъ. Поэтому необходимо, чтобъ этотъ средній терминъ былъ сравненъ столько же съ подлежащимъ или меньшимъ терминомъ, какъ и со сказуемымъ или бо́льшимъ терминомъ (вопроса). — (Г. Спенсеръ назвалъ такое сравненіе двухъ идей съ третьей *психологическою* невозможностью. Изъ противниковъ этого мнѣнія Спенсера, выступившихъ въ печати, укажемъ на *Ланье*. Такъ какъ мнѣніе Г. Спенсера поднимаетъ вопросъ чисто психологическій, или выходящій изъ предѣловъ Логики, то мы не будемъ вдаваться здѣсь въ обсужденіе того, кто въ этомъ случаѣ правѣе, — Г. Спенсеръ или его противники) Третья группа писателей, съ *Аристотелемъ* въ главѣ, образуетъ силлогизмъ посредствомъ сравненія *двухъ вещей,* — составляющихъ термины доказываемаго предложенія, — съ *третьею*. Эта третья вещь, этотъ средній терминъ долженъ быть *причиною* отношенія двухъ первыхъ (τό μεν γαρ αἰτίον τό μέσον). Такой взглядъ на образованіе силлогизма превосходно представленъ однимъ изъ самыхъ раннихъ нашихъ логиковъ, именно *Богдановымъ:* „Пусть будетъ у насъ, говоритъ онъ, предложеніе: „Лѣнивые останутся невѣждами". — Прищемъ сперва причину, почему они останутся невѣждами. и назовемъ ее *среднимъ терминомъ,* подлежащее предложенія — *меньшимъ* и сказуемое *большимъ терминомъ*. Нашедши причину, или *средній терминъ,* соединимъ его со сказуемымъ, что и составитъ первую посылку; потомъ подлежащее, или *меньшій терминъ,* соединимъ съ причиною, что составитъ вторую посылку, и выведемъ заключеніе.

Предложеніе:

„Лѣнивые останутся невѣждами".

Причина:

Потому, что они *не учатся*. — Сдѣлаемъ силлогизмъ:

(Средній терминъ) *кто не учится,* (большій терминъ) *тотъ останется невѣждою;* (меньшій терминъ) *лѣнивые,* (средній терминъ) *не учатся.*

(Заключеніе) „*Лѣнивые останутся невѣждами*".

Второе направленіе въ синтезѣ силлогизма представлено тѣми писателями, которые, не упуская изъ виду послѣднихъ его эле-

ментовъ, останавливаютъ вниманіе собственно на первыхъ, — т. е. предложеніяхъ. Для нихъ соллогизація не есть *изобрѣтеніе*,—какъ выражается Ліяръ,— а есть обращеніе отъ доказываемыхъ *предложеній* къ *готовымъ началамъ*, т. е. опять предложеніямъ. Соллогизація, для нихъ, не есть открытіе *средняго термина*, — хотя такое открытіе входитъ въ составъ каждаго оригинальнаго дедуктивнаго умозаключенія, — а есть открытіе *начала*, въ которомъ средній терминъ будетъ однимъ изъ терминовъ, — начала способнаго доказать, объяснить или предсказать фактъ, представляемый даннымъ предложеніемъ. Открытіе начала можетъ дѣлать честь уму, талантамъ, даже генію — доказывающаго дедуктивно, но это будетъ для него все-таки открытіемъ въ своемъ умственномъ запасѣ готовыхъ общихъ предложеній. Направленіе это, которому слѣдуетъ авторъ, представлено въ трудахъ *Д. С. Милля* и *Бэна*.

(6) Что касается *методовъ* обработки теоріи соллогизма, то они согласуются съ изложенными выше методами обработки предложеній. И здѣсь тѣ же среднія направленія *Поръ-Рояля, Вольфа, Гётчесона* и т. д.,—и тѣ же крайности субъективнаго и объективнаго методовъ, представляемыя, съ одной стороны, *психологическимъ* методомъ *гербартіанцевъ, Бенеке,* отчасти *Вундта,* (у насъ *Грота*),— съ другой методомъ *Карвета Рида,* игнорирующимъ соллогизмъ, точно также какъ предложенія или сужденія и такъ-называемую ассоціацію идей. Недостатки психологическаго метода становятся здѣсь особенно чувствительны; существенный состоитъ въ томъ, что психологическій анализъ не даетъ средствъ провести границу между дедукціями *реальными* и *чисто-словесными*,—что составляетъ собственную задачу логической теоріи умозаключеній. — Какъ разницу въ методахъ обработки теоріи соллогизма, сравнительно съ обработкою теоріи предложеній, — слѣдуетъ отмѣтить обстоятельство, что тѣ нѣмецкіе субъективисты, которые не упускали изъ виду объективнаго смысла логическихъ „сужденій", еще болѣе сблизились съ *Миллемъ* въ ученіи о соллогизмѣ. *Иберверъ, Зигвартъ, Летце,* перешли, въ обработкѣ соллогизма, отъ сужденій (Urtheile) къ предложеніямъ (Satze), разлагая соллогизмъ на Obersatze, Untersätze и Schlusssätze. Вундтъ, какъ и во всемъ, остается на срединѣ,— удерживая терминъ (Schlusssätze), и пользуясь для двухъ другихъ терминами: erste Praemisse, zweite Praemisse.

Нашъ методъ тотъ же, что и въ обработкѣ предложеній, — словесно-объективный *(Аристотеля, Милля, Бэна)*.

2. Термины силлогизма называются *бо́льшимъ, среднимъ* и *меньшимъ,* преимущественно по различію ихъ *объема;* потому что въ большей части силлогизмовъ или дедуктивныхъ умозаключеній меньшій терминъ уступаетъ по объему среднему, а средній большему, — и только въ меньшей части — два термина бываютъ равнаго объема.

Такъ, въ силлогизмѣ:

Всѣ жидкости упруги;
Ртуть есть жидкость;
Слѣд. ртуть упруга,

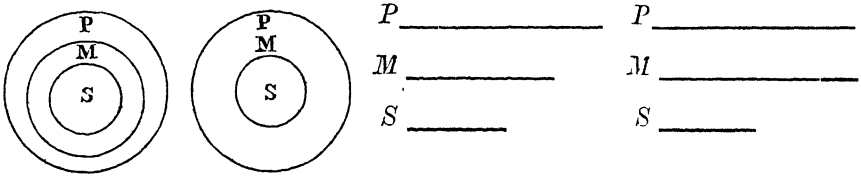
большій терминъ, *упругія вещи,* шире по объему, чѣмъ средній терминъ, *жидкости* (потому что упруги не однѣ жидкости); а терминъ средній больше по объему, чѣмъ терминъ меньшій, *ртуть* (потому что есть другія жидкости кромѣ ртути). — Но въ силлогизмѣ:

Всѣ физическія тѣла упруги;
Воздухъ есть физическое тѣло;
Слѣд. воздухъ упругъ,

большій терминъ, *упругія вещи,* и средній, *физическія тѣла,* равны по объему (потому что упругость не принадлежитъ никакимъ другимъ вещамъ кромѣ физическихъ тѣлъ); и только меньшій терминъ, *воздухъ,* уступаетъ по объему одинаково обоимъ остальнымъ (потому что не одинъ воздухъ есть физическое тѣло, и имѣетъ упругость).

(1) Равенство средняго и бо́льшаго терминовъ встрѣчается только между „совершенными“ силлогизмами „первой фигуры“. Въ „несовершенныхъ“ силлогизмахъ „второй и третьей фигуры“ встрѣчается равенство большаго и меньшаго терминовъ.

(2) Отношеніе объема въ трехъ терминахъ силлогизма можетъ быть символически представлено линіями:



На всѣхъ чертежахъ буквы S (Subjectum слѣдствія, заключенія)—меньшій терминъ; P (Praedicatum того же предложенія) — большій терминъ; M (Medius)—средній терминъ, повторяющійся въ обѣихъ посылкахъ, или чуждый слѣдствію. На чертежахъ 1 и 3 представлены три термина *неравнаго* объема; на черт. 3 и 4, тѣ случаи, когда средній и большій бываютъ *равнаго* объема.

(3) Логическое ученіе объ объемѣ терминовъ, въ большей части логикъ представляется неполно; такъ какъ большинство писателей, вслѣдъ за *Аристотелемъ,* останавливается обыкновенно на тѣхъ силлогизмахъ, въ которыхъ всѣ три термина неравнаго объема. Такъ какъ послѣднее встрѣчается въ большей части силлогизмовъ, притомъ особенно цѣнныхъ для знанія, то эта неполнота замѣтно не вредитъ. Но въ послѣднее время молчаливо устанавливался тотъ взглядъ, что всѣ три термина силлогизма могутъ быть *равнаго* объема. Такой взглядъ началъ высказываться, въ послѣдніе годы, то какъ одна изъ истинъ теоріи силлогизма, то какъ самая основная истина этой теоріи. Съ этимъ взглядомъ мы встрѣтимся при разборѣ тѣхъ писателей, которые превращаютъ логическіе силлогизмы въ *уравненія,*—но должны остановиться на немъ и здѣсь.

Прежде всего бросается въ глаза несовмѣстимость этого взгляда съ понятіемъ о *дедукціи* и съ опредѣленіемъ *силлогизма.* Силлогизмъ есть выраженное извѣстнымъ образомъ дедуктивное умозаключеніе, т. е. заключеніе отъ *общаго* къ *частному.* Спрашивается: какъ возможно имѣть это „общее“ и „частное“ въ предложеніяхъ силлогизма, если его термины будутъ равнаго объема? — Чтобы избѣжать недоразумѣній замѣтимъ, что „общее“ и „частное“ дедуктивнаго умозаключенія нельзя отожествлять съ общими (A и E) и частными (I и O) предложеніями. Подъ „частнымъ“, выводи-

мымъ изъ „общаго“, разумѣются „частности“, „частные факты“, „сравнительно съ „общимъ фактомъ“, установленнымъ въ *основаніи* или *началѣ* силлогизма или дедукціи. Общій фактъ можетъ быть выраженъ только *общимъ предложеніемъ* (A и E); но частный фактъ выводимый изъ общаго можетъ быть выраженъ трояко: во-первыхъ, *менѣе общимъ* предложеніемъ (слѣд. опять A или E), — *частнымъ* предложеніемъ (I или O), и наконецъ *единичнымъ* предложеніемъ, не имѣющимъ знаковъ, но причисляемымъ, въ реальной дедукціи или реальномъ силлогизмѣ, къ частнымъ, какъ ихъ замѣна. Изъ этого ясно, что при всѣхъ видахъ словеснаго выраженія — частнаго, въ меньшей посылкѣ и слѣдствіи, оно можетъ быть передано не иначе, какъ терминомъ менѣе обширнымъ по объему, чѣмъ термины основанія, начала или большей посылки. При равенствѣ терминовъ ни одно предложеніе силлогизма не можетъ быть болѣе общимъ чѣмъ другія; а между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ *Бэнъ*, „если по крайней мѣрѣ одна изъ посылокъ не будетъ болѣе общею чѣмъ слѣдствіе, доказательство не будетъ дедуктивнымъ“.

Посмотримъ теперь, на какихъ основаніяхъ утверждаютъ нѣкоторые писатели возможность равенства терминовъ въ силлогизмѣ. *Ліяръ*, держащійся этого взгляда, такъ выражается относительно усвоенныхъ логиками названій терминовъ: *большій, средній* и *меньшій*. „Эта терминологія, говоритъ онъ, которую мы сохранимъ изъ уваженія къ давности преданія, не имѣетъ ничего безусловнаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстныхъ силлогизмахъ, три термина имѣютъ тотъ же объемъ, — напр. въ слѣдующемъ:

3 + 1 равны 4;
4 равно 2 + 2;
Слѣд. 3 + 1 равны 2 + 2,

и вообще во всѣхъ математическихъ силлогизмахъ“.

Ссылка на силлогизмы математики, въ родѣ приведеннаго Ліяромъ, отнюдь не доказательство защищаемой имъ мысли. Прежде всего, Ліяръ неправильно уравниваетъ по объему термины предложенія: 3 + 1 равны 4. Подлежащее этого предложенія есть *единичный* терминъ, — потому что число 3 + 1 есть единственное число въ порядкѣ чиселъ; — между тѣмъ какъ сказуемое есть *общій* терминъ (число равное 4); потому что чиселъ, рав-

ныхъ четыремъ, если получать ихъ чрезъ вычитаніе однихъ изъ другихъ, безконечное множество. Полное выраженіе этого предложенія будетъ: 3+1 есть число равное 4. Равны по объему не подлежащее и сказуемое этого предложенія, а число 3+1 и число 4, изъ которыхъ послѣднее составляетъ часть термина сказуемаго, — объектъ отношенія въ составѣ сказуемаго, находящійся въ полной взаимности съ подлежащимъ. (А потому такое предложеніе *обратимо* только *per limitationem*). Можно сказать и наоборотъ: 4 есть число равное 3+1. Но тогда получится предложеніе равнозначащее первому, и вмѣстѣ съ этимъ съ тою же разницею объема его терминовъ, потому что подлежащимъ его будетъ единичный терминъ 4, а сказуемымъ общій терминъ: число равное 3+1, — каковыхъ чиселъ опять неограниченное количество. — Во-вторыхъ, въ „силлогизмѣ“ Ліяра:

3+1 равны 4;
4 равно 2+2;
Слѣд 3+1 равны 2+2,

нѣтъ никакой „реальной“ дедукціи, никакого силлогизма, а есть преобразованіе перваго предложенія per substitutionem, — т. е. замѣщеніе числа 4 равносильнымъ числомъ 2+2. Вообще, во всѣхъ такъ-называемыхъ дедукціяхъ математики, гдѣ результаты получаются посредствомъ простого замѣщенія однихъ знаковъ другими, равнозначащими или равносильными, нѣтъ никакой реальной дедукціи равенства, а есть простое преобразованіе даннаго предложенія, или формулы, per substitutionem. Реальныя дедукціи равенства, какія обыкновенны въ геометріи, идутъ — какъ замѣтилъ еще Аристотель — по *первой фигурѣ* силлогизма, съ предложеніями неодинаковой общности.

Въ примѣрѣ Ліяра мы имѣли дѣло съ предложеніями равенства. Нѣкоторые писатели, какъ *С. Джевонсъ*, любятъ подкрѣплять туже мысль, ссылаясь на тожественныя предложенія силлогизма, состоящаго изъ однихъ единичныхъ терминовъ. Возьмемъ одинъ изъ его примѣровъ силлогизма „съ двумя тожествами въ посылкахъ“, слѣдовательно съ терминами равнаго объема:

„Лондонъ есть столица Англіи;
Лондонъ есть самый населенный городъ въ мірѣ.
Слѣд. Столица Англіи есть самый населенный городъ въ мірѣ“.

Несомнѣнно, что термины этого силлогизма равны по объему, какъ *единичные;* но также вѣрно и то, что это силлогизмъ *чисто словесный;* что здѣсь нѣтъ никакого реальнаго вывода, а простое преобразованіе предложеній, — именно раскрытіе предложенія сосуществованія („слѣдствія“), скрытаго въ двухъ другихъ („посылкахъ“). Въ этомъ мы убѣдимся, сравнивая нашъ анализъ этого примѣра съ тѣмъ, что было сказано въ своемъ мѣстѣ о *разложеніи* сложныхъ предложеній и, между прочимъ, о *скрытыхъ* утвержденіяхъ сосуществованія и преемства (см. Гл. IV. Разложеніе. Окончаніе примѣчанія). Смыслъ всего „силлогизма“ выражается въ точности слѣдующимъ сложнымъ предложеніемъ: „Лондонъ есть столица Англіи и самый населенный городъ въ мірѣ“. Это предложеніе распадается на три: — два открытыя:

„Лондонъ есть столица Англіи“;

„Лондонъ есть самый населенный городъ въ мірѣ“,

и одно скрытное — сосуществованія:

„Столица Англіи есть самый населенный городъ въ мірѣ“.

Такимъ образомъ, это не дедукція, не силлогизмъ, а простое преобразованіе сложнаго предложенія посредствомъ *разложенія.* Что здѣсь нѣтъ реальной дедукціи, это доказывается простымъ взглядомъ на *единичность* посылокъ этого мнимаго силлогизма. „Силлогизмъ съ двумя единичными посылками“, — заключаетъ Бэнъ свой анализъ такихъ силлогизмовъ, — „отнюдь не можетъ быть разматриваемъ какъ дѣйствительное силлогистическое или дедуктивное умозаключеніе“.

3. Изъ опредѣленія силлогизма, какъ заключенія отъ общаго къ частному, выраженнаго въ трехъ послѣдовательныхъ предложеніяхъ, и изъ свойствъ предложеній общихъ и частныхъ, утвердительныхъ и отрицательныхъ, получаются слѣдующія *правила* совершенной строгости силлогизмовъ.

1) Во всякомъ правильномъ реальномъ силлогизмѣ не менѣе и не болѣе трехъ терминовъ.

1) Противъ этого правила грѣшатъ, во-первыхъ, всѣ тѣ умозаключенія, которыя хотя и выражены въ трехъ предложеніяхъ,

но содержатъ только два реальныхъ термина подъ тремя различными именами. Таково слѣдующее:

Всѣ тѣла суть внѣшнія вещи;
Воздухъ есть тѣло;
Слѣд. воздухъ есть внѣшняя вещь.

Заключеніе это правильно, но не реально, потому что подлежащее и сказуемое большей посылки суть, реально, одинъ и тотъ же терминъ. Въ дѣйствительности, это преобразованіе предложенія „Воздухъ есть тѣло“, per substitutionem, т. е. черезъ замѣщеніе термина *тѣло* равнозначащимъ именемъ *внѣшняя вещь*. Такъ что эта мнимая дедукція должна имѣть собственно слѣдующій скромный видъ:

Воздухъ есть тѣло.

Имя *тѣло* замѣстимо равнозначащимъ именемъ *внѣшняя вещь*. Поэтому, смыслъ даннаго предложенія можетъ быть переданъ такъ:

Воздухъ есть внѣшняя вещь.

И такъ, умозаключенія изъ трехъ предложеній, но съ двумя терминами, не есть силлогизмъ, а раскрытіе смысла даннаго предложенія посредствомъ выраженій синомическихъ.

Тѣмъ меньше заключенія тамъ, гдѣ подъ тремя именами, въ трехъ предложеніяхъ, скрывается одинъ реальный терминъ. Таково:

Homo есть Ἄνθροπος;
Человѣкъ Homo;
Слѣдов. человѣкъ есть Ἄνθροπος.

Это не дедукція, а *переводъ* съ одного языка на другой, посредствомъ замѣщенія слова одного языка синонимомъ другого. Естественный порядокъ этого замѣщенія такой:

Человѣкъ есть (полатини) Homo;
Но Homo переводится (по гречески) словомъ Ἄνθροπος. Поэтому:

(Русское слово) человѣкъ переводится (греческимъ) Ἄνθρωπος.

(2) Противъ того же правила грѣшатъ, во-первыхъ, тѣ умозаключенія, которыя въ трехъ предложеніяхъ содержатъ *четыре* реальныхъ термина (Quaternio terminorum) подъ тремя именами ихъ подлежащихъ и сказуемыхъ Это бываетъ тогда, когда средній терминъ заключаетъ двусмысліе, или употребляется въ одной посылкѣ съ однимъ значеніемъ, а въ другой съ другимъ. Напр.:

Всякій левъ плотоядент;
Одно изъ созвѣздій есть левъ;
Слѣдов. Одно изъ созвѣздій плотоядно (Карповъ).

Нелѣпость такого умозаключенія бросается въ глаза, вслѣдствіе отдаленности двухъ значеній, придаваемыхъ термину *левъ* (животное и созвѣздіе). Но эту нелѣпость не такъ легко обнаружить, когда оба значенія средняго термина весьма близки, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ:

Право есть справедливость;
Рабовладѣніе было въ нѣкоторыхъ государствахъ правомъ;
Слѣд. рабовладѣніе было въ нѣкоторыхъ государствахъ справедливостью.

Двусмысліе средняго термина *право* состоитъ въ томъ, что въ первой посылкѣ оно употребляется въ смыслѣ свойства *дѣйствій,* а во второй въ смыслѣ свойства *лица.*

Эти софизмы называются Fallacia aequivocationis. Болѣе скрытое употребленіе четырехъ терминовъ представляютъ слѣдующіе софизмы:

A. Fallacia compositionis et divisionis (сложенія и раздѣленія).

„Пять есть одно число;
Три и два пять;
Слѣд. три и два — одно число; } Fallac. divisionis.

Три и два суть два числа;
Три и два пять;
Слѣд. пять есть два числа“. } Fallac. compositionis.

(Уэтли).

B. Fallacia a dicto simpliciter ad dictum secundum quid; и на-

оборотъ, A dicto secundum quid ad dictum simpliciter; — когда средній терминъ употребляется въ одной посылкѣ — въ смыслѣ широкомъ, а въ другой — въ ограниченномъ.

Всѣ совершеннолѣтніе имѣютъ право распоряжаться своимъ имуществомъ.

N (сумасшедшій) совершеннолѣтенъ;

Слѣд. онъ имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ.

2) Во всякомъ правильномъ силлогизмѣ не менѣе и не болѣе трехъ предложеній.

Дедуктивное умозаключеніе, — реальное, а не мнимое, — можетъ быть передано не только двумя, но и однимъ предложеніемъ; но это будутъ *энтимемы*, — неполныя выраженія дедукціи, — а не силлогизмы.

Съ другой стороны, при трехъ терминахъ можетъ быть не болѣе трехъ предложеній, — такъ какъ этимъ исчерпываются всѣ возможныя сочетанія ихъ какъ подлежащихъ и сказуемыхъ.

3) Средній терминъ по крайней мѣрѣ въ одной изъ посылокъ долженъ быть взятъ во всемъ объемѣ.

Это достигается только тогда, когда средній терминъ бываетъ или подлежащимъ общаго предложенія (всякое M есть P), или сказуемымъ предложеній отрицательныхъ (никакое S не есть M, нѣкоторыя S не суть M).

Это правило не соблюдается тогда, когда средній терминъ бываетъ подлежащимъ частно-утвердительнаго (I), служащаго одною изъ посылокъ умозаключенія, и сказуемымъ утвердительнаго (A или I), служащаго другою посылкою того же умозаключенія. Такія умозаключенія относятся къ *софизмамъ собирательнаго средняго* (non distributivi, sev collectivi medii). Напр.

Нѣкоторые люди — преступники;

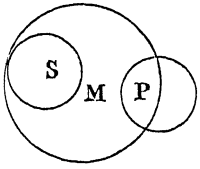
Всѣ законодатели люди;

Слѣд. всѣ законодатели преступники.

Въ этомъ примѣрѣ, средній терминъ, *люди,* ни разу не взятъ во всемъ объемѣ, въ первой посылкѣ — открыто (нѣкоторые люди), — во второй закрыто, такъ какъ „обращая“ вторую посылку, найдемъ слѣдующій смыслъ ея:

„Всѣ законодатели суть *нѣкоторые* люди“.

Такъ какъ терминъ *люди* (M) взятъ въ этомъ примѣрѣ дважды только въ части своего объема, то отношеніе къ нему двухъ крайнихъ терминовъ можетъ быть символизовано такъ:



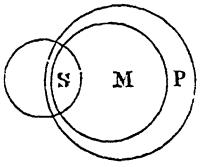
Символъ показываетъ, что законодатели, не смотря на то, что они всѣ люди (S есть M) могутъ быть внѣ круга преступниковъ, такъ какъ только нѣкоторые люди суть преступники (нѣкоторые M суть P).

4) Термины, не взятые въ посылкахъ во всемъ объемѣ, не могутъ быть и въ слѣдствіи взяты во всемъ объемѣ.

Никакому термину нельзя давать въ слѣдствіи бо̀льшаго объема, чѣмъ въ посылкахъ. Умозаключенія, отступающія отъ этого правила, называются *софизмами недозволительнаго процесса* (illiciti processi). Напр.

Всѣ памятливые люди осторожны;
Нѣкоторые люди памятливы;
Слѣд. всѣ люди осторожны.

Умозаключеніе неправильно и ложно. Потому что терминъ *люди,* взятый во второй посылкѣ только въ нѣкоторой части своего объема („нѣкоторые люди“), берется въ слѣдствіи во всемъ объемѣ („всѣ люди“).



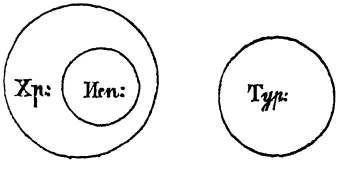
Символъ показываетъ что всѣ M суть въ P (первая посылка): но только нѣкоторые S суть въ M; поэтому, черезъ M всѣ S не могутъ быть въ P; и слѣдствіе въ данномъ примѣрѣ выведено неправильно.

5) Изъ двухъ отрицательныхъ предложеній нельзя вывесть никакого слѣдствія.

Въ силлогизмѣ происходитъ соединеніе и раздѣленіе двухъ терминовъ даннаго предложенія (S и P) по связи съ третьимъ (M), которая выражается утвержденіемъ или только въ меньшей посылкѣ (S есть M),— или въ той и другой (S есть M, M есть P). Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда даже и въ меньшей посылкѣ нѣтъ утвержденія, — иначе сказать, когда оба предложенія отрицательны, никакой связи данныхъ въ нихъ терминовъ не существуетъ, и поэтому нельзя вывесть изъ нихъ никакого слѣдствія.

Испанцы не Турки;
Турки не христіане;
изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что
Испанцы не христіане (Поръ-Рояль).

Слѣдующая символика показываетъ, что въ то время, какъ средній терминъ (Турки) разъединены съ двумя остальными (Испанцы и христіане), послѣдніе могутъ, тѣмъ не менѣе, быть въ связи.



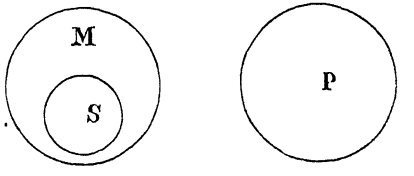
Испанцы не Турки; Турки не христіане; но всѣ Испанцы христіане.

6) Если одна изъ посылокъ бываетъ отрицательною, слѣдствіе должно быть также отрицательнымъ.

Какъ скоро одна изъ посылокъ бываетъ отрицательною, средній терминъ (M) бываетъ разъединенъ съ однимъ изъ двухъ остальныхъ терминовъ, и слѣдовательно не способенъ соединять ихъ, — что и должно выразиться отрицательнымъ слѣдствіемъ (S не есть M, когда M есть P; слѣд. S не есть P. Или: S есть M, но M не есть P, слѣд. S не есть P). Всякая попытка дать утвердительное слѣдствіе при одной изъ отрицамельныхъ посылокъ, поведетъ къ противорѣчію, — какъ въ слѣдующемъ умозаключеніи:

Все противное закону не позволительно;
Похищать противно закону;
Слѣд. похищать позволительно (Карповъ).

Изображая „дѣйствія противныя закону“ черезъ M, похищенія черезъ S, и „дѣйствія позволительныя“ черезъ P, мы должны представить двѣ посылки этого умозаключенія такъ:



Отсюда ясно, что S, входящее въ кругъ M, при разъединенности круга M и круга P, не можетъ быть введено въ кругъ P.

7) Изъ двухъ частныхъ предложеній ничего не слѣдуетъ.

Умозаключеніе (по 3 прав.) не можетъ быть правильнымъ, если средній терминъ по крайней мѣрѣ въ одной изъ посылокъ не взятъ во всемъ своемъ объемѣ; а это не осуществимо при

двухъ частныхъ утвердительныхъ предложеніяхъ въ роли посылокъ. Если же одна изъ частныхъ будетъ отрицательною, попытка заключенія приведетъ на недозволенному расширенію объема сказуемаго бо́льшаго предложенія (Sophisma illiciti processi). Пусть будутъ даны два слѣдующія предложенія, оба частныя, но съ тремя терминами:

(I) „Нѣкоторыя побѣды бываютъ хуже пораженій.

(I) Нѣкоторыя дѣйствія союзныхъ армій противъ Наполеона I были побѣдами“.

Имѣемъ ли мы право заключить отсюда:

„Слѣд. нѣкоторыя дѣйствія союзныхъ армій противъ Наполеона I были хуже пораженій?“ —

Нѣтъ. Причина та, что средній терминъ, *побѣды*, взятъ два раза частнымъ образомъ (въ первой посылкѣ — какъ подлежащее, и во второй какъ сказуемое).— Теперь, пусть будутъ даны два слѣдующія предложенія:

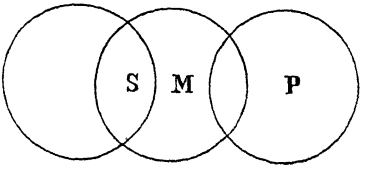
(I) „Нѣкоторыя побѣды бываютъ хуже пораженій.

(O) Нѣкоторыя дѣйствія союзныхъ армій противъ Наполеона I не были побѣдами. Заключивши:

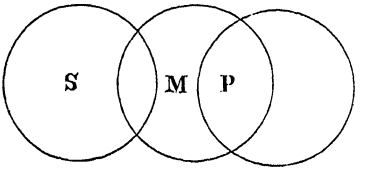
Слѣд. нѣкоторыя дѣйствія союзныхъ армій противъ Наполеона I не были хуже пораженій“,

придемъ къ недозволенному расширенію объема термина сказуемаго перваго предложенія (такъ какъ онъ, будучи взятъ частнымъ образомъ въ первомъ предложеніи, какъ утвердительномъ, берется общимъ образомъ въ заключеніи, какъ отрицательномъ).

Символизуя обѣ частныя посылки перваго умозаключенія, будемъ имѣть:



Нѣкоторыя S (дѣйствія союзныхъ армій) были M (побѣды); а нѣкоторыя M суть P. Черезъ это S еще не ставится непремѣнно въ связь съ P, какъ показываетъ этотъ чертежъ. Та же символика, съ небольшою перемѣною, годна и для второго силлогизма:



Нѣкоторыя M (побѣды) бываютъ P (хуже пораженій); но нѣкоторыя S (дѣйствія союзныхъ армій) не суть M. Какъ же они могутъ черезъ M входить въ P?

8) Если одна изъ посылокъ бываетъ предложеніемъ частнымъ, слѣдствіе также должно быть частнымъ.

Умозаключенія, въ которыхъ пытаются придти къ общему слѣдствію при одной изъ частныхъ посылокъ будутъ нарушеніемъ или 3 или 4 правилъ, данныхъ впереди, — т. е. будутъ или такими, въ посылкахъ которыхъ средній терминъ взятъ два раза частнымъ образомъ, или такими, въ слѣдствіи которыхъ имѣетъ мѣсто недозволительное расширеніе какого нибудь термина посылокъ.

Правила силлогизма излагаются писателями по Логикѣ неодинаково. Одни насчитываютъ ихъ 8 *(Бэнъ, С. Джевонсъ, Жанэ, Лодій)*, другіе — 7 *(Гетчесонъ, Свѣтилинъ)*, иные — 6 *(Поръ-Роялъ, Ивашковскій)*, иные — 5 (напр. *Баумейстеръ*), иные — 4 (напр. *Карповъ*, иные — 3 (напр. *Струве*), иные — 2 (какъ *Владиславлевъ*). Разница эта зависитъ собственно отъ метода изложенія правилъ силлогизма, а не отъ того, чтобы тѣ или другіе писатели не признавали истинности нѣкоторыхъ правилъ силлогизма, изъ числа узазываемыхъ осьми. — Было время, когда ихъ насчитывали гораздо бобѣе осьми. Логика Поръ-Рояля впервые свела ихъ къ *шести*. Нѣкоторые позднѣйшіе писатели, напр. *Ольдричъ*, расширяли вновь число ихъ до 12. *Уэтли*, въ Англіи, еще разъ сводитъ

ихъ къ *шести* изложеннымъ нами впереди двухъ другихъ. Остальныя два правила, какъ показано выше, выводятся, дѣйствительно, изъ предыдущихъ; но отдѣльное изложеніе ихъ, какъ замѣтилъ *Бэнъ,* облегчаетъ изученіе правилъ силлогизма; съ этимъ согласенъ и *С. Джевонсъ.* Поэтому, нѣтъ побужденій возвращаться къ числу правилъ Поръ-Рояля, а тѣмъ болѣе принимать число еще меньшее (напр. Карпова и другихъ). — хотя съ другой стороны, изложеніе ихъ въ числѣ болѣе *осьми* нельзя оправдать указаннымъ мотивомъ.

4. Всѣмъ изложеннымъ правиламъ силлогизма вполнѣ отвѣчаютъ только слѣдующія четыре типа силлогизма, представленные по качеству и количеству своихъ посылокъ, — большей, которая ставится первою, и меньшей, которая ставится второю, — а также заключенія.

Посылка: { Общеутвердительная (A)
{ Общеутвердительная (A)
Заключ.: Общеутвердительное (A)

Посылка: { Общеутвердительная (A)
{ Частноутвердительная (I)
Заключ.: Частноутвердительное (I)

Посылка: { Общеотрицательная (E)
{ Общеутвердительная (A)
Заключ.: Общеотрицательное (E)

Посылка: { Общеотрицательная (E)
{ Частноутвердительная (I)
Заключ.: Частноотрицательное (O)

Примѣры:

(A) Всѣ люди смертны;
(A) Всѣ цари люди;
(A) Слѣд. Всѣ цари смертны.

(E) Никакія рыбы не имѣютъ вполнѣ развитого головного мозга;
(A) Всѣ осетры суть рыбы;
(E) Слѣд. Никакіе осетры не имѣютъ вполнѣ развитого головного мозга.

(A) Всѣ памятливые осторожны;
(I) Нѣкоторые люди памятливы;
(I) Слѣд. нѣкоторые люди осторожны.

Или (замѣняя, по примѣру Аристотеля, частныя предложенія единичными):

(A) Всѣ люди смертны;
(I) Императоръ Германіи человѣкъ;
(I) Слѣд. Императоръ Германіи умретъ.

(E) Никакое безсознательное дѣйствіе не есть преступленіе;
(I) Нѣкоторыя кражи бываютъ безсознательны;
(O) Слѣд. нѣкоторыя кражи не суть преступленія.

Или (замѣняя единичными):

(E) Никакая рыба не имѣетъ вполнѣ развитого головного мозга;
(I) Разрѣзаемый нами осетръ есть рыба.
(O) Слѣд. въ разрѣзаемомъ нами осетрѣ мы не найдемъ вполнѣ развитого головного мозга.

Умозаключенія этихъ четырехъ типовъ, удовлетворяющія всѣмъ правиламъ силлогизма, признаются *совершенными* силлогизмами, или совершенными дедуктивными умозаключеніями въ силлогистической формѣ. Всѣ силлогизмы этихъ типовъ имѣютъ слѣдующія выдающіяся черты, требуемыя правилами:

1) *Бо́льшая посылка совершенныхъ силлогизмовъ всегда бываетъ общею,* — т. е. содержитъ какое-нибудь *общее начало;*

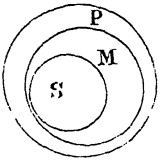
2) *Меньшая посылка бываетъ всегда утвердительною,* — т. е. содержитъ какую-нибудь частность, подходящую подъ подлежащее большей посылки или начала.

3) *Слѣдствіе* подводитъ эту частность подъ сказуемое бо́льшей посылки или начала, — т. е. оканчиваетъ подведеніе частности подъ данное начало. или выводъ частнаго изъ общаго.

4) Частное выводимое изъ общаго принципа передается то менѣе общими, то частными, то единичными предложеніями.

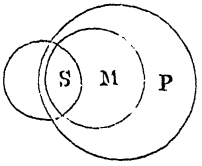
(1) Четыре типа совершеннаго силлогизма могутъ быть изображены линейно слѣдующимъ образомъ:

(A) (A) (A)



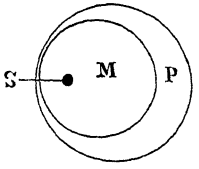
*P*_____
*M*_____
*S*____

(A) (I) (I)



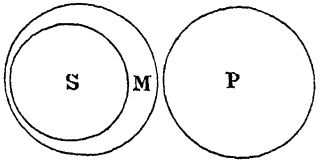
*P*_____
*M*_____
*S*____

(A) (I) (I)

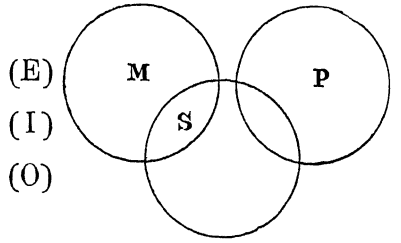


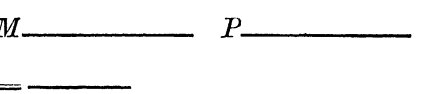
*P*_____
*M*_____
*S*____

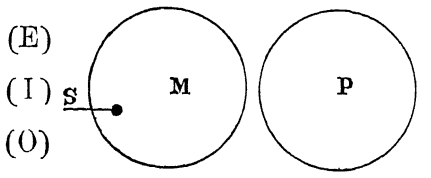
(E) (A) (E)

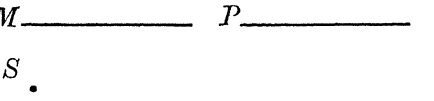


*M*_____ *P*_____
*S*____









Эта символика должна быть толкуема сообразно съ принятою логическою терминологіею такъ:

Символика *круговая:*

(A) P обнимаетъ M;
(A) M обнимаетъ S;
(A) слѣд. P обнимаетъ S.

или наоборотъ:
(A) S входитъ въ M;
(A) M входитъ въ P;
(A) слѣд. S входитъ въ P.

Символика прямолинейная:

(A) P подчиняетъ M;
(A) M подчиняетъ S;
(A) слѣд. P подчиняетъ S.

наоборотъ:
(A) S подходитъ подъ M;
(A) M подходитъ подъ P;
(A) слѣд. S подходитъ подъ P.

Выраженія аристотелевскія:

(A) P говорится обо всемъ M;
(A) M говорится обо всемъ S;
(A) слѣд. P. говорится обо всемъ S.

(2) *Совершенные* (τέλειοι) типы силлогизма открыты *Аристотелемъ*. Открытіе это состояло не въ томъ только, что Аристотель доказалъ очевидность совершенства представленныхъ четырехъ типовъ, но и въ томъ, что онъ доказалъ, однажды навсегда, что никакихъ другихъ типовъ совершеннаго силлогизма не существуетъ, — иначе сказать, что всѣ другіе возможные типы силлогизма принадлежатъ къ *несовершеннымъ* (ἀτελεῖς), или прямо неправильнымъ.

Методъ Аристотеля, приводящій къ установленію логическаго ученія о совершенныхъ типахъ силлогизма, сводится въ настоящее время къ слѣдующему: во-первыхъ, къ опредѣленію *числа* всѣхъ *возможныхъ* типовъ силлогизма; — и во-вторыхъ, къ исключенію изъ найденнаго числа, прежде всего, тѣхъ типовъ, *неправильность* которыхъ очевидна при первой постановкѣ ихъ на почвѣ примѣровъ или опыта, — а затѣмъ, всѣхъ тѣхъ, правильность которыхъ *неочевидна*. — Это приводитъ къ установленію общихъ *правилъ*, уклоненіе отъ которыхъ представляется въ двухъ послѣднихъ классахъ силлогизмовъ. Конечнымъ послѣдствіемъ такой оцѣнки и являются *четыре типа* совершеннаго силлогизма.

Мы уже изложили конечныя пріобрѣтенія этого метода,—именно, во-первыхъ, общія *правила* совершенныхъ силлогизмовъ и, во-вторыхъ, самые типы совершеннаго силлогизма. Теперь обратимъ вниманіе на методъ, какимъ получаются эти пріобрѣтенія.

А. *Число* всѣхъ возможныхъ типовъ силлогизма опредѣляется, во-первыхъ, числомъ всѣхъ видовъ предложеній, дѣлимыхъ по качеству и количеству, т. е. A, E, I, O, — вмѣстѣ съ числомъ предложеній въ силлогизмѣ. — Найдено, что всѣ возможныя сочетанія A, E, I, и O—по количеству предложеній силлогизма, т. е. по три (AAA, AAE, AAI, AAO, AEA, AEE, AEI, AEO, AIA и т. д.), сводятся къ числу 64.

Изъ этого числа исключаются:

28 (съ двумя посылками отрицательными или частными) по правиламъ 5 и 7.

19 (съ слѣдствіемъ утвердительнымъ при посылкахъ отрица-

тельныхъ, и съ слѣдствіемъ общимъ, при посылкахъ частныхъ) по правиламъ 6 и 8.

6 (съ слѣдствіемъ отрицательнымъ при посылкахъ утвердительныхъ); и

1 по правилу 4.

Всего исключается, такимъ образомъ, 54; остается 10.

В. Между тѣмъ есть, во-вторыхъ, другой способъ опредѣленія числа всѣхъ возможныхъ типовъ силлогизма, — именно, по мѣсту, занимаемому въ посылкахъ силлогизма среднимъ терминомъ. Средній терминъ (M) можетъ занимать мѣсто подлежащаго въ большей посылкѣ и сказуемаго въ меньшей, — или наоборотъ; — что̀ изобразится такъ:

	M — P		P — M
	S — M	и	M — S
Слѣд.	S — P		S — P

Средній терминъ, будучи по объему, больше обоихъ другихъ, будетъ занимать мѣсто *сказуемаго* въ обѣихъ посылкахъ; а будучи по объему меньше ихъ, будетъ занимать мѣсто подлежащаго въ обѣихъ посылкахъ, — что̀ изобразится такъ:

	P — M		M — P
	S — M	и	M — S
Слѣд.	S — P		S — P

Эти различія силлогизмовъ, по положенію средняго термина въ посылкахъ, называются *схемами* или *фигурами* силлогизма.

Если бы всѣ 64 типа силлогизма, полученные по первому способу, помножить на число его схемъ или фигуръ, то мы получили бы цифру 256. Но такъ какъ, за выключеніемъ по правиламъ, ихъ осталось только 10, то это число 10 только и подлежитъ помноженію на 4. Найдено, однако, что только 1 типъ (EIO) изъ 10 допускаетъ всѣ *четыре* фигуры; шесть типовъ только *двѣ*, а три типа — только *одну*. Отсюда, выходитъ, что полученное раньше число 10 не можетъ быть увеличено болѣе чѣмъ на 19 правильныхъ типовъ.

Эти типы слѣдующіе:

AAA, EAE, AII, EIO, для первой фигуры.
EAE, AEE, EIO, AOO, для второй фигуры
AAI, IAI, AII, EAO, OAO, EIO, для третьей фигуры.
AAI, AEE, IAI, EAO, EIO, для четвертой фигуры.

Для памяти, эти сочетанія буквъ гласныхъ соединили съ согласными, образовавши изъ нихъ нѣкоторыя (ничего впрочемъ не значащія слова) и составили изъ этихъ словъ, съ прибавкою названія самыхъ фигуръ, слѣдующіе латинскіе стихи:

BArbArA, CElArEnt, DArII, FErIO prioris;
CEsArE, CAmEstrEs, FEstInO, BArOcO secundae;
Tertia: DArAptI, DIsAmIs, DAtIsI, FEIAptOn,
BOcArdO, FErIsOn habet; quarta insuper addit
BrAmAIIp, CAmEnEs, DImArIs, FEsApO, FrEsIsOn.

Типы силлогизмовъ, показанные въ этихъ фигурахъ названы ихъ *модусами* (modi) или *видоизмѣненіями*.

С. Разсматривая эти модусы фигуръ, найдемъ, что четыре модуса первой фигуры (Barbara, Celarent, Darii, Ferio) суть именно представленные раньше четыре типа совершеннаго силлогизма (AAA, EAE, AII, EIO); и слѣдовательно, модусы остальныхъ трехъ фигуръ суть тѣ типы силлогизмовъ, которые относятся къ несовершеннымъ, т. е. правильность которыхъ неочевидна, или которая оказывается очевидною только тогда, когда посредствомъ другихъ предложеній, получаемыхъ чрезъ „перестановку“, „обращеніе“ и „превращеніе“ ихъ посылокъ, сообщаютъ имъ видъ силлогизмовъ первой фигуры. Аристотель, признававшій только три тигуры, указалъ для второй и третьей самые способы ихъ редукціи къ первой; послѣдующіе писатели, считавшіе въ силлогизмѣ четыре фигуры, указали такіе способы редукціи и для четвертой. И что особенно любопытно, способы эти показаны въ тѣхъ же латинскихъ стихахъ, для знающихъ ключъ къ шифру нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ въ словахъ этихъ стиховъ.

Согласныя B, C, D, F, которыми начинаются слова модусовъ

трехъ послѣднихъ фигуръ показываютъ, къ какому модусу первой фигуры каждый изъ нихъ сводится, — такъ какъ послѣдніе начинаются тѣми же буквами. Напр. Cesare — второй фигуры сводится къ Celarent — первой.

Буквы r и t не имѣютъ значенія.
Буквы m, s, p и k означаютъ способы редукціи:
m — (metastasis) — черезъ перестановку посылокъ;
s — (conversio simplex) — черезъ простое обращеніе;
p — (conversio per limitationem) — обращеніе съ ограниченіемъ;
k — reductio ad impossibile.

Изъ всей этой системы редукціи силлогизмовъ трехъ послѣднихъ фигуръ къ силлогизмамъ первой становится безспорнымъ, что совершенствомъ, иначе очевидностью своей правильности, — обладаютъ только силлогизмы первой фигуры, т. е. представленные нами четыре типа совершеннаго силлогизма.

(3) О значеніи въ Логикѣ фигуръ силлогизма писатели новаго времени имѣютъ весьма неодинаковое мнѣніе Иные, — какъ авторы Логики Поръ-Рояля, — излагаютъ въ подробности ученіе о фигурахъ и модусахъ силлогизма, не придавая впрочемъ этому ученію большой цѣны; другіе ограничиваются только силлогизмами первой фигуры, — какъ сдѣлалъ *Вольфъ*, въ своемъ нѣмецкомъ учебникѣ; нѣкоторые держатъ средину между этимъ опытомъ Вольфа, и примѣромъ Логики Поръ-Рояля, — прибавляя къ изложенію первой фигуры нѣсколько примѣровъ изъ послѣднихъ (какъ у насъ *Струве*). Иные, также какъ и во времена схоластики, горячо настаиваютъ на важномъ значеніи ученія о четырехъ фигурахъ силлогизма, — напр. *Леве;* зато другіе почти, или вовсе, не останавливаются на немъ, какъ *Д. С. Милль, Зигвартъ, Вундтъ*. Въ русской литературѣ, многіе писатели подробно излагаютъ этотъ предметъ, — а именно *Новицкій, Карповъ, Свѣтилинъ* и *Владиславлевъ*. *Карповъ* весьма сильно настаиваетъ на важности фигуръ. Мы находимъ у него примѣръ проведенія одного и того же силлогизма по всѣмъ фигурамъ, — наглядно доказывающаго возможность редукціи силлогизмовъ всѣхъ фигуръ къ силлогизмамъ первой. А именно:

1) Все служащее къ образованію вкуса, не безполезно;
Поэзія служитъ къ образованію вкуса;
Слѣд. поэзія не безполезна.

2) Безполезное не служитъ къ образованію вкуса; но
Поэзія служитъ къ образованію вкуса;
Слѣд. поэзія не безполезна.

3) Все, служащее къ образованію вкуса, не безполезно; но
Нѣчто служащее къ образованію вкуса есть поэзія.
Слѣд. поэзія не безполезна.

4) Безполезное не служитъ къ образованію вкуса; но
Нѣчто служащее къ образованію вкуса есть поэзія.
Слѣд. поэзія не безполезна.

Правильное рѣшеніе вопроса о значеніи фигуръ силлогизма и ихъ модусовъ, повидимому, требуетъ другой постановки самаго вопроса. Ученіе о фигурахъ и модусахъ силлогизма составляетъ существенную часть того метода, которымъ оправдывается логическая теорія четырехъ типовъ совершеннаго силлогизма. Забыть это ученіе значило бы забыть важнѣйшія основанія логическаго ученія о силлогизмѣ, утративши его, пришлось бы возстановлять, или дѣлать вновь, давнее открытіе Аристотеля. Но, съ другой стороны, такъ какъ слишкомъ спеціальные методы, въ постановкѣ какого-нибудь ученія, дѣло спеціальныхъ трактатовъ; то мы не видимъ основанія указывать подробности спеціальнаго метода постановки ученія о совершенныхъ силлогизмахъ — не только въ учебникѣ, но даже и въ системѣ Логики.

5. Начало, изъ котораго выводятся всѣ правила силлогизма, называется *аксіомою* силлогизма. Аксіома силлогизма издавна получила двѣ формы выраженія: одну — по *объему* предложеній силлогизма, другую по ихъ *содержанію*.

1) По объему предложеній силлогизма, аксіома его выражена въ такъ-называемомъ Dictum de omni et de nullo, — что̀ составляетъ сокращеніе слѣдующихъ двухъ предложеній:

Quidquid de omni valet, valet etiam de quibusdam et singulis. Что утверждается о цѣломъ родѣ (или видѣ), то утверждается и о нѣкоторыхъ вещахъ рода, и о каждой порознь.

Quidquid de nullo valet, nec de quibusdam, nec de singulis valet. Что отрицается относительно цѣлаго рода (или вида), то отрицается и относительно нѣкоторыхъ вещей рода, и относительно каждой порознь.

Оба предложенія выражаются кратко такъ:

„Что утверждается или отрицается о цѣломъ классѣ, то утверждается или отрицается о каждой части этого класса".

Недостатокъ Dictum de omni et nullo заключается въ томъ, что оно не указываетъ на меньшую посылку силлогизма, и такимъ образомъ сливаетъ его съ такъ-называемыми непосредственными, т. е. кажущимися, умозаключеніями. Но этотъ недостатокъ устраняется слѣдующимъ ограниченіемъ его:

„Что истинно относительно цѣлаго класса, то истинно относительно каждой вещи, о которой въ правѣ говорить какъ о принадлежащей къ этому классу".

Выраженная такимъ образомъ, аксіома силлогизма исполняетъ всѣ предъявляемыя къ ней требованія какъ общему началу частныхъ правилъ силлогизма. Всѣ восемь правилъ силлогизма, прямо или косвенно, могутъ быть выведены изъ этой аксіомы. Такимъ образомъ, въ ней указывается на „общее предложеніе" (истину относительно цѣлаго класса), — слѣдовательно, средній и большій терминъ силлогизма, — и на предложеніе „подводящее" отдѣльную вещь (меньшій терминъ) подъ подлежащее общаго предложенія, — чѣмъ обнаруживается право на выводъ или „слѣдствіе". Такимъ образомъ, изъ этого Dictum вытекаютъ правила: о трехъ терминахъ, — о трехъ предложеніяхъ силлогизма; и т. д.

2) По содержанію предложеній, аксіома силлогизма выражена въ слѣдующихъ предложеніяхъ:

Nota notae est nota rei ipsius. „Признакъ признака есть признакъ самой вещи".

Repugnans notae repugnat rei ipsi. „Противное признаку противно самой вещи".

Предложенія эти будутъ понятнѣе, если мы укажемъ равносильныя имъ:

Въ формѣ *теоретической:*

„Вещь, которая сосуществуетъ съ другою вещью, сосуществующею съ третьею, сосуществуетъ съ этою третьею вещью".

„Вещь, сосуществующая съ другою вещью, съ которою третья вещь не сосуществуетъ, — не сосуществуетъ съ этою третьею вещью".

Въ формѣ *практической:*

„Все имѣющее какой-нибудь признакъ, имѣетъ и то, чего онъ есть признакъ".

Или общѣе:

„Все составляющее признакъ какого-нибудь признака, составляетъ признакъ и того, чего послѣдній служитъ признакомъ.

Примѣръ:

Всѣ люди смертны;

Цари люди;

Слѣд. Цари смертны.

Истолкованіе:

Свойства царя, составляющія признакъ свойствъ человѣка, суть признакъ и свойства смертности; такъ какъ вторыя свойства служатъ признакомъ послѣдняго.

Значеніе аксіомы силлогизма по содержанію, не ясное въ ученіи о самомъ силлогизмѣ, или простыхъ дедуктивныхъ умозаключеніяхъ, можетъ быть вполнѣ оцѣнено въ ученіи о сложныхъ дедукціяхъ.

(1) Корректура первой аксіомы силлогизма, т. е. Dictum de omni et nullo, сдѣлана *Бэномъ*. Въ своемъ обычномъ видѣ, „это правило говоритъ Бэнъ, кажется просто одною изъ формъ непосредственнаго за-

ключенія („subalternationis“): — „Всѣ люди, смертны“, отсюда, „этотъ человѣкъ, десять человѣкъ, нѣкоторые люди, смертны“. Это однако не есть та форма, которую дѣйствительно принимаетъ силлогизмъ. Намъ нужно доказать, что нѣкоторый предметъ смертенъ, — не называемый однако именемъ человѣка, а обозначаемый какимъ-нибудь другимъ названіемъ, — напр. „царь“. А мы не можемъ сказать: „Всѣ люди смертны“, поэтому, „цари смертны“, такой выводъ можетъ быть сдѣланъ только съ помощью промежуточнаго утвержденія: „цари люди“. — Указаніе на это отличіе силлогизма отъ раскрытія смысла даннаго предложенія per subalternationem и предлагается поправкою Бэна, внесенною въ формулу Dictum. Бэнъ не признаетъ второй формулы аксіомы силлогизма, и имѣетъ на своей сторонѣ многихъ логиковъ, — между прочимъ, *Вольфа;* изъ русскихъ писателей тотъ же взглядъ выраженъ у *Карпова, Свѣтилина.*

(2) Но вторая формула защищается *Д. С. Миллемъ,* который выставлялъ ее единственно реальнымъ выраженіемъ аксіомы силлогизма. Ему именно принадлежитъ приведенное нами истолкованіе Nota notae равносильными предложеніями. Примѣняя свой взглядъ на предложенія (изложенный нами въ Главѣ о смыслѣ предложеній) къ двумъ посылкамъ умозаключенія, Милль получаетъ слѣдующіе рельзультаты: „Бо́льшая посылка, — которая бываетъ всегда общею, — утверждаетъ, что вещи, имѣющія извѣстное свойство (или свойства), имѣютъ, или не имѣютъ, вмѣстѣ съ нимъ извѣстное другое свойство (или свойства). Меньшая посылка удостовѣряетъ, что вещь, или совокупность вещей, служащія подлежащимъ этой посылки, имѣютъ первое изъ названныхъ свойствъ; а заключеніе, что онѣ имѣютъ (или не имѣютъ) и второе. Такъ въ примѣрѣ:

Всѣ люди смертны;
Сократъ человѣкъ;
Слѣдов.
Сократъ смертенъ,

подлежащее и сказуемое бо́льшей посылки суть термины соозначающіе, – означающіе предметы и соозначающія свойства. Въ боль-

большей посылкѣ утверждается, что вмѣстѣ съ одною изъ двухъ совокупностей свойствъ мы всегда находимъ и другую; что свойства соозначаемыя терминомъ „человѣкъ“ никогда не существуютъ безъ сопровожденія ихъ свойствомъ называемымъ смертностью.

„Въ меньшей посылкѣ утверждается, что недѣлимое, называемое Сократомъ, обладаетъ первыми свойствами; и отсюда выводится, что онъ обладаетъ и свойствомъ смертности. Или, если обѣ посылки будутъ предложеніями общими, какъ:

Всѣ люди смертны;
Всѣ цари люди;
Слѣдов.
Всѣ цари смертны,

меньшая посылка утверждаетъ, что свойства, соозначаемыя терминомъ „царь“, существуютъ только въ сопровожденіи другихъ, обозначаемыхъ словомъ „человѣкъ“. Бо́льшая, какъ и прежде, утверждаетъ, что послѣднія изъ упомянутыкъ свойствъ никогда не встрѣчаются безъ свойства смертности. Слѣдствіе — то, что всюду, гдѣ находятся свойства обозначаемыя словомъ „царь“, находится и свойство смертности.

„Если-бы бо́льшая посылка была отрицательною, какъ напр. „Ни одинъ человѣкъ не всемогущъ“, то она утверждала бы не то, что свойства, соозначаемыя терминомъ „человѣкъ“, никогда не сусуществуютъ безъ свойствъ, соозначаемыхъ терминомъ „всемогущъ“, — а напротивъ, что они никогда не существуютъ вмѣстѣ съ послѣдними; изъ чего, вмѣстѣ съ меньшею посылкою, получилось бы заключеніе, что та же несовмѣстность существуетъ между свойствами всемогущества и свойствами царя. — Такому же разбору мы могли бы подвергнуть и всякій другой примѣръ силлогизма.

„Если мы обобщимъ этотъ процессъ, и будемъ смотрѣть на начало или законъ, скрытый, въ каждомъ такомъ умозаключеніи и предполагаемый во всякомъ силлогизмѣ, предложенія котораго не чисто словесны: то найдемъ — — основное начало, или лучше два начала, поразительно сходныя съ математическими аксіомами. Первое — начало утвердительныхъ силлогизмовъ — то, что вещи,

сосуществующія съ съ тою же вещью, сосуществуютъ другъ съ другомъ; или (точнѣе), вещь, которая сосуществуетъ съ другою вещью, сосуществующею съ третьей, сосуществуетъ и съ этою третьею вещью. Второе — начало отрицательныхъ силлогизмовъ — сводится къ слѣдующему: вещь сосуществующая съ другою вещью, съ которою третья вещь не сосуществуетъ, — не сосуществуетъ съ этой третьей вещью".—Переводя изложеніе силлогизма, съ одного способа выраженія смысла предложеній, на другой, Милль подводитъ всякій силлогизмъ подъ слѣдующую общую формулу:

„Свойство А есть признакъ свойства В;
Данный предметъ имѣетъ признакъ А;
Слѣдов.
Данный предметъ имѣетъ свойство В.

„Приведенныя къ этому виду умозаключенія, служившія намъ образчиками силлогизма — продолжаетъ Милль — выразятся слѣдующимъ образомъ:

Свойства человѣка суть признакъ свойства смертности;
Сократъ имѣетъ свойства человѣка;
Слѣдов.
Сократъ имѣетъ и свойство смертности.

Или еще:

Свойства человѣка суть признакъ свойства смертности;
Свойства царя суть признакъ свойствъ чоловѣка;
Слѣдов.
Свойства царя суть признакъ свойства смертности.

И наконецъ:

Свойства человѣка суть признакъ отсутствія свойства всемогущества;
Свойства царя суть признакъ свойствъ человѣка;
Слѣдов.
Свойства царя суть признакъ отсутствія свойства означаемаго именемъ всемогущества (или суть очевидный показатель отсутствія этого свойства).

„Соотвѣтственно этому измѣненію формы силлогизмовъ, должны преобразоваться и аксіомы, на которыхъ основанъ силлогистическій процессъ При этой, измѣненной фразеологіи, объ (его, Милля) аксіомы могутъ получить одно общее выраженіе; именно, что все имѣющее какой нибудь признакъ, имѣетъ и то, чего онъ есть признакъ. Или, когда меньшая посылка будетъ, подобно бо́льшей, общею, мы можемъ выразить это такъ: Все, что составляетъ признакъ какого-нибудь признака, составляетъ признакъ и того, чего послѣдній есть признакъ“.

Д. С. Милль имѣетъ на своей сторонѣ также многихъ писателей, между прочимъ *Канта,* которому изъ русскихъ слѣдовали въ этомъ отношеніи *Пащенко и Рождественскій*.

(3) Бэнъ не отказываетъ этой формулѣ аксіомы въ нѣкоторыхъ преимуществахъ передъ первою; но не принимаетъ ее потому, что она не отвѣчаетъ потребностямъ теоріи силлогизма, не выражая самой существенной черты послѣдняго. „Она не приноровлена, говоритъ Бэнъ, къ типу дедуктивнаго умозаключенія, какъ противоположности индукціи, — именно, приложенія общаго начала къ спеціальному случаю“. „Правильный взглядъ на силлогизмъ — точно такъ же какъ на понятіе и предложеніе — требуетъ обоснованія его на объемѣ, опредѣляя впрочемъ послѣдній соозначеніемъ или содержаніемъ“; между тѣмъ объемъ-то предложеній именно и игнорируется этою формулою аксіомы.

На возраженія Бэна, Д. С. Милль далъ отвѣтъ въ послѣднемъ изданіи своей „Системы Логики“, — который заключается словами, что „та и другая формулы имѣютъ свое значеніе, свое мѣсто въ Логикѣ“; и что „если dictum de omni выдвигаетъ фактъ приложенія общаго начала къ частному случаю, то аксіома имъ предложенная выдвигаетъ единственное условіе, которое дѣлаетъ это приложеніе реальнымъ выводомъ“.

Поэтому, во многихъ сочиненіяхъ, явившихся послѣ этого спора (напр. П. Жанэ, Ліяра), излагаются объ формулы аксіомы силлогизма, — какъ это дѣлалось и раньше многими писателями по Логикѣ. Изъ русскихъ такъ поступилъ *Новицкій*.

(4) Въ пополненіе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, прибавимъ, что авторы, дѣлающіе синтезъ силлогизма не изъ предложеній, а изъ

терминовъ, — какъ это показано выше, въ ученіи объ опредѣленіи силлогизма, — передаютъ Nota notae сообразно своему синтезу. Такимъ образомъ, есть аксіомы силлогизма, поставленныя на основаніи терминовъ силлогизма какъ именъ, — напр. слѣдующія *С. Джевонса:* „Два термина, согласующіеся съ однимъ и тѣмъ же третьимъ терминомъ, согласуются и между собою. Два термина, изъ которыхъ одинъ согласуется, а другой не согласуется съ однимъ и тѣмъ же третьимъ терминомъ, не согласуются и другъ съ другомъ". На синтезѣ изъ понятій построены слѣдующія аксіомы силлогизма: — *Гэмильтона:* „Насколько два понятія или оба согласны, — или одно согласно, а другое не согласно, — съ третьимъ общимъ имъ понятіемъ; настолько же эти понятія согласны или несогласны между собою". *Томсона:* „Согласіе или несогласіе одного понятія съ другимъ удостовѣряется третьимъ понятіемъ, насколько послѣднее, вполнѣ или въ той же части, согласно съ обоими, или только съ однимъ изъ сравниваемыхъ понятій". *Вундта:* „Если различныя сужденія, чрезъ общія имъ понятія, поставлены въ какое-нибудь отношеніе, то и понятія, не общія такимъ сужденіямъ, ставятся въ какое-нибудь отношеніе, находящее свое выраженіе въ новомъ сужденіи" — На синтезѣ изъ вещей основаны слѣдующія аксіомы *Райковскаго:* „Два предмета, согласные съ третьимъ, должны быть согласны и между собою; или, наоборотъ, два предмета, несогласные съ третьимъ, должны быть не согласны и между собою". — Всѣ эти аксіомы страдаютъ указаннымъ недостаткомъ Nota notae, за исключеніемъ аксіомы Томсона, которая сближается съ Dictum, но уступаетъ послѣднему въ ясности. — Аксіома Райковскаго ближе другихъ къ выраженію Д. С. Милля, но указываетъ не на реальныя отношенія вещей, а на логическія (согласіе и несогласіе), — совершенно какъ терминовъ, или понятій. — *С. Джевонсъ,* какъ и нѣкоторые другіе писатели, пытаются вывесть аксіому силлогизма изъ такъ-называемыхъ „законовъ мышленія" (тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго); *Бэнъ* основательно опровергаетъ это мнѣніе. — *Де-Морганъ* дѣлаетъ попытку подвести аксіому силлогизма, вмѣстѣ съ аксіомами математики, подъ болѣе общее начало, которое онъ выражаетъ такъ: „Отношеніе отношенія есть отношеніе сочетанное изъ двухъ".

6. Оканчивая изложеніе теоріи силлогизма, нерѣдко задавали вопросъ: обнимаетъ ли эта теорія дедукціи всѣ реальныя умозаключенія, передаваемыя въ трехъ предложеніяхъ, по тремъ отношеніямъ содержащихся въ нихъ трехъ терминовъ?

Еще логика Поръ-Рояля отвѣтила на это отрицательно. И доказательствомъ тому могутъ быть представлены математическія умозаключенія *a fortiori*, и нѣкоторыя другія, не выводимыя изъ аксіомы силлогизма. Умозаключенія a fortiori идутъ по аксіомѣ, которую можно выразить такъ: „Если А больше В, и В больше С, то А больше С“. Или, какъ выражалъ ее *Де-Морганъ*: „Бо́льшее бо́льшаго еще больше“. Эти и другія математическія аксіомы, „служащія къ сравненію количествъ, какъ равныхъ или неравныхъ, опираются“, по замѣчанію Бэна, „на свою собственную спеціальную фактическую очевидность“.

Между тѣмъ, къ этимъ реальнымъ умозаключеніямъ несиллогистическаго характера постепенно прибавлялись другія, которыя вовсе не принадлежатъ къ реальнымъ умозаключеніямъ. Такъ-называемыя *условныя* и *раздѣлительныя* умозаключенія, за выключеніемъ пріемовъ раскрытія смысла предложеній посредствомъ „замѣщенія“ и „разложенія“, — не представляютъ никакихъ особенностей, сравнительно съ указанными типами силлогизма.

(1) Аристотель не признавалъ условныхъ и раздѣлительныхъ умозаключеній рядомъ съ изложенными типами, которые названы позднѣе категорическими, хотя примѣры совершенныхъ силлогизмовъ часто приводилъ въ условной формѣ. Ученіе объ условныхъ и раздѣлительныхъ умозаключеніяхъ явилось позднѣе, въ школѣ Аристотеля и у Стоиковъ. Въ новое время, одни, къ общему ученію о силлогизмѣ, прибавляютъ спеціальное только объ условныхъ (какъ Логика *Поръ-Рояля, Гётченсонъ, Лётце)*; другіе — объ условныхъ и раздѣлительныхъ (какъ *Вольфъ, Кантъ, Рейхлинъ-Мельдегъ, Вундтъ, Лёве, Лодій, Рождественскій, Лащенко,*

Карповъ, Владиславлевъ; Струве). *Д. С. Миллъ*, своимъ разборомъ условныхъ и раздѣлительныхъ предложеній привелъ, однако, къ убѣжденію, что здѣсь рѣчь идетъ только о предложеніяхъ, эквивалентныхъ простымъ или категорическимъ; поэтому *Бэнъ* перенесъ спеціальное ученіе объ условныхъ и раздѣлительныхъ умозаключеніяхъ въ ученіе о раскрытіи смысла данныхъ предложеній.

(2) Совершенно такое же спеціальное значеніе имѣютъ, примыкающіе къ предыдущимъ, силлогизмы *условно-категорическіе* (Ибервега, Пащенко, *раздробительные* (Михневича), *соединительные* (Лодія, Свѣтилина). Это — раскрытіе смысла данныхъ предложеній посредствомъ „*разложенія*“ и „*замѣщенія*“ ихъ, или посредствомъ сложенія двухъ предложеній въ одно, — дѣйствія противоположнаго ихъ разложенію

(3) Точно также лишены отдѣльнаго реальнаго значенія такъ-называемые *Кругомъ* (которому слѣдовалъ *Райковскій*) силлогизмы *аналитическіе*, которые онъ отличалъ отъ принятыхъ силлогизмовъ четырехъ фигуръ, по одному измѣненію мѣста ихъ посылокъ Обыкновенно силлогизмы изображаются такъ: сначала *бо́льшая* посылка, потомъ *меньшая*, и наконецъ *слѣдствіе*; напр.

M — P
S — M
S — P, для 1-й фигуры; и т. д.

Кругъ думалъ получить новые силлогизмы, поставивши посылки въ другомъ порядкѣ, напр., для той же фигуры:

S — M
M — P
S — P.

Однако, это нововведеніе не имѣло успѣха, и только привело къ новому правилу, — что *смыслъ* силлогизма не измѣняется отъ *мѣста* его посылокъ.

(4) Наконецъ есть умозаключенія, содержащія три термина и однако не подходящія подъ типы силлогизма; ихъ называютъ умозаключеніями на основаніи *корреляціи* терминовъ или понятій. Такъ какъ силлогизмы основаны также на корреляціи терми-

новъ—именно корреляціи *подчиненія* (subsumtio),—то, за исключеніемъ послѣднихъ, остаются собственно два вида умозаключеній корреляціи: 1) *тожества* или *равенства,* и 2) *относительности*, или различныхъ отношеній, не подходящихъ подъ отношенія подчиненія, и тожества или равенства Психологи обратили вниманіе на эти умозаключенія. Въ анализѣ ихъ любопытно то, что они представляютъ косвенную корреляцію понятій, опирающуюся на ихъ прямую корреляцію, разсматриваемую въ логическомъ ученіи о раскрытіи смысла данныхъ предложеній, и представляющую психологу первый шагъ въ операціи умозаключенія. — такъ-называемые *непосредственные* выводы

Разсматривая умозаключенія корреляціи въ отмѣченныхъ двухъ отдѣлахъ, нельзя не признать, что умозаключенія *тожества* и *равенства,*—какова бы ни была ихъ субъективная или психологическая природа, — въ Логикѣ, если только они являются въ формѣ *уравненій,* — должны быть разсматриваемы какъ дедукціи мнимыя, — какъ раскрытіе смысла данныхъ предложеній или формулъ per substitutionem, т е. посредствомъ „замѣщенія". Само собою разумѣется, что это отнюдь не отвергаетъ реальныхъ дедукцій равенства, какъ въ геометріи. Что же касается умозаключеній *относительности,* то, не отвергая ихъ реальности, можно сомнѣваться, чтобы перенесеніе ихъ, изъ области психологіи, въ область Логики было когда-нибудь серьезнымъ успѣхомъ для послѣдней, — по той простой причинѣ, что умозаключенія эти, какъ отличныя отъ дедукцій въ логическомъ смыслѣ, доступны объясненію *примѣрами,* но не обѣщаютъ составить изъ себя сколько-нибудь важный отдѣлъ логики умозаключеній, не имѣя для себя ни аксіомъ, ни правилъ.

Умозаключенія корреляцій *тожества* (равенства) и *относительности* обратили на себя вниманіе логиковъ особенно послѣ трудовъ, съ одной стороны, *Буля* и *С. Джевонса,* послѣдовательно работавшихъ, подъ первоначальнымъ вліяніемъ *В. Гэмильтона,* между прочимъ въ интересахъ такъ-называемой логической *символики,*—а съ другой, Де-Моргана. Мы представляемъ здѣсь краткіе очерки ихъ ученій.

А. *Ученіе Гэмильтона.*

Ученіе Гэмильтона, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть то самое, которое отчасти было указано нами, въ Главѣ о „раскрытіи смысла даннаго предложенія“, — т. е. именно ученіе о „квантификаціи“ сказуемаго. Гэмильтонъ, какъ мы замѣтили, предположилъ устранить различіе способовъ обращенія предложеній, придавая сказуемымъ предложеній знакъ количества, какъ онъ дается подлежащимъ.

Исполняя мысль Гэмильтона, мы получили бы, при дѣленіи предложеній по количеству, уже не *четыре* (A, E, I, O), а *восемь* видовъ предложеній, которые Гэмильтонъ называетъ, удвоивъ количество предложеній,—

Обще — общими (AA, EE);
Обще — частными (AI, OE);
Частно — общими (IA, OE);
Частно — частными (II, OO). Примѣры:

1) *Всѣ* треугольники суть *всѣ* трехсторонніе.
2) *Всѣ* треугольники суть *нѣкоторыя* фигуры.
3) *Нѣкоторыя* фигуры суть *всѣ* треугольники.
4) Нѣкоторыя равностороннія фигуры суть *нѣкоторыя* треугольники.

Прибавляя, къ этимъ примѣрамъ утвердительныхъ предложеній, соотвѣтственные отрицательные, получимъ образчики всѣхъ восьми видовъ предложеній съ квантифицированнымъ сказуемымъ.

Важность этого ученія Гэмильтона была признана тѣми писателями, которыя въ квантификаціи сказуемаго увидѣли средство свести всѣ силлогизмы къ силлогизмамъ *равенства* или *тожества*, замѣняющимъ формулу: M есть P; S есть M, слѣдов. S есть P, другою;

M = P
S = M
Слѣд. S = P.

Потому что квантификація сказуемаго заключаетъ *уравненіе по объему* сказуемаго съ подлежащимъ.

Такъ какъ логическіе типы силлогизма представляютъ, какъ сказано, корреляціи *подчиненія* (subsumtio), исключая изъ своего круга умозаключенія *равенства* и *тожества* (какъ и *относительности*) то, посредствомъ квантификаціи сказуемаго, надѣялись обобщить теорію силлогизма, захвативъ въ нее всѣ корреляціи терминовъ.

Д. С. Милль высказался слѣдующимъ образомъ объ этомъ ученіи Гэмильтона. Это ученіе „есть дѣйствительно прибавленіе къ теоріи силлогизма; и сверхъ того имѣетъ то преимущество (передъ „численно-опредѣленнымъ силлогизмомъ“ Де-Моргана), что добавляемыя имъ формы дѣйствительно пригодны для оцѣнки правильности умозаключенія; такъ какъ предложенія обыкновенной формы могутъ всегда получить квантификацію своихъ сказуемыхъ и затѣмъ быть подведены подъ правила сэръ-Вильяма Гэмильтона. Разсматриваемое, однако, какъ прибавленіе къ *наукѣ* Логики, т. е. къ анализу умственныхъ процессовъ, содержащихся въ умозаключеніи, — новое ученіе — признаюсь — кажется мнѣ не только излишнимъ, но и ошибочнымъ; потому что форма, въ которую оно облекаетъ предложенія, не выражаетъ, подобно обыкновенной формѣ, того, что есть въ умѣ говорящаго, когда онъ высказываетъ предложеніе. Я не могу признать сэръ-Вильяма Гэмильтона правымъ, когда онъ утверждаетъ, что „количество сказуемаго всегда подразумѣвается въ мысли“. Оно обнимается предложеніемъ, но не присуще уму утверждающаго его. Квантификація сказуемаго, вмѣсто того чтобы служить средствомъ внесенія въ смыслъ предложенія большей ясности, въ дѣйствительности склоняетъ умъ отъ предложенія къ другому порядку идей. Потому что, когда мы говоримъ: „всѣ люди смертны, мы не думаемъ утверждать ничего другого кромѣ свойства смертности всѣхъ людей; не думаемъ вовсе о *классѣ* смертныхъ in concreto, или не заботимся о томъ, содержитъ ли онъ какія-нибудь другія существа или нѣтъ. Только ради какой-нибудь искусственной цѣли, мы смотримъ иногда на предложеніе такимъ образомъ, что и сказуемое его мыслится такъ же какъ имя класса, обнимающее или только подлежащее или подлежащее и нѣчто болѣе“.

B. Ученіе Буля и С. Джевонса.

Д. С. Милль, въ своей крикикѣ Гэмильтона, ясно показываетъ всю искусственность квантификаціи сказуемаго при всѣхъ обстоятельствахъ. Но идея *уравненія* подлежащаго и сказуемаго во всѣхъ предложеніяхъ не могла не произвести своего впечатлѣнія на математиковъ; явились попытки свести силлогизмъ къ „уравненію“ въ математическомъ смыслѣ, достигающему слѣдствія посредствомъ „замѣщенія“ (substitutio) однихъ названій, или знаковъ, другими. Какъ скоро силлогизмъ сводится къ „уравненію“, ничто не мѣшаетъ ученіе о силлогизмѣ выразить языкомъ алгебры. Это именно и было исполнено *Булемъ. С. Джевонсъ,* ученикъ Буля, полагаетъ, что результаты, полученные Булемъ съ помощью приложенія алгебры къ Логикѣ, могутъ быть получены и безъ помощи математики. Въ своемъ Учебникѣ Логики С. Джевонсъ говоритъ: „Я имѣлъ возможность получить совершенно такіе же результаты какъ Буль, вовсе не прибѣгая къ математикѣ; и хотя тотъ весьма простой процессъ, который я намѣренъ описать здѣсь, едва ли можетъ быть названъ строго логикой Буля, однако онъ очень сходенъ съ нею, и можетъ доказать все то, что доказывалъ Буль“. Это позволяетъ намъ ограничиться изложеніемъ системы Буля въ обработкѣ С. Джевонса.

„Законъ исключеннаго третьяго“,— говоритъ Джевонсъ,— даетъ намъ возможность утверждать, что всякая вещь должна или имѣть данное качество или не имѣть его. Такъ, если *желѣзо* будетъ вещь, а *сгораемость* качество, то всякій долженъ усмотрѣть, что

Желѣзо или сгораемо или несгораемо.

Такое дѣленіе альтернативъ можетъ быть повторяемо какое угодно число разъ. Такъ, пусть книга будетъ классъ вещей подлежащихъ дѣленію, а англійскій и научный — два качества. Тогда всякая книга должна быть или англійскою или не англійскою; далѣе, англійская книга должна быть или научною или не научною, и то же самое можно сказать о книгахъ не англійскихъ.

Поэтому, мы можемъ сразу раздѣлить книги на 4 класса:

Книги, англійскія и научныя.
Книги, англійскія и не научныя.
Книги, не англійскія и научныя.
Книги, не англійскія и не научныя.

Это можно назвать *исчерпывающимъ дѣленіемъ* класса книгъ. Потому что невозможна такая книга, которая не подходила бы подъ то или другое изъ этихъ четырехъ дѣленій, на томъ простомъ основаніи, что если она не подходитъ ни подъ одно изъ трехъ первыхъ, то должна подходить подъ послѣднее. Этотъ процессъ можетъ быть повторяемъ безъ конца, пока есть возможность придумать какое-нибудь новое обстоятельство, какъ основаніе дѣленія. Такъ, мы можемъ, далѣе, дѣлить каждый классъ, смотря потому, будутъ ли книги въ осьмушку или нѣтъ, переплетены или нѣтъ, напечатаны въ Лондонѣ или еще гдѣ нибудь; и т. д Мы будемъ называть этотъ процессъ двухчленнаго дѣленія — *раскрытіемъ термина,* потому что онъ всегда даетъ возможность раскрыть наибольшее число альтернативъ, какія нужно разсмотрѣть.

Говоря вообще, невѣроятно, чтобы всѣ альтернативы, разложенныя или раскрытыя такимъ образомъ, могли существовать; и дальнѣйшимъ дѣломъ будетъ удостовѣриться въ томъ, какія изъ нихъ существуютъ или могутъ существовать. Законъ противорѣчія утверждаетъ, что ничто не можетъ соединять въ себѣ противорѣчащихъ свойствъ или качествъ, и если мы встрѣтимъ какой-нибудь терминъ, заключающій въ себѣ *самопротиворѣчіе,* то имѣемъ право тотчасъ же вычеркнуть его изъ списка. Разсмотримъ теперь — — примѣръ силлогизма:

Желѣзо есть металлъ;
Всѣ металлы суть элементы;
Слѣд. желѣзо есть элементъ.

Мы легко можемъ доказать это заключеніе посредствомъ косвеннаго метода, потому что если раскроемъ терминъ желѣзо, то получимъ четыре альтернативы, а именно:

Желѣзо, металлъ, элементъ.
Желѣзо, металлъ, не-элементъ.
Желѣзо, не-металлъ, элементъ.
Желѣзо, не-металлъ, не-элементъ.

Но если мы сравнимъ каждую изъ этихъ альтернативъ съ посылками силлогизма, то будетъ ясно, что нѣкоторыя изъ нихъ существовать не могутъ. Желѣзо, какъ было заявлено, есть металлъ. Поэтому, классъ вещей „Желѣзо, не металлъ“ не можетъ существовать. Такимъ образомъ, первая посылка дастъ намъ право вычеркнуть двѣ послѣднія альтернативы, которыя соединяютъ желѣзо и не-металлъ. Далѣе, вторая альтернатива соединяетъ металлъ и не-элементъ; но такъ какъ вторая посылка заявляетъ, что „всѣ металлы суть элементы“, то и эту альтернативу слѣдуетъ вычеркнуть. Затѣмъ остается только одна альтернатива могущая существовать, если посылки вѣрны; и такъ какъ не возможно себѣ представить еще другихъ какихъ-нибудь альтернативъ кромѣ разсмотрѣнныхъ; то изъ этого демонстративно слѣдуетъ, что желѣзо встрѣчается только въ комбинаціи съ качествами металла и элемента, или кратко, что оно есть элементъ.

Но мы можемъ доказать не только обыкновенное силлогистическое заключеніе, но и всякое другое, какое можетъ быть выведено изъ тѣхъ же посылокъ; потому что силлогистическое заключеніе есть только одно изъ многихъ, какія можно получить изъ данныхъ посылокъ. Предположимъ, что мы желаемъ узнать, какова природа термина или класса *не-элементъ*, насколько это можно узнать изъ приведенныхъ посылокъ. Мы можемъ раскрыть альтернативы этого термина, точно такъ, какъ мы поступили съ желѣзомъ, и получимъ слѣдующее:

Не-элементъ, желѣзо, металлъ.
Не-элементъ, желѣзо, не-металлъ.
Не-элементъ, не-желѣзо, металлъ.
Не-элементъ, не-желѣзо, не-металлъ.

Сравнимъ, какъ и прежде, эти комбинаціи съ посылками. Легко видѣть, что первая комбинація не можетъ существовать, потому что всѣ металлы суть элементы; по этой же самой причинѣ не можетъ существовать третья; вторая также исключается, потому что желѣзо есть металлъ и не можетъ существовать въ комбинаціи съ качествами не-металла. Поэтому остается только одна комбинація для представленія желаемаго класса, а именно

Не-элементъ, не-желѣзо, не-металлъ.

Такимъ образомъ мы узнаемъ изъ посылокъ, что всякій неэлементъ не есть металлъ и не желѣзо.

Другимъ примѣромъ этого рода дедуктивнаго процесса я могу взять случай раздѣлительнаго силлогизма въ отрицательной формѣ:

Грибъ есть или растеніе или животное.
Грибъ не есть животное;
Слѣд. онъ есть растеніе.

Если мы раскроемъ всѣ возможные виды комбинаціи, въ какихъ могутъ быть другъ съ другомъ — грибъ, растеніе и животное, то получимъ для термина грибъ —

(1) Грибъ, растеніе, животное.
(2) Грибъ, растеніе, не-животное.
(3) Грибъ, не-растеніе, животное.
(4) Грибъ, не-растеніе, не-животное.

Изъ двухъ комбинацій, 4-я не можетъ существовать вслѣдствіе посылки, что грибъ долженъ быть растеніемъ, а если не растеніемъ, то животнымъ. Точно также 1-я и 3-я не могутъ существовать, потому что меньшая посылка заявляетъ, что грибъ не есть животное. Поэтому, остается только вторая комбинація —

Грибъ, растеніе, не-животное, —

изъ которой мы и узнаемъ силлогистическое заключеніе, что „грибъ есть растеніе“.

Главное преимущество этого способа дедукціи состоитъ въ томъ, что онъ не ограниченъ какою-нибудь опредѣленною серіею формъ, подобно силлогизму, но приложимъ, безъ всякихъ добавочныхъ правилъ, ко всѣмъ родамъ предложеній или проблемъ, какія только можно себѣ представить и формулировать Возможно всякое число посылокъ, и онѣ могутъ содержать всякое число терминовъ; все что намъ нужно сдѣлать, чтобы получить всякое возможное заключеніе, — это раскрыть требуемый терминъ во всѣхъ его альтернативахъ и затѣмъ изслѣдовать, какія изъ нихъ

согласны съ посылками. Все что остается послѣ этого изслѣдованія, должно составлять описаніе и характеристику термина. Единственное неудобство такого метода состоитъ въ томъ, что съ увеличеніемъ числа терминовъ очень быстро увеличивается число альтернативъ, — и скоро становится скучно писать ихъ всѣ. Эту работу можно сократить, если вмѣсто терминовъ ставить буквы, въ родѣ того какъ это дѣлается въ алгебрѣ; такъ мы можемъ взять *A*, *B*, *C*, *D* и проч., и поставить ихъ вмѣсто утвердительныхъ терминовъ, а *a*, *b*, *c*, *d* и проч. поставить вмѣсто соотвѣтствующихъ имъ отрицательныхъ. Возьмемъ для перваго примѣра посылки:

Органическое вещество есть или растительное или животное.

Растительное вещество состоитъ главнымъ образомъ изъ углерода, водорода и азота.

Животное вещество состоитъ главнымъ образомъ изъ углерода, водорода и азота.

Было бы долго выписывать всѣ комбинаціи четырехъ, находящихся здѣсь терминовъ; но если вмѣсто терминовъ поставить буквы въ такомъ видѣ:

A = органическое вещество,
B = растительное вещество,
C = животное вещество,
D = состоящее главнымъ образомъ изъ углерода, водорода и азота,

то легко можемъ представить всѣ комбинаціи, которыя могутъ получиться для термина A.

(1) *ABCD.* *AbCD* (5)
(2) *ABCd* *AbCd* (6)
(3) *ABcD* *AbcD* (7)
(4) *ABcd* *Abcd* (8)

А наши посылки сводятся къ положеніямъ, что —

A должно быть или *B* или *C*,
B должно быть *D*,
C должно быть *D*.

Комбинація 7-я и 8-я несовмѣстны съ первою посылкой; комбинаціи 2-я и 4 я со второй, а 6-я съ третьей. Поэтому остаются только:

ABCD,
A B c D,
A b c D.

Отсюда мы сразу узнаемъ, что органическое вещество *(A)* всегда состоитъ главнымъ образомъ изъ углерода, водорода и азота, потому что она всегда встрѣчается въ связи съ *D*...“

„Чтобы показать силу этой системы на болѣе сложной задачѣ разсмотримъ посылки разбираемыя Булемъ въ его Laws of Thought, стр 125:

„Подобныя фигуры суть тѣ, у которыхъ соотвѣтствующіе углы равны и соотвѣтствующія стороны пропорціональны.

Треугольники, у которыхъ соотвѣтствующіе углы равны, имѣютъ соотвѣтствующія стороны пропорціональными; и vice versâ.

Треугольники, у которыхъ соотвѣтствующія стороны пропорціональны, имѣютъ соотвѣтствующіе углы равными“.

Если мы теперь возьмемъ наши буквы въ такомъ видѣ:

A — подобная фигура,
B — треугольникъ,
C — имѣющій соотвѣтствующіе углы равными,
D — имѣющій соотвѣтствующія стороны пропорціональными,

то посылки равнозначущи положеніямъ, что

A тожественно съ *CD,*
BC тожественно съ *BD;*

другими словами, всѣ *A* должны быть *CD,* и *CD* должны быть *A;* всѣ *BC* должны быть *BD,* и всѣ *BD* должны быть *BC.*

Комбинаціи, въ какихъ могутъ быть соединены наши буквы, возможны въ числѣ 16; и они суть слѣдующія:

ABCD	*aBCD*
ABCd	*aBCd*
ABcD	*aBcD*
ABcd	*aBcd*
AbCD	*abCD*
AbCd	*abCd*
AbcD	*abcD*
Abcd	*abcd*

Сравнивая каждую изъ этихъ комбинацій съ посылками, мы видимъ, что *ABCd, ABcD, ABcd* и друг. нужно вычеркнуть, потому что по посылкамъ всякое *A* должно быть также *CD*. Комбинаціи *aBCD* и *abCD* также должны быть вычеркнуты, потому что каждое *CD* должно быть также *A*. Затѣмъ, *aBCd* не совмѣстно съ тѣмъ условіемъ, что всякое *BC* должно быть *BD;* и если читатель тщательно продолжитъ тотъ же процессъ испытанія, то останется только шесть комбинацій, которыя согласны съ посылками, именно,—

ABCD	*aBcD*
AbCD	*abCd*
	abcD
	abcd

Изъ этихъ комбинацій мы можемъ извлечь какое угодно описаніе класссовъ вещей, согласно съ посылками. Классъ *A* или подобныхъ фигуръ представленъ только двумя комбинаціями или альтернативами; отрицательный классъ *a* или неподобныхъ фигуръ — четырьмя комбинаціями; откуда мы можемъ вывесть слѣдующее заключеніе: „Неподобныя фигуры состоятъ изъ всѣхъ треугольниковъ, которые не имѣютъ соотвѣтствующихъ угловъ равными, а сторонъ пропорціональными *(aBcd),* и изъ всѣхъ фигуръ, которыя не треугольники, и которыя имѣютъ или углы равными, но стороны непропорціональными *(abCd),* или соотвѣт-

ствующія стороны пропорціональными, но углы не равными *(abcD)*, или не имѣютъ ни соотвѣтствующихъ угловъ равными, ни соотвѣтствующихъ сторонъ пропорціональными *(abcd)*".

„При употребленіи этого метода умозаключенія, скоро замѣчается, что онъ поступаетъ весьма простымъ механическимъ способомъ, и единственное его неудобство состоитъ въ обширномъ числѣ альтернативъ или комбинацій, подлежащихъ испытанію. Поэтому, я придумалъ нѣсколько способовъ, которыми можно сократить работу..." Стэнли Джевонсъ описываетъ затѣмъ эти способы, къ числу которыхъ относится и то, что̀ онъ называетъ *логическими счетами* и *логической машиной*.

C. Ученіе де-Моргана.

Логическое ученіе Де-Моргана замѣчательно между прочимъ тѣмъ, что онъ обратилъ вниманіе на другой порядокъ корреляцій внѣ круга подчиненія терминовъ, — именно корреляцій *относительности*.

1. Ученіе Де-Моргана передано сжато въ слѣдующемъ изложеніи Ліяра: „По мнѣнію Де-Моргана и логиковъ усвоившихъ его воззрѣніе, *связки* (copules) сочетающія, въ предложеніяхъ, подлежащія и сказуемыя, далеко не похожи одна на другую. Отсюда вытекало бы, что предложенія, а слѣдовательно и силлогизмы не представляютъ въ основѣ того тожества, какое имъ придается въ большей части логическихъ трактатовъ. Вотъ напр. нѣсколько образцовъ связокъ не сводимыхъ къ другимъ:

1) Тѣ которыя не влекутъ корреляціи соединяемыхъ терминовъ и которымъ не соотвѣтствуютъ коррелятивныя связки. Такова связка *есть*, когда она отмѣчаетъ включеніе подлежащаго въ сказуемое, или принадлежность подлежащему качества означаемаго сказуемымъ. Напр. „Человѣкъ есть смертный", т. е. человѣкъ содержится въ классѣ смертныхъ, если свойство смертности принадлежитъ человѣку. Такія предложенія не допускаютъ простого обращенія.

2) Связки, отмѣчающія корреляцію соединяемыхъ терминовъ. Онѣ довольно многочисленны. Это, во-первыхъ, связка *есть*, когда

она означаетъ тожество. Примѣры: Иванъ единственный сынъ Павла; — Прямоугольный треугольникъ есть всякая доля ровной поверхности (surface plane), ограниченная тремя прямыми линіями,

Такова же связка *равенства:* A = B; 5 = 3 + 2. Таковы же нѣкоторыя другія связки, какъ братъ такого-то, сосѣдъ такого-то, и т. д. Петръ — братъ Павла, Андрей — сосѣдъ Ивана.

Термины связанные такими связками могутъ замѣщать другъ друга, безъ перемѣны истины предложенія. Такъ, приведенныя предложенія я могу замѣнить равносильными: Единственный сынъ Павла — Иванъ; Всякая доля ровной поверхности, ограниченная тремя прямыми линіями, есть прямолинейный треугольникъ; Павелъ — братъ Петра; Иванъ — сосѣдъ Андрея.

3) Связки, соединяющія термины не коррелятивные, но которымъ отвѣчаютъ въ мысли и въ рѣчи связки коррелятивныя. Примѣры:

(есть) больше чѣмъ	коррелятивъ	(есть) меньше чѣмъ;
— выше —	—	— ниже —
— прежде —	—	— позже —
— отецъ кого	—	— сынъ кого
— дядя кого	—	— племянникъ кого
даетъ кому	—	получаетъ отъ кого
(есть) причина чего	—	(есть) дѣйствіе чего
— начало чего	—	— слѣдствіе чего.

Каждая изъ этихъ связокъ можетъ входить въ различныя силлогистическія сочетанія. Такъ я могу сказать:

A больше B;
B меньше C;
Слѣд. A больше C.

Такимъ образомъ, было бы столько же типовъ силлогизмовъ, изъ которыхъ каждый повинуется одному или нѣсколькимъ руководящимъ началамъ, подъ высшимъ ручательствомъ формальныхъ законовъ мысли, — сколько есть типовъ связокъ не сводимыхъ къ другимъ".

(2) Д. С. Милль замѣчаетъ самую оригинальную черту де-Морганової теоріи умозаключенія въ ея попыткѣ подчинить строгимъ техническимъ правиламъ тѣ случаи, въ которыхъ слѣдствіе можетъ быть выведено изъ посылокъ, причисляемыхъ обыкновенно къ частнымъ. „Де-Морганъ, говоритъ Милль, справедливо замѣчаетъ, что изъ посылокъ: бо́льшая часть BS суть CS и бо́льшая часть BS суть AS — можно вывести съ достовѣрностью, что нѣкоторыя AS суть CS; потому что двѣ доли класса B, изъ которыхъ каждая обнимаетъ болѣе половины, должны по необходимости состоять отчасти изъ тѣхъ же недѣлимыхъ". Точно также, если 60% B содержится въ C, и 70% въ A, то по крайней мѣрѣ 30% должны быть общи обоимъ". Д. С. Милль не отрицаетъ, что сдѣланное въ этихъ случаяхъ де-Морганомъ стоило сдѣлать однажды (можетъ быть и болѣе одного раза, въ видѣ школьнаго упражненія); но онъ не допускаетъ, чтобъ „изученіе этихъ выводовъ и усвоеніе ихъ достигало какой-нибудь практической цѣли".

ГЛАВА VIII.

Сложныя дедуктивныя умозаключенія.

1. Дедуктивное умозаключеніе бываетъ *сложнымъ* (или „цѣпью“ дедукцій), когда можетъ быть выражено двумя (или болѣе) силлогизмами, связанными такимъ образомъ, что слѣдствіе одного служитъ посылкою другого.

1) Если мы умозаключаемъ такимъ образомъ:

A есть B; но
B есть C; а
C есть D;
Слѣдов. A есть D,

то наше умозаключеніе можетъ быть представлено въ формѣ двухъ силлогизмовъ, связанныхъ такимъ образомъ, что слѣдствіе предыдущаго (просиллогизма) служитъ посылкою послѣдующаго (эписиллогизма). А именно:

(1) A есть B; но
B есть C;
Слѣдов. A есть C.
(2) A есть C; но
C есть D;
Слѣдов. A есть D.

Это — символика того порядка, когда мы отъ слѣдствія идемъ къ посылкамъ. Поэтому техническій порядокъ предложеній этихъ силлогизмовъ будетъ такой:

(1) B есть C;
A есть B;
Слѣдов. A есть C.

(2) C есть D;
A есть C;
Слѣдов. A есть D.

Въ той и другой формѣ, наше умозаключеніе выражено двумя силлогизмами, притомъ такъ, что въ первой формѣ, слѣдствіе предыдущаго является *верхнею* посылкою послѣдующаго; а во второй, слѣдствіе предыдущаго является *нижнею* посылкою послѣдующаго. Слѣдовательно, наше умозаключеніе есть *сложное* дедуктивное умозаключеніе.

2) Разсматривая сложное дедуктивное умозаключеніе, со стороны объема выражающихъ его предложеній, можно опредѣлить его какъ *косвенное* приложеніе (общаго) начала (или началъ) къ какому-нибудь частному факту;— т. е. приложеніе при помощи другого начала (или началъ) меньшей общности.

Косвенное приложеніе началъ — къ доказательству, объясненію или предсказанію частныхъ фактовъ — вызывается попыткою подвести данный частный случай подъ извѣстное общее начало, которая удается послѣ открытія какого-нибудь начала, занимающаго по общности средину между подводимымъ частнымъ и началомъ, подъ которое пытаются подвести его.

Такимъ образомъ, приведенный нами типъ сложнаго дедук-

тивнаго умозаключенія, по объему выражающихъ его предложеній, можетъ быть истолкованъ такъ: Что

A есть D — это вытекаетъ изъ начала
C есть D, подъ которое первое предложеніе подводится косвенно при помощи менѣе общаго начала
B есть C.— Подведеніе содержится въ предложеніи:
A есть B.—

А это должно, по порядку общности всѣхъ предложеній, придать данному умозаключенію слѣдующій видъ:

C есть D (первое начало);
B есть C (второе начало);
A есть B (подведеніе подъ второе);
A есть D (подведеніе подъ первое):

3) Разсматривая сложное дедуктивное умозаключеніе со стороны *содержанія* выражающихъ его предложеній, можно опредѣлить его какъ открытіе свойства (или свойствъ) вещи (или опять свойствъ) черезъ признаки признаковъ.

Съ этой точки зрѣнія, тоже умозаключеніе можетъ быть передано такъ:

A обладаетъ свойствомъ (или свойствами) B;
но свойство B есть признакъ свойства C;
свойство C есть признакъ свойства D;
Слѣдов. A обладаетъ и свойствомъ D.

Или—въ технической формѣ отъ общаго къ частному:

Свойство C есть признакъ свойства D; а
свойство B есть признакъ свойства C;
A обладаетъ свойствомъ B;
Слѣдов. A обладаетъ и свойствомъ D.

Истолкованіе сложнаго дедуктивнаго умозаключенія по содержанію его предложеній, показываетъ весьма ясно, что сложныя дедукціи образуются естественно и неизбѣжно, по мѣрѣ того, какъ устанавливаются *признаки признаковъ*, — т. е. по мѣрѣ образованія связи между началами дедукцій.

(1) Послѣднее опредѣленіе сложныхъ дедуктивныхъ умозаключеній опирается на вторую формулу аксіомы силлогизма, т. е. Nota notae; и очевидно, что оно лучше всѣхъ другихъ проливаетъ свѣтъ на процессъ сложныхъ дедукцій. *Д. С. Миллъ,* предпочитающій эту формулу аксіомы силлогизма, именно въ виду ея важности для объясненія сложныхъ дедукцій, истолковываетъ ходъ послѣднихъ слѣдующимъ образомъ. Возьмемъ слѣдующую форму силлогизма:

1. (Свойство) А есть признакъ (свойства) В (первое начало);
   Х обладаетъ (свойствомъ) А;
   Слѣд. Х обладаетъ и (свойствомъ) В.

Предположимъ, что фактъ утверждаемый меньшею посылкою, извѣстенъ намъ изъ прямого наблюденія: мы видимъ или чувствуемъ, что Х обладаетъ А. Тогда для нашего слѣдствія мы не нуждаемся ни въ чемъ, кромѣ того начала, что А есть В, или А есть признакъ В.

Предположимъ теперь, что фактъ, заключающійся въ томъ, что Х обладаетъ свойствомъ В, не подлежитъ чувствамъ; допустимъ однако, какъ фактъ прямого наблюденія, что Х обладаетъ С, и что извѣстно притомъ, что С обладаетъ А. Тогда, для поддержанія меньшей посылки нашего силлогизма, мы будемъ имѣть умозаключеніе, которое выразится въ слѣдующемъ силлогизмѣ:

2. С есть признакъ А (второе начало)
   Х обладаетъ С;
   Слѣд. Х обладаетъ и А.

Предположимъ, далѣе, что и второй фактъ, что Х обладаетъ С, не подлежитъ непосредственно наблюденію: чувства даютъ знать

только то, что X обладаетъ свойствомъ D, но при этомъ извѣстно, что D есть признакъ C. Тогда, для поддержанія меньшей посылки второго силлогизма, получается третій силлогизмъ:

3. D есть признакъ C;
X обладаетъ (свойствомъ) D;
Слѣд. X обладаетъ и (свойствомъ) C.
И т. д.

Ясно, что образовавшееся такимъ путемъ умозаключеніе можетъ быть передано кратко такъ:

(Свойство) A есть признакъ (свойства) B;
(Свойство) C есть признакъ (свойства) A;
(Свойство) D есть признакъ (свойства) C.
X обладаетъ свойствомъ D;
Слѣд. X обладаетъ и свойствомъ B.

„Предположимъ, говоритъ Миллъ, слѣдующій силлогизмъ: „Всякій мышьякъ ядовитъ; вещество лежащее передъ нами есть мышьякъ; слѣдов. оно ядовито“. Истинность меньшей посылки здѣсь можетъ и не быть ясною съ перваго взгляда; она можетъ не быть очевидною интуитивно (изъ наблюденія), но можетъ быть узнанною только посредствомъ вывода. Она можетъ быть слѣдствіемъ другого доказательства, которое, представленное въ силлогистической формѣ, имѣло бы такой видъ: Все что при горѣніи даетъ на бѣломъ фарфорѣ, подносимомъ къ пламени, темное пятно, растворимое въ гипохлоридѣ кальція (хлорноватисто-известковой соли), то-есть мышьякъ; вещество лежащее передо мною соотвѣтствуетъ этому условію; слѣдов. оно — мышьякъ. Такимъ образомъ, чтобы установить конечное слѣдствіе, что лежащее передо мною вещество ядовито, нуженъ процессъ, который, для передачи его въ силлогистической формѣ, потребуетъ двухъ силлогизмовъ. И вотъ у насъ цѣпь дедуктивныхъ умозаключеній“.

(2) Сложныя дедуктивныя умозаключенія должны быть отличаемы:

Во-первыхъ, отъ двухъ (или болѣе) силлогизмовъ, не связан-

ныхъ между собою указаннымъ способомъ, но имѣющихъ то же слѣдствіе. Напр.

1) B есть C;
A есть B;
Слѣд. A есть C.

2) R есть C;
A есть R;
Слѣд. A есть C.

Эти заключенія не связаны между собою такимъ образомъ, чтобы слѣдствіе предыдущаго было посылкою послѣдующаго. Слѣд. это не сложная дедукція, а простая.

Во-вторыхъ, отъ простыхъ дедукцій, соединенныхъ съ раскрытіемъ смысла посылокъ или слѣдствій; напр.: Всѣ философы, какъ люди, смертны; слѣдов. и англійскіе. Это — дедукція простая; потому что слѣдствіе: „англійскіе философы смертны", есть только раскрытіе смысла предложенія: „Всѣ философы смертны". Но эта дедукція, представляя энтимему: „всѣ философы, какъ люди смертны", и слѣдствіе изъ ней: „англійскіе философы смертны", имѣетъ видъ сложной (называемой эпихеремой).

Въ-третьихъ, отъ простого раскрытія смысла даннаго предложенія посредствомъ субституціи, или замѣщенія равнозначащими терминами, выраженнаго отдѣльными предложеніями. Таковъ примѣръ *Карпова:*

„Всякое человѣческое тѣло сложно;
Все сложное разложимо;
Все разложимое можетъ разстраиваться;
Все разстраивающееся разрушимо;
Всякое разрушеніе живущаго есть смерть.
Слѣд. всякое человѣческое тѣло подвержено смерти".

Здѣсь между первымъ и послѣднимъ предложеніемъ вставлены предложенія, указывающія равнозначащіе термины для сказуемаго перваго предложенія; именно:

Сложное — разложимое
Разложимое — разстраивающееся;
Разстраивающееся — разрушимое;
Разрушеніе живущаго — смерть.

Въ этомъ примѣрѣ совсѣмъ нѣтъ реальной дедукціи, ни сложной, ни простой. Это только словесный видъ дедукціи.

Таковъ же примѣръ Ліяра:

$10 = 9 + 1;$
$9 + 1 = 6 + 4;$
$6 + 4 = 5 + 5;$
слѣд. $10 = 5 + 5.$

Какъ далеко можно итти въ простой субституціи выраженій, имѣющей наружный видъ сложной дедукціи, это можно наблюдать весьма часто у древнихъ философовъ, особенно изъ школы элейской, и у Платона. Образчикомъ мы можемъ представить первую половину разсужденій Парменида, въ разговорѣ Платона, носящемъ имя этого элейскаго философа. Парменидъ доказываетъ, что Единому Сущему не свойственны предикаты *цѣлости, предѣловъ, вида* (фигуры), *мѣстопребыванія, движенія* и *покоя*, — слѣдующимъ образомъ:

Единое (сущее) не имѣетъ частей.

Единое не есть многое;
А части суть многое;
Слѣд. Единое не имѣетъ частей.

Единое не есть цѣлое.

Единое не имѣетъ частей;
А цѣлое имѣетъ части;
Слѣд. единое не есть цѣлое.

Единое не имѣетъ предѣловъ.

Единое не имѣетъ ни начала, ни средины, ни конца;
А предѣлы суть начало и конецъ;
Слѣд единое безпредѣльно.

Единое не имѣетъ вида.

Видъ имѣетъ предѣлы;
А единое безпредѣльно;
Слѣд. единое безвидно.

Единое не есть ни въ другомъ ни въ себѣ.

Быть въ другомъ значитъ имѣть предѣлы;
Но единое безпредѣльно;
Слѣд. единое не есть въ другомъ.

Быть въ себѣ значитъ быть сложнымъ;
Но единое не имѣетъ частей;
Слѣд. единое не есть и въ себѣ.

Единому не свойственны ни движеніе, ни покой.

Движеніе есть или измѣненіе, или передвиженіе.
Но единое не можетъ измѣняться.
Измѣненія суть множество;
А единое не есть многое;
Слѣд. единое не можетъ измѣняться.
Единое не можетъ и передвигаться.
Передвиженіе есть обращеніе вокругъ своего центра, или перемѣщеніе центра.
Но обращеніе вокругъ своего центра требуетъ частей;
А единое не имѣетъ частей.
Слѣд. единое не можетъ обращаться вокругъ своего центра.
А перемѣщеніе означаетъ предыдущее пребываніе въ одномъ мѣстѣ и послѣдующее въ другомъ;
Но единое не пребываетъ ни въ чемъ;
Слѣд. единое не можетъ и перемѣщаться.
Единому не свойственъ и покой.
Покоиться значитъ пребывать въ чемъ нибудь неподвижно;
Но единое не есть ни въ чемъ;
Слѣд. единому не свойственъ и покой.

2. Сложныя дедуктивныя умозаключенія имѣютъ различныя формы: во-первыхъ, *сокращенныя*, которыя называютъ *эпихеремами* и *соритами;* и во-вторыхъ, *полныя,* называемыя *полисиллогизмами.*

Все ученіе о формахъ сложныхъ дедукцій развилось изъ наблюденій надъ осложненіемъ силлогизма *энтимемами.* Отсюда именно вышло ученіе о сокращенныхъ формахъ сложныхъ дедукцій, эпихеремѣ и соритѣ. Это *энтимематическія* формы сложныхъ дедукцій.

Эпихеремою называется сложная дедукція, выраженная силлогизмомъ, посылкою или посылками котораго служатъ энтимемы. Напр.

1) Всѣ M, какъ M′, суть P;
Всѣ S суть M;
Слѣд. Всѣ S суть P.

Всѣ жидкости, какъ физическія тѣла, упруги;
Ртуть есть жидкость;
Слѣд. ртуть упруга,

2) Всѣ M суть P;
Всѣ S, какъ S′, суть M;
Слѣд. всѣ S суть P.

Всѣ физическія тѣла упруги;
Ртуть, какъ жидкость, есть физическое тѣло.
Слѣд. ртуть упруга.

3) Всѣ M, какъ M′ суть P;
Всѣ S, какъ S′ суть M;
Слѣд. всѣ S суть P.

Энтимемы, представленныя здѣсь въ одномъ предложеніи, могутъ быть и изъ двухъ предложеній. Напр.

Всѣ M суть P, — потому что суть M′;
Всѣ S суть M;
Слѣд. Всѣ S суть P.

3. *Соритомъ*, въ формальныхъ логикахъ, называется сложная дедукція, выраженная послѣдовательностью *четырехъ* (и болѣе) предложеній, изъ которыхъ одно бываетъ *слѣдствіемъ*, одно *меньшею* посылкою, а остальныя *началами*.

1) То умозаключеніе, которое мы поставили первымъ примѣромъ сложной дедукціи,— а именно:

А есть В;
В есть С;
С есть D;
Слѣд. А есть D,—

представляетъ именно примѣръ *сорита*.

2) Соритъ изъ четырехъ и пяти предложеній получается изъ эпихеремы, когда энтимемы ея выражаются двумя предложеніями, и послѣднія занимаютъ соотвѣтствующее ихъ объему мѣсто въ *ряду* другихъ предложеній эпихеремы. Такимъ образомъ изъ эпихеремы перваго типа получимъ слѣдующій соритъ:

M′	есть	P;	S	есть M;	A есть B;
M	есть	M′; (Или:)	M	есть M′; (То же что:)	B есть C;
S	есть	M;	M′	есть P;	C есть D;
Слѣд. S	есть	P.	S	есть P.	A есть D.

Всѣ физическія тѣла упруги;
Всѣ жидкости суть физическія тѣла;
Ртуть есть жидкость;
Слѣд. ртуть упруга.

Изъ эпихеремы втораго типа получаемъ слѣдующій соритъ:

M	есть	P;	S	есть S′;	A есть B;
S	есть	M; (Или:)	S′	есть M; (То же что:)	B есть C;
S	есть	S′;	M	есть P;	C есть D;
Слѣд. S	есть	P.	S	есть P.	A есть D.

Всѣ физическія тѣла упруги;
Всѣ жидкости суть физическія тѣла;

Ртуть есть жидкость;
Слѣд. ртуть упруга.

Изъ третьяго типа получится соритъ изъ пяти предложеній:

M′	есть	P;	S	есть	S′;	A	есть	B;
M	есть	M′;	S′	есть	M;	B	есть	C;
S′	есть	M; (Или:)	M	есть	M′; (Тоже что:)	C	есть	D;
S	есть	S′;	M′	есть	P;	D	есть	E;
Слѣд. S	есть	P.	S	есть	P.	A	есть	E.

3) Первые два примѣра показываютъ до очевидности, что сориты изъ четырехъ предложеній суть простое преобразованіе эпихоремы; и что двѣ первыя формы эпихоремы, принявшія видъ реальныхъ соритовъ, не представляютъ ни малѣйшей разницы. Такъ какъ третья форма даетъ только удлиненіе сорита на одно предложеніе, то ясно, что и этотъ видъ эпихоремы не представляетъ никакого реально-новаго типа сложныхъ дедукцій. Вотъ почему многіе писатели и оставляютъ безъ вниманія эпихоремы, излагая теорію сложныхъ дедуктивныхъ умозаключеній какъ соритовъ.

4) Представленные нами символическіе примѣры сорита показываютъ, что одинъ и тотъ же соритъ можетъ быть изложенъ двоякимъ образомъ (подобно тому какъ это дѣлается и съ силлогизмомъ): можно отъ самаго общаго предложенія (M есть P, или M′ есть P), черезъ рядъ предложеній уменьшающейся общности (M есть M′; S′ есть M; M есть M′, S′ есть M) и меньшую посылку (S есть M; S есть S′) притти къ слѣдствію (S есть P). Можно поступить и такъ: меньшую посылку (S есть M; S есть S′) поставить во главѣ сорита, а потомъ черезъ рядъ предложеній увеличивающейся общности (M есть M′, M′ есть P; S′ есть M, M есть P; S есть M, M есть M′, M′ есть P) придти къ слѣдствію (S есть P).

Соритъ, предложенія котораго расположены въ первомъ порядкѣ, т. е. отъ болѣе общаго предложенія къ слѣдствію,—называется *нисходящимъ, прогрессивнымъ.* Соритъ, предложенія котораго расположены во второмъ порядкѣ,—отъ менѣе общаго, черезъ рядъ болѣе и болѣе общихъ, къ слѣдствію,—называется *восходящимъ, прогрессивнымъ.*

(1) Очевидно, что оба вида сорита, восходящій и нисходящій, суть реально одинъ и тотъ же соритъ, состоящій изъ тѣхъ же самыхъ частей (началъ, меньшей посылки и слѣдствія), хотя занимающихъ не тѣ же мѣста въ порядкѣ его предложеній. Тѣмъ не менѣе, эту разницу выраженія того же сложнаго дедуктивнаго умозаключенія не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія. Оригинальный процессъ сложной реальной дедукціи (какъ можно видѣть, напр., изъ объясненій Милля, изложенныхъ выше) есть собственно процессъ *восхожденія* отъ меньшей посылки къ болѣе общимъ предложеніямъ, занимающимъ, по объему, средину между нею и первымъ даннымъ началомъ. Слѣдовательно, собственнымъ выраженіемъ его будетъ соритъ *восходящій;* такъ что соритъ нисходящій долженъ быть разсматриваемъ какъ позднѣйшая перестановка предложеній восходящаго сорита, въ согласіе съ требованіями техники силлогизма, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ самое общее предложеніе. Вотъ почему соритъ нисходящій называется также *обратнымъ.* Названіе сорита восходящаго *аналитическимъ,* а обратнаго *синтетическимъ,* должно быть замѣчено въ видѣ подготовки къ ученію о такъ называемомъ *анализѣ* и *синтезѣ* геометровъ.

(2) Такъ какъ соритъ можетъ быть выраженъ въ формѣ двухъ или болѣе силлогизмовъ, то его разсматриваютъ какъ сложное дедуктивное заключеніе, состоящее изъ трехъ частей: а) *слѣдствія;* б) *меньшей посылки,* которою бываетъ предложеніе, имѣющее своимъ подлежащимъ (S) подлежащее слѣдствія; и в) *большихъ посылокъ* (двухъ или болѣе), готовыхъ стать началами отдѣльныхъ силлогизмовъ, въ которыхъ можетъ быть выраженъ соритъ. Сообразно съ этою терминологіею состава сорита, установлены слѣдующія правила его:

1. *Только меньшая посылка,* подобно слѣдствію, *можетъ быть частною.* Это отвѣчаетъ типамъ совершенныхъ силлогизмовъ, въ которыхъ меньшая посылка можетъ быть частною (I).

2. *Только самая общая посылка можетъ быть отрицательною.* Потому что, если бы и другая какая-нибудь посылка была отрицательною, то послѣдствіемъ было бы то, что одинъ изъ силлогизмовъ, въ которыхъ можетъ быть выраженъ сорить, получилъ бы *отрицательную меньшую* посылку,—что противорѣчитъ типамъ совершеннаго силлогизма.

(3) Соритъ, выраженный въ предложеніяхъ *категорическихъ,* можетъ быть переданъ и въ другихъ предложеніяхъ,—напр. *относительныхъ, условныхъ, модальныхъ* и т. д. Примѣры—

1) *Въ относительныхъ* (соритъ нисходящій):

Что обладаетъ свойствами физическаго тѣла, то обладаетъ и упругостью;

Что обладаетъ свойствами жидкости, то обладаетъ свойствами физическаго тѣла;

Ртуть обладаетъ свойствами жидкости;

Слѣд. ртуть обладаетъ и упругостью.

Или (соритъ восходящій):

Ртуть обладаетъ свойствами жидкости.

Что обладаетъ свойствами жидкости, то обладаетъ свойствами физическаго тѣла;

Что обладаетъ свойствами физическаго тѣла, то обладаетъ упругостью;

Слѣд. ртуть обладаетъ упругостью.

2) *Въ модальныхъ:*

Ртуть обладаетъ свойствами жидкости;

Что обладаетъ свойствами жидкости, то должно обладать свойствами физическаго тѣла;

Что обладаетъ свойствами физическаго тѣла, то должно обладать упругостью;

Слѣд. ртуть должна обладать упругостью.

3) *Въ условныхъ:*

Ртуть обладаетъ свойствами жидкости.

Если вещь обладаетъ свойствами жидкости, то обладаетъ свойствами физическаго тѣла;

Если она обладаетъ свойствами физическаго тѣла, то обладаетъ и упругостью;

Слѣд. ртуть обладаетъ упругостью.

Приводимъ два извѣстные сорита изъ *Сенеки* и *Цицерона:*

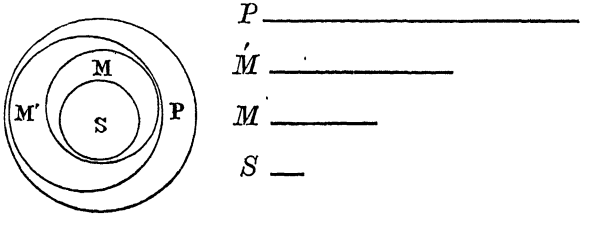
Si prudens est, temperans est;
Si temperans est, et constans est;
Si constans est, et imperturbatus est;
Si imperturbatus est, sine tristitia est;
Si sine tristitia est, beatus est;
At hic, quem nominavi, prudens est;
Ergo idem beatus est.

(Сенека).

Si omnia fato fiunt, omnia causis antecedentibus fiunt;
Si hoc, omnia naturali colligatione contente contexteque fiunt;
Quod si ita est, omnia necessitas efficit;
Id si verum est, nihil in nostra potestate;
At est aliquid in nostra potestate;
Non igitur fato fiunt, quaecunque eveniunt.

(Цицеронъ).

(4) Реальное тожество восходящаго и нисходящаго сорита всего нагляднѣе можно представить линейною схемою сорита:



4. *Соритъ Милля.* Разсмотрѣнный нами соритъ формальной логики, въ обѣихъ видахъ своего выраженія отличается замѣчательною простотою своего построенія. Примыкая къ этому уче-

нію, Д. С. Милль, на основаніи своихъ наблюденій надъ классами сложныхъ дедуктивныхъ умозаключеній, ввелъ въ Логику иной типъ сорита, отличающійся бо́льшею сложностью,— а именно:

A есть признакъ D
B „ „ E
C „ „ F
Но DEF есть признакъ N.
Слѣдов. ABC есть признакъ N.

(1) Д. С. Милль объясняетъ свой типъ сорита слѣдующимъ образомъ. „Предположимъ, для примѣра, — говоритъ онъ, — сочетаніе слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) лучи свѣта падаютъ (impinging) на отражающую поверхность; 2) поверхность параболическая; 3) лучи параллельны другъ другу и оси поверхности. Требуется доказать, что стеченіе этихъ трехъ обстоятельствъ есть признакъ того, что отраженные лучи пройдутъ сквозь фокусъ параболической поверхности. Теперь, каждое изъ этихъ трехъ обстоятельствъ порознь есть признакъ чего-нибудь существеннаго въ данномъ случаѣ. Лучи свѣта, падающаго на отражающую поверхность, признакъ того, что эти лучи будутъ отражены подъ угломъ, равнымъ углу паденія. Параболическая форма поверхности есть признакъ того, что линія проведенная отъ какой-нибудь ея точки къ фокусу, и линія параллельная оси, будутъ составлять съ поверхностью углы равные. Наконецъ параллельность лучей относительно оси есть признакъ, что ихъ уголъ паденія совпадаетъ съ однимъ изъ этихъ равныхъ угловъ. Эти три признака, взятые вмѣстѣ, суть поэтому признакъ всѣхъ этихъ трехъ вещей въ соединеніи. А соединенныя вмѣстѣ, эти три вещи суть очевидно признакъ того, что уголъ отраженія долженъ совпадать съ другимъ изъ двухъ равныхъ угловъ, именно образуемымъ линіею проведенною къ фокусу; а это опять, по основной аксіомѣ касательно прямыхъ линій, есть признакъ того, что отраженные лучи пройдутъ сквозь фокусъ“.

„Большая часть цѣпей физической дедукціи, прибавляетъ Милль, принадлежитъ къ этому сложному типу; и даже въ мате-

матикѣ онѣ встрѣчаются въ изобиліи, — напр. во всѣхъ теоремахъ, въ которыхъ гипотеза заключаетъ много условій: „*Если* взять кругъ, и *если* въ этомъ кругѣ взять точку, но не центръ, и *если* провести линіи отъ этой точки къ окружности, то и проч.".

(2) Очевидно, что соритъ Милля отличается отъ давняго сорита Логики тѣмъ, что послѣдній представляетъ всегда одну цѣпь, или одинъ рядъ дедукцій, а первый нѣсколько цѣпей или рядовъ, сходящихся своими концами. При всей своей высшей сложности, соритъ Милля также можетъ быть выраженъ въ двухъ порядкахъ предложеній, — т. е. *восходящемъ* и *нисходящемъ*.

5. *Полисиллогизмами* называются *полныя* или *силлогистическія* формы сложныхъ дедуктивныхъ умозаключеній, состоящія изъ *цѣпи силлогизмовъ*.

Всякая сложная дедукція, выраженная въ формѣ сокращенной,— эпихермы или сорита,— можетъ быть построена и въ формѣ полисиллогизма, или полной.

(1) *Эпихерема,* съ энтимемою въ большей посылкѣ:

М, какъ М′, есть Р;
S есть М;
Слѣдов. S есть Р;

Полисиллогизмъ:

1) М′ есть Р;
М есть М′;
Слѣдов. М есть Р.

(Или:)

1) М есть М′;
S есть М;
S есть М′.
2) М′ есть Р;
S есть М′;
S есть Р.

Эпихерема:

Всѣ жидкости, какъ физическія тѣла упруги;
Ртуть есть жидкость;
Слѣд. ртуть упруга.

Полисиллогизмъ:

1) Всѣ физическія тѣла упруги; Всѣ жидкости суть физическія тѣла; Слѣд. Всѣ жидкости упруги.	(Или:)	1) Всѣ жидкости суть физическія тѣла; Ртуть есть жидкость; Ртуть есть физическое тѣло.
2) Всѣ жидкости упруги; Ртуть есть жидкость; Слѣд. Ртуть упруга.		2) Всѣ физическія тѣла упруги. Ртуть есть физическое тѣло; Слѣд. ртуть упруга.

(2) Для сорита, изъ той же эпихремы—:

M′ есть P;
M есть M′;
S есть M;
Слѣд. S есть P,—

по приведеніи его въ силлогистическую форму, получится, очевидно, тотъ же самый полисиллогизмъ.

Для этого требуется: принять два первыя предложенія (M′ — P, M — M′) за двѣ посылки, бо́льшую и меньшую, и вывести изъ нихъ слѣдствіе, именно M — P; выведенное слѣдствіе обратить въ большую посылку второго силлогизма, которая, вмѣстѣ съ меньшею посылкою сорита (S — M), дастъ слѣдствіе S — P.

Силлогизмъ, доставляющій посылку другому, въ составѣ полисиллогизма, — называется *просиллогизмомъ;* а получающій посылку отъ другого — *эписиллогизмомъ*.

Для обращенія въ полисиллогизмъ *восходящаго* сорита, — напр.

S есть M;
M есть M′;
M′ есть P;
Слѣд. S есть P,—

требуется меньшую посылку сорита (S есть M) поставить на свое мѣсто послѣ слѣдующей за нею бо̀льшей (M — M′; S — M), и вывесть первое слѣдствіе (S есть M′); затѣмъ принять третье предложеніе сорита за бо́льшую посылку второго силлогизма, сдѣлать меньшею посылкою полученное слѣдствіе, и вывесть конечное слѣдствіе (S — P).

(3) Соритъ Милля долженъ быть выраженъ въ силлогистической формѣ слѣдующимъ образомъ:

1) A если признакъ D.
   Здѣсь есть A,
      Слѣд. здѣсь должно быть и D.
2) B есть признакъ E.
   Здѣсь есть B;
      Слѣд. здѣсь есть и E.
3) C есть признакъ F.
   Здѣсь есть C;
      Слѣд. здѣсь должно быть и F.
4) Гдѣ есть вмѣстѣ A B и C, тамъ должны быть вмѣстѣ D, E и F.
   Здѣсь есть вмѣстѣ A, B и C;
      Слѣд. Здѣсь должны быть вмѣстѣ и D, E и F.
5) Соединеніе D, E и F есть признакъ N.
   Здѣсь соединены вмѣстѣ D, E и F;
      Слѣд. здѣсь должно быть и N.

(4) Подобно тому какъ въ ученіе о силлогизмѣ вводятъ ученіе о *раздѣлительномъ* силлогизмѣ, —въ ученіе о цѣпяхъ дедуктивныхъ умозаключеній вводятъ сложныя формы раздѣлительнаго силлогизма: *дилеммы, трилеммы, тетралеммы* и т. д., въ которыхъ представляются сложные случаи раскрытія смысла данныхъ предложеній.

Ученіе объ эпихеремахъ, соритахъ и полисиллогизмахъ представлено весьма подробно у *Рейхлина-Мельдегa,* — изъ русскихъ писателей—у *Лодія, Пащенко, Карпова, Свѣтилина* и *Владиславлева.*

ГЛАВА IX.

Общее ученіе о дедуктивномъ доказательствѣ.

1. *Дедуктивное доказательство* (Demonstratio) есть всякая дедукція, дающая, въ слѣдствіи, какую-нибудь *истину*, какое-нибудь *знаніе*.

1) Умозаключеніе не потеряетъ характера дедукціи и тогда, когда слѣдствіе его окажется *ложнымъ*

Гораздо болѣе; дедукція, дающая ложное слѣдствіе, можетъ быть совершенно правильна, съ точки зрѣнія правилъ совершенныхъ типовъ силлогизма. Напр.:

Всѣ животныя млекопитающія не имѣютъ позвоночной системы;

Собаки — животныя млекопитающія.

Слѣдов. собаки не имѣютъ позвоночной системы.

Этотъ примѣръ удовлетворяетъ всѣмъ правиламъ силлогизма; тѣмъ не менѣе слѣдствіе ложно. Почему? потому что первая посылка, начало дедукціи, ложна,— такъ какъ всѣ животныя млекопитающія принадлежатъ къ позвоночнымъ.

Другой примѣръ:

Всякій мышьякъ отравляетъ;

Это вещество — мышьякъ.

Слѣд. это вещество отравитъ,—

при всей правильности его силлогистической формы, можетъ дать ложное слѣдствіе, если окажется, что „это вещество“ не мышьякъ, а сходно по виду съ мышьякомъ; т. е. если меньшая посылка будетъ ложною.

2) Слѣдовательно, дедукція будетъ давать, въ слѣдствіи истину или знаніе,— иначе будетъ доказательствомъ истинности слѣдствія,— только тогда, когда, при совершенной правильности доступной ей силлогистической формы, она будетъ имѣть истинныя посылки.

Нужны ли какія-нибудь другія, дополнительныя условія доказательности дедукціи? — Никакихъ: „*Изъ истинныхъ посылокъ, при правильномъ выводѣ нельзя получить ложнаго слѣдствія*“.

3) Дедукція можетъ быть доказательствомъ во всѣхъ своихъ формахъ, сокращенныхъ и полныхъ, простыхъ и сложныхъ,— т. е. въ формѣ *энтимемы, силлогизма, эпихеремы, сорита* и *полисиллогизма.*

(1) Аристотель, въ четвертой главѣ Первой Аналитики, говоритъ слѣдующее: „Опредѣливши это (обращеніе предложеній), скажемъ теперь, изъ чего, когда и какъ образуется всякій силлогизмъ; а затѣмъ слѣдуетъ сказать о демонстраціи (περὶ ἀποδείξεως, de demonstratione). Но о силлогизмѣ слѣдуетъ сказать раньше, чѣмъ о демонстраціи; потому что силлогизмъ общѣе. Всякая демонстрація есть какой-нибудь силлогизмъ; но не всякій силлогизмъ есть демонстрація“.

Во второй главѣ Второй Аналитики, Аристотель говоритъ: „Демонстрацею (ἀπόδειξις) я называю силлогизмъ познавательный (συλλογισμὸς ἐπιστημονικὸς), а познавательнымъ я называю силлогизмъ, черезъ который мы познаемъ“.

(2) Основное правило дедуктивнаго доказательства не допускаетъ обращенія. Истинность посылокъ, при правильности силлогизаціи, есть полное ручательство за истину слѣдствія; но не наоборотъ. Не слѣдуетъ истинностью слѣдствія доказывать истин-

ность посылокъ,—къ чему такъ расположены въ доказательствахъ опирающихся на гипотезы; потому что,—какъ доказалъ еще Аристотель,—истинное слѣдствіе можетъ быть иногда получено изъ ложныхъ посылокъ,—и не только изъ одной ложной, при одной истинной, но и изъ обѣихъ ложныхъ. Вотъ два аристотелевы примѣра истинныхъ слѣдствій изъ ложныхъ посылокъ (соотвѣтствующихъ совершеннымъ типамъ Barbara и Celarent):

1) Камень есть животное.
Человѣкъ есть камень;
Слѣдов. человѣкъ есть животное.

2) Человѣкъ не животное;
Камень есть человѣкъ;
Слѣдов. камень—не животное.

2. Истинность меньшей посылки (или меньшихъ посылокъ) дедуктивнаго доказательства состоитъ въ вѣрномъ указаніи частнаго случая (или частныхъ случаевъ) обнимаемаго началомъ (или началами).

1) Частный случай, обнимаемый началомъ, т. е. оказывающійся частію его *объема*, долженъ, конечно, обладать тѣми свойствами, какія указываются *содержаніемъ* того же начала. Иначе сказать: частный случай, оказывающійся принадлежащимъ къ случаямъ, обнимаемымъ подлежащимъ начала, долженъ имѣть свойства, указываемыя его сказуемымъ.

2) Частные случаи обнимаемые началомъ, или случаи его приложимости въ цѣляхъ защиты, опроверженія, объясненія, предсказанія,— открываются постепенно, съ теченіемъ опыта, разработки наукъ, и ихъ практическихъ примѣненій.

Бэнъ замѣчаетъ: „Когда устанавливается какой-нибудь великій законъ,—каковъ напр. законъ тяготѣнія,—извлеченіе всѣхъ его дедуктивныхъ слѣдствій доставляетъ работу многимъ поколѣніямъ людей“. Мы избираемъ изъ *С. Джевонса* два примѣра, разъясняющіе этотъ предметъ.

„Что свѣтъ пробѣгаетъ съ равномѣрно-великою скоростью, это было доказано Ремеромъ посредствомъ наблюденій надъ затмѣніями спутниковъ Юпитера. Съ тѣхъ поръ, во всѣхъ астрономическихъ наблюденіяхъ стали дѣлать поправки, соотвѣтственно разницѣ между абсолютнымъ временемъ, въ которое случилось какое-нибудь явленіе, и тѣмъ когда оно усматривается на землѣ. Но никому не пришлось замѣтить, что движеніе свѣта, совмѣстно съ движеніемъ земли въ ея орбитѣ, должно производить нѣкоторое незначительное видимое перемѣщеніе бо́льшей части небесныхъ тѣлъ. Прошло 50 лѣтъ, прежде чѣмъ Брадли эмпирически открылъ это послѣдствіе названное имъ аберраціей, при обработкѣ своихъ наблюденій надъ неподвижными звѣздами". Случайно было открыто, что плаваніе по водамъ небольшой глубины облегчается увеличеніемъ скорости хода судовъ; и позднѣе нашли, что этотъ случай вытекаетъ изъ началъ, которыя были извѣстны раньше этого открытія.

3) Вѣрное указаніе выводимости частныхъ случаевъ изъ начала, или приложимости начала къ новымъ частнымъ случаямъ, состоитъ въ вѣрномъ *отожествленіи* послѣднихъ съ вещами или фактами, составляющими объемъ перваго,— т. е. въ открытіи сходствъ достаточныхъ для того, чтобы новый случай свести къ классу представляемому подлежащимъ начала.

Утверждая, что „ртуть есть жидкость, въ дедукціи слѣдствія „ртуть упруга", изъ начала „всѣ жидкости упруги", мы утверждаемъ, что ртуть представляетъ достаточно сходствъ съ другими вещами, причисляемыми къ классу жидкостей, для того чтобы мы назвали ее жидкостью, или ввели въ классъ подлежащаго общаго предложенія: „всѣ жидкости упруги".

(1) *Бэнъ:* „Процессъ отожествленія, дающій меньшую посылку, представляетъ болѣе или менѣе трудности, смотря по сложности подлежащаго бо́льшей посылки. Трудность эта велика въ медицинѣ, правѣ, политикѣ и проч. Болѣзнь характеризующаяся тремя, четырьмя, пятью или шестью различными симптомами,

должна быть отожествлена по всѣмъ этимъ симптомамъ; недостатокъ одного изъ нихъ дѣлаетъ отожествленіе не состоявшимся. Отсюда дедукція можетъ быть дѣломъ труднымъ даже въ наукахъ индуктивныхъ, къ какимъ должна быть отнесена медицина".

Трудность того же процесса въ политикѣ Бэнъ объясняетъ слѣдующимъ примѣромъ изъ *Т. К. Льюиса*.

„*Общее начало, или большая посылка.* Когда ввозная пошлина бываетъ такъ высока, что вызываетъ обширную контрабанду, она должна быть понижена.

Частный случай, или *меньшая посылка*. Ввозныя пошлины, существующія въ такой-то или такой-то странѣ, на табакъ, или спиртъ, или мелочные желѣзные товары и проч., даютъ мѣсто обширной контрабандѣ.

Но меньшая посылка есть вопросъ факта (который опредѣляется заразъ путемъ умозаключеній и фактами), и слѣдовательно установленіе оной можетъ быть весьма трудно".

3. Истинность *бо́льшихъ посылокъ*, — *основаній* или *началъ* дедукцій, — какъ общихъ предложеній, есть *безошибочная приложимость* ихъ сказуемыхъ ко всѣмъ предметамъ, означаемымъ терминами ихъ подлежащихъ и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ.

Иначе сказать, по смыслу общихъ предложеній, истинныя начала дедуктивныхъ умозаключеній содержатъ только указаніе на наше *право* приложенія ихъ сказуемыхъ ко всѣмъ предметамъ ихъ подлежащихъ, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, а отнюдь не свидѣтельство того, что всѣ предметы ихъ подлежащихъ и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ входили уже въ разсмотрѣніе до постановки этихъ началъ.

Такимъ образомъ, когда утверждается, что всѣ жидкости упруги, это не значитъ, чтобы всякая жидкость во всѣхъ своихъ существующихъ и возможныхъ частяхъ подвергалась наблюденіямъ, подтвердившимъ ея упругость. Потому что, во-первыхъ,

количество жидкостей неограниченно, и никто не можетъ утверждать, чтобы оно когда-нибудь перестало быть таковымъ,—или чтобы когда-нибудь наступилъ конецъ открытіямъ въ этой области; а во-вторыхъ, къ числу возможныхъ случаевъ относятся и всѣ будущіе случаи, которые не могутъ быть наблюдаемы до извѣстнаго времени. Утверждается единственно то, что свойство упругости мы въ *правѣ*, мы *можемъ безошибочно* — прилагать ко всякой части всякой жидкости, какія только встрѣтимъ въ нашемъ опытѣ.

Указанія на смыслъ истинныхъ началъ дедуктивныхъ умозаключеній вызваны тѣмъ, что нѣкоторые полагали, что общее предложеніе только тогда можетъ считаться истиннымъ, когда оно составляетъ общее выраженіе частныхъ истинъ, полученныхъ раньше путемъ спеціальнаго знакомства съ частными случаями,— и ничего болѣе, — никакихъ новыхъ случаевъ, не предвидѣнныхъ при постановкѣ общаго предложенія. Въ этомъ объстоятельствѣ именно они и видѣли всю твердость силлогистическаго процесса,— такъ какъ, при такомъ характерѣ общихъ предложеній, выводъ изъ нихъ слѣдствій, въ процессѣ силлогизма, будетъ простымъ указаніемъ на частный случай, уже помѣченный общимъ предложеніемъ; и слѣдовательно, тотъ кто согласился съ истинностью послѣдняго, не можетъ, не впадая въ противорѣчіе съ собою, — отрицать и истинность слѣдствія.

Противъ этого мнѣнія есть, однако, основательныя возраженія. Во-первыхъ, это противно самому понятію объ общихъ предложеніяхъ. Предложенія, представляющія простую и полную сумму частныхъ истинъ, будутъ общими только по внѣшнему виду, на дѣлѣ же *частными;* такъ какъ подлежащія ихъ не будутъ обнимать *неограниченное* число предметовъ во *всѣхъ возможныхъ* случаяхъ. Во-вторыхъ, силлогизмъ, состоящій въ одномъ указаніи частныхъ случаевъ, помѣченныхъ бо́льшею посылкою его, будетъ опять умозаключеніемъ не реальнымъ, а словеснымъ, кажущимся,— именно раскрытіемъ смысла даннаго общаго (по виду) предложенія посредствомъ „разложенія“ послѣдняго.

Отсюда ясна вся грубость такихъ возраженій противъ общихъ началъ дедуктивныхъ доказательствъ, когда истинность послѣднихъ оспариваютъ вопросомъ: „А вы развѣ изучили всѣ случаи, о которыхъ дѣлаете въ вашемъ началѣ общее утвержденіе?“

4. Чѣмъ обезпечивается истинность началъ дедуктивныхъ доказательствъ?

1) Въ сложныхъ дедукціяхъ, — каковы напр. сориты, началомъ силлогизма послѣдующаго можетъ быть слѣдствіе силлогизма предыдущаго; такимъ образомъ, можно думать, что истинность началъ дедукціи можетъ быть обезпечена силами самой дедукціи.

На дѣлѣ, въ дедукціяхъ сложныхъ, длинныхъ, истинность всѣхъ началъ зависитъ отъ истинности *первыхъ началъ*, — т. е. тѣхъ началъ, которыя открываютъ собою рядъ силлогизмовъ (въ соритѣ или полисиллогизмѣ),— началъ *самыхъ широкихъ, самыхъ общихъ* между всѣми началами сложной дедукціи. Въ наукахъ, которыя все свое содержаніе получаютъ съ помощью демонстрацій, и называются *дедуктивными* или *демонстративными*, — истинность всѣхъ выведенныхъ началъ, или началъ добытыхъ путемъ демонстрацій, зависитъ отъ истинности *первыхъ началъ* этихъ наукъ, — какими въ математикѣ служатъ такъ-называемыя *опредѣленія* и *аксіомы*.

2) Такъ какъ истинность всѣхъ доказанныхъ демонстративно, или производныхъ, вторичныхъ началъ, зависитъ отъ истинности началъ первыхъ или первичныхъ, — предшествующихъ всякой дедукціи въ качествѣ общихъ предложеній: то ясно, что первыя начала, обусловливающія собою истинность слѣдствій въ дедуктивныхъ умозаключеніяхъ, должны содержать *знанія независимыя отъ дедукціи*.

(1) Началами дедуктивныхъ доказательствъ въ геометріи могутъ служить и доказанныя раньше *теоремы*, т. е. предложенія,

входящія въ систему геометрическихъ истинъ; но истинность этихъ началъ обусловлена, прямо или косвенно, истинностью первыхъ началъ геометріи, — именно опредѣленій и аксіомъ. *Аристотель* говоритъ въ послѣдней главѣ Второй Аналитики: „Путемъ демонстраціи нельзя ничего узнать, не зная началъ первыхъ, непосредственныхъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ раскрываетъ ту истину, что первыя начала дедуктивныхъ доказательствъ, должны быть независимы отъ дедукціи: „Что касается (первыхъ) началъ, говоритъ онъ, то нельзя не допустить, что они не подлежатъ демонстраціи: доказывать демонстративно надобно только то, что слѣдуетъ за началами. Напр., безъ демонстраціи должно допустить значеніе словъ *единица, прямая линія,* треугольникъ; точно также должно допустить безъ демонстраціи, что единица и величина существуютъ; и только относительно остальнаго должна быть демонстрація.

(2) Относительно родовъ началъ дедуктивныхъ доказательствъ можно привести пока слѣдующія слова Аристотеля: „Между началами, которыми пользуются въ наукахъ демонстративныхъ, одни бываютъ спеціальными для каждой науки, другія — общими. Къ спеціальнымъ началамъ принадлежатъ, напр., опредѣленія линіи, прямой; напротивъ, общимъ началомъ будетъ, напр., слѣдующее: „Если отъ равныхъ количествъ отнять равныя количества, остатки будутъ равны“.

5. Такъ какъ истинность первыхъ, — а слѣдовательно косвенно, и всѣхъ остальныхъ, — началъ дедукцій зависитъ не отъ дедукціи, то спрашивается: какимъ же другимъ умственнымъ процессомъ можетъ быть обезпечена, и дѣйствительно обезпечивается истинность всѣхъ началъ дедуктивныхъ умозаключеній, способная дать послѣднимъ силу дедуктивныхъ доказательствъ?

Естественный отвѣтъ на это одинъ: — *индукціею.* Къ этому приводятъ, прежде всего, слѣдующія соображенія. Началами дедукцій служатъ *общія* предложенія; а индукціею въ широкомъ смыслѣ именно и называется переходъ ума отъ частныхъ случаевъ къ общему предложенію. Имѣя въ индукціи источникъ

общихъ предложеній, можно ли считать не разрѣшеннымъ вопросъ о происхожденіи первыхъ началъ дедукцій? — Индукція, какъ способъ пріобрѣтенія общихъ предложеній, и дедукція, какъ косвенный способъ полученія частныхъ истинъ, — взятыя вмѣстѣ исчерпываютъ весь кругъ процесса умозаключенія и даютъ полное объясненіе всѣхъ обстоятельствъ дедуктивнаго доказательства.

Аристотель, знаменитый создатель теоріи силлогизма и демонстраціи или дедуктивнаго доказательства, только вскользь, въ заключительной главѣ Второй, и послѣдней, Аналитики, касается вопроса о пріобрѣтеніи первыхъ началъ, и даетъ рѣшеніе его въ изложенномъ нами смыслѣ. „Необходимо, говоритъ онъ, допустить существованіе у насъ нѣкоторой способности къ пріобрѣтенію началъ, — не такой конечно, чтобы по точности она превосходила самыя начала. Но это кажется присуще всѣмъ животнымъ; потому что всѣ они имѣютъ природную способность сужденія (δύναμιν σύμφυτον κριτικήν), называемую чувствомъ (αἴσθησις). При существованіи чувства, у однихъ животныхъ происходитъ нѣкоторая задержка впечатлѣнія (ἀισθημα), у другихъ нѣтъ. Такимъ образомъ, у тѣхъ животныхъ, у которыхъ не происходитъ этой задержки, — у тѣхъ и знаніе не выходитъ изъ предѣловъ чувствованія — или всецѣло или насколько таковой не происходитъ. У другихъ же, послѣ чувствованія, остается нѣчто въ душѣ. Но и тутъ, при повтореніи того же, замѣчается нѣкоторая разница; потому что у однихъ животныхъ, изъ такой задержки образуется умъ (λόγος), у другихъ нѣтъ. Итакъ, изъ чувства, говоримъ мы, происходитъ воспоминаніе (μνήμη), а изъ частаго воспоминанія объ одномъ и томъ же, опытъ; потому что воспоминанія, многія лишь по числу, составляютъ только одинъ опытъ. А изъ опыта, изъ всего сохранившагося въ душѣ общаго, единаго относительно многаго, — что̀ во всемъ томъ было однимъ и тѣмъ же, образуется начало искусства и науки, — искусства, когда дѣло идетъ о произведеніи, — и науки, когда идетъ дѣло о бытіи. И такъ начало образуется изъ чувства. На войнѣ, когда войско бываетъ обращено въ бѣгство, остановка одного сопро-

вождается остановкою другого, третьяго, — пока все не придетъ къ началу; душа наша такова, что она можетъ испытывать нѣчто подобное. Объ этомъ было уже говорено, но не ясно; поэтому скажемъ еще разъ. Когда въ душѣ остается одно изъ одинаковыхъ впечатлѣній, съ нимъ впервые получается въ ней и общее. Потому что хотя въ этомъ случаѣ чувствуется единичное, чувство бываетъ чувствомъ общаго, напр. человѣка, а не такого-то человѣка. Такъ это бываетъ до тѣхъ поръ, пока вещи недѣлимыя не сдѣлаются общими, — напр. такое-то животное не станетъ „животнымъ“; и т. д. Отсюда очевидно, что первыя начала мы можемъ познавать не иначе какъ посредствомъ индукціи; потому что этимъ способомъ чувство и создаетъ общее“.

6. Полная зависимость всѣхъ дедуктивныхъ доказательствъ отъ предшествующихъ имъ индукцій, въ формѣ первыхъ началъ, доводится до очевидности тѣмъ, что всякая реальная дедукція получаетъ силу доказательства только какъ скрытная индукція,— какъ выводъ частнаго изъ *частныхъ случаевъ,* дозволяемый общимъ предложеніемъ; — и что всякій силлогизмъ, не заключающій въ себѣ скрытной индукціи, будетъ, какъ доказательство, неизбѣжно софизмомъ petitio principii.

(1) Одинъ изъ видовъ софизма petitio principii называется софизмомъ „порочнаго круга“ (circulus vitiosus), и бываетъ тогда, когда слѣдствіе доказывается посылкою, которая нуждается въ немъ для своей истинности. Обращая вниманіе на соотношеніе слѣдствія съ бо́льшею посылкою въ силлогизмѣ, многіе писатели были поражены тѣмъ обстоятельствомъ, что во всякомъ силлогизмѣ, какъ доказательствѣ, можно открыть такой „порочный кругъ“. Когда мы, изъ предложенія: „всѣ жидкости упруги“, съ помощью меньшей посылки „ртуть есть жидкость“, выводимъ заключеніе: „ртуть упруга“,— то, не отказывая этому силлогизму въ правильности, можемъ однако недоумѣвать: имѣемъ ли мы право утверждать, что „всѣ жидкости упруги“, не

узнавши напередъ, что „ртуть упруга“. Т. е. доказываемое, изъ общаго предложенія, слѣдствіе „ртуть упруга“, кажется намъ предложеніемъ, истинность котораго нужна для истинности этого общаго предложенія: „всѣ жидкости упруги“. Мы открываемъ въ этомъ силлогизмѣ, какъ доказательствѣ, „порочный кругъ“.

(2) Единственный способъ отнять у силлогизма, какъ доказательства, видъ софизма состоитъ въ томъ, чтобы видѣть въ немъ скрытную индукцію, именно заключеніе отъ частныхъ случаевъ къ частному слѣдствію, дозволяемое бо́льшею посылкою или общимъ предложеніемъ, т. е. признать, что доказывается всегда только частными случаями; что общія предложенія суть только помѣты доказательности нѣсколькихъ частныхъ случаевъ извѣстнаго класса относительно всякаго новаго частнаго случая того же класса, и слѣдовательно относительно всего класса случаевъ; что частныя слѣдствія, въ дедуктивныхъ доказательствахъ, получаются не *изъ* бо́льшихъ посылокъ, или началъ, или общихъ предложеній, — а лишь *согласно* съ этими посылками, началами, или общими предложеніями; что всякій силлогизмъ, всякая дедукція, въ немъ выраженная, есть только *истолкованіе* большихъ посылокъ или общихъ предложеній, — истолкованіе утверждаемаго ими *права* на приложеніе ихъ къ извѣстнымъ частнымъ случаямъ, — права, даннаго раньше другими частными случаями.

(3) Наглядным объясненіемъ этой, т. е. индуктивной, природы всякой дедукціи, можетъ быть простой анализъ общихъ предложеній, по руководству ихъ опредѣленія. Когда мы утверждаемъ, что „всѣ люди смертны“, мы утверждаемъ, что

„всѣ люди умирали“,
„всѣ люди умираютъ“,
„всѣ люди будутъ умирать“; —

что „умирать“ есть, однимъ словомъ, *свойство* всѣхъ людей. Изъ этого ясно, что выставляя общее предложеніе, мы, во-первыхъ, указываемъ факты настоящіе и прошлые, которые были предметами наблюденій; и, во-вторыхъ, указываемъ факты *будущіе,* т. е. такіе, которыхъ еще никто не наблюдалъ, и о которыхъ только имѣютъ право *заключать*, именно, по прошлымъ и настоящимъ; — слѣдовательно, выставляютъ въ одно и то же время частные факты, и право на заключеніе отъ нихъ къ другимъ частнымъ фактамъ, — что̀ и исполняется въ силлогизмѣ.

Такому анализу прямымъ образомъ подлежатъ всѣ первыя начала всѣхъ дедукцій, а косвенно и всѣ вторыя.

(1) Изложеннымъ ученіемъ объ отношеніи дедукціи къ индукціи мы обязаны *Д. С. Миллю*. Величайшіе авторитеты въ дѣлѣ Логики засвидѣтельствовали всю важность этого ученія Милля. *Джонъ Гершель* призналъ его „однимъ изъ величайшихъ успѣховъ, сдѣланныхъ донынѣ философіею Логики“. *Бэнъ,* говоря о затрудненіи, въ какое ставило логиковъ petitio principii, открытое въ силлогизмѣ, замѣчаетъ, что „выходомъ изъ этого затрудненія мы обязаны Д. С. Миллю“, и что „послѣдствіемъ этого была полная революція въ Логикѣ“.

(2) Petitio principii въ каждомъ силлогизмѣ, какъ доказательствѣ слѣдствія, замѣчено было многими писателями изъ школы *Бэкона,* настаивавшаго на зависимости силлогизма отъ предшествующихъ процессовъ индуктивнаго свойства. — Въ виду этого, *Т. Броунъ* счелъ бо́льшую посылку или общее предложеніе, въ силлогизмѣ, излишнимъ. — Д. С. Милль призналъ справедливость того же замѣчанія. „Нельзя не согласиться, говоритъ онъ, что во всякомъ силлогизмѣ, разсматриваемомъ какъ аргументъ, приводимый для доказательства слѣдствія, есть petitio principii. Когда мы говоримъ:

Всѣ люди смертны;
Сократъ человѣкъ;
Слѣдов.
Сократъ смертенъ,—

то противники силлогистической теоріи неопровержимы въ своемъ замѣчаніи, что предложеніе „Сократъ смертенъ“, уже предположено въ болѣе общемъ признаніи „всѣ люди смертны“; что мы не можемъ быть убѣждены въ смертности всѣхъ людей, пока не увѣрены въ смертности каждаго отдѣльнаго человѣка; что если бы оставалось еще сомнѣніе, точно ли Сократъ, или другой кто-нибудь, кого бы мы назвали, смертенъ или нѣтъ, то та же степень неизвѣстности пала бы и на предложеніе: „всѣ люди смертны“; что общее предложеніе, вмѣсто того чтобы доставлять очевидность частному случаю, само не можетъ быть признано вѣрнымъ безъ исключенія, пока всякая тѣнь сомнѣнія, какая можетъ пасть на всякій обнимаемый имъ случай, не устранена очевидностью aliunde; — а тогда что же остается доказывать силлогизму? — Кратко, — что умозаключеніе отъ общаго къ частному, само по себѣ, ничего не доказываетъ; потому что изъ общаго начала мы можемъ вывесть не всякіе частные случаи, а только тѣ, которыя самимъ началомъ принимаются за извѣстные“.

(3) Открытіе petitio principii въ силлогизмѣ какъ доказательствѣ не было опровергнуто никѣмъ, по замѣчанію Милля; но въ то же время оставалось не объясненнымъ другое обстоятельство, выставляемое защитниками силлогизма какъ доказательства, — то именно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы несомнѣнно, путемъ силлогизаціи, получаемъ новыя истины. Д. С. Милль раздѣляетъ этотъ взглядъ и самъ поясняетъ его слѣдующимъ примѣромъ: „Мы убѣждены, что герцогъ Веллингтонъ смертенъ. Но мы знаемъ это не изъ прямого наблюденія, такъ какъ онъ еще не умеръ. Если бы кто-нибудь на этотъ разъ спросилъ насъ, почему мы знаемъ, что герцогъ смертенъ, — мы вѣроятно отвѣтили бы: потому что всѣ люди таковы. Слѣдовательно, мы приходимъ здѣсь къ познанію истины, (пока) недоступной наблюденію, посредствомъ умозаключенія, которое можетъ быть представлено въ слѣдующемъ силлогизмѣ: —

Всѣ люди смертны;
Герцогъ Веллингтонъ человѣкъ;
Слѣдоват.
Гергоцъ Веллингтонъ смертенъ.

Это замѣчаніе, очевидно, не мирится съ указаніемъ всегдашняго petitio principii, въ случаѣ попытки доказывать слѣдствіе посредствомъ силлогизма. Потому что ясно, что и слѣдствіе „Герцогъ Веллингтонъ смертенъ“ есть несомнѣнно *выводъ*, — а не простое раскрытіе смысла общаго предложенія: „Всѣ люди смертны“; — и этотъ выводъ оправдывается общимъ предложеніемъ. Какой же выходъ изъ этого противорѣчія? — По мнѣнію Д. С. Милля, — одинъ: признаніе дѣйствительнаго вывода въ силлогизмѣ — выводомъ не *изъ* общаго предложенія: „Всѣ люди смертны“, — а только *согласно* съ общимъ предложеніемъ, изъ тѣхъ частныхъ фактовъ, которые дали основаніе для общаго предложенія. „Предложеніе, что Герцогъ Веллингтонъ смертенъ, есть очевидно выводъ; какъ слѣдствіе, оно получается изъ чего-нибудь другого; но получаемъ ли мы его, въ дѣйствительности, изъ предложенія: Всѣ люди смертны? Я отвѣчаю: нѣтъ.

„Ошибка здѣсь, я думаю, состоитъ въ томъ, что упускаютъ изъ виду разницу между двумя частями процесса умствованія, — частью вывода, и частью справки, — и приписываютъ послѣдней функцію первой“.

„Всякое умозаключеніе бываетъ отъ частнаго къ частному; общія предложенія суть просто записи такихъ выводовъ, уже сдѣланныхъ, и краткія формулы для образованія новыхъ. Слѣдовательно, бо́льшая посылка силлогизма есть формула такого рода описанія; и слѣдствіе получается не *изъ* этой формулы, а *согласно* этой формулѣ: дѣйствительнымъ логическимъ предыдущимъ, или посылкою, бываютъ тѣ частные факты, изъ которыхъ общее предложеніе было выведено посредствомъ индукціи. Факты эти, и доставившіе ихъ единичные случаи, могутъ быть забыты; но замѣтка объ нихъ остается, — конечно, не описывающая самые факты, а показывающая, какъ различать тѣ случаи, относительно которыхъ эти факты, когда были узнаны, признаны были гарантіею даннаго вывода. Согласно съ указаніемъ этой замѣтки мы выводимъ наше слѣдствіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ и цѣляхъ есть слѣдствіе изъ забытыхъ фактовъ“.

(4) Относительно заключенія отъ частнаго къ частному, Д. С. Милль дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія.

Общее предложеніе не составляетъ conditio sine qua non умозаключеній. „Мы не только, говоритъ онъ, *можемъ* заключать отъ частнаго къ частному, не обращаясь къ общему, но и безпрестанно такъ умозаключаемъ. Самыя раннія наши умозаключенія всѣ такого рода. Съ перваго проблеска ума мы дѣлаемъ выводы, а между тѣмъ проходятъ годы, прежде чѣмъ мы научимся употребленію общаго языка. Дитя, которое, обжегши пальцы, избѣгаетъ совать ихъ снова въ огонь, сдѣлало умозаключеніе или выводъ, хотя оно отнюдь не имѣло въ мысли общаго предложенія: „огонь жжетъ“. — „Я убѣжденъ“, продолжаетъ Милль, „что, фактически, заключая изъ своихъ частныхъ опытовъ, а не изъ правилъ, сообщаемыхъ намъ книгами или преданіемъ, мы заключаемъ отъ частнаго къ частному чаще прямо, чѣмъ косвенно, съ помощью какого-нибудь общаго предложенія...“ „Даже научно образованные люди, которые владѣютъ, въ формѣ общихъ предложеній, систематическими замѣтками результатовъ опыта человѣчества, не всегда имѣютъ нужду обращаться къ этимъ общимъ предложеніямъ, чтобы приложить этотъ опытъ къ новому случаю. Догальдъ Стюартъ справедливо замѣтилъ, что хотя въ математикѣ умозаключенія вполнѣ зависятъ отъ аксіомъ, однако, для того, чтобы видѣть правильность доказательства, вовсе нѣтъ необходимости обращаться нарочито къ самымъ аксіомамъ“.

Право на выводъ частнаго изъ частнаго тожественно съ правомъ на общее предложеніе. „Предположимъ, говоритъ одинъ изъ излагателей Д. С. Милля (Килликъ), что мы замѣтили, что A, B, C и D смертны; допустимъ, что эти частные случаи составляютъ очевидность достаточную для оправданія нашего вывода, что какой-нибудь новый индивидуумъ, X, смертенъ; это будетъ пока случаемъ заключенія отъ частнаго къ частному. — Но чтобы поручиться за выводъ, что какой-нибудь индивидуумъ, X, смертенъ, мы должны имѣть ручательство за выводъ, что „Всѣ люди смертны“ (иначе X могъ бы быть въ числѣ исключеній); —т. е. всякая оче-

видность, доказывающая частное предложеніе, должна вмѣстѣ съ тѣмъ быть доказательствомъ и общаго. Такимъ образомъ:

(1) A, B, C, D, etc., суть смертны.

(2) Всѣ люди смертны. (=Свойство человѣка есть признакъ свойства смертности).

(3) X — смертенъ.

(2) и (3) суть два слѣдствія, изъ которыхъ каждое можетъ быть получено отдѣльно, безъ мысли о другомъ; но если очевидность доказываетъ одно изъ нихъ, то должна доказывать и другое".

Сводя дедуктивное умозаключеніе, какъ реальный выводъ, къ заключенію отъ частнаго къ частному, Милль представляетъ слѣдующій типъ умозаключенія вообще:

„Нѣкоторыя недѣлимыя имѣютъ такое то данное свойство;
Недѣлимое (такое-то) или недѣлимыя (такія-то) сходны съ ними въ извѣстныхъ другихъ свойствахъ;
Слѣдовательно они сходны съ нимъ и въ этомъ данномъ свойствѣ".

(5) О происхожденіи общихъ предложеній и роли ихъ, какъ посылокъ силлогизма, Д. С. Милль дѣлаетъ слѣдующія разъясненія. „Допустимъ, что предложеніе „Герцогъ Веллингтонъ смертенъ" выводится собственно изъ предложенія: Всѣ люди смертны; откуда же мы почерпаемъ наше знаніе этой общей истины? Конечно, изъ наблюденія. Но мы ничего не можемъ наблюдать кромѣ единичныхъ случаевъ. Изъ нихъ должны быть выведены всѣ общія истины... Общее предложеніе не есть впрочемъ только сжатая формула для помѣты и удержанія въ памяти нѣкотораго числа частныхъ фактовъ, — всѣхъ подвергавшихся наблюденію. Обобщеніе не есть только процессъ названія, но и процессъ умозаключенія. Изъ примѣровъ, которые мы наблюдали, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что найденное нами истиннымъ въ этихъ

случаяхъ, окажется истиннымъ во всѣхъ сходныхъ случаяхъ, прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ, какъ бы они многочисленны ни были. Поэтому, пользуясь драгоцѣнною особенностью языка, дозволяющаго намъ говорить о многомъ какъ объ одномъ, мы отмѣчаемъ все что̀ наблюдали, со всѣмъ что̀ вывели изъ наблюденій, однимъ сжатымъ выраженіемъ; и такимъ образомъ, для памяти и сообщенія, имѣемъ только одно предложеніе, вмѣсто безчисленнаго количества ихъ. Послѣдствія многихъ наблюденій и выводовъ, и наставленія, какъ дѣлать выводы въ безчисленныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ, сжимаются въ одномъ короткомъ изрѣченіи.

„Поэтому, когда отъ смерти Ивана, Ѳомы и всякаго другого лица, когда-нибудь узнаннаго нами, — относительно которыхъ опытъ былъ исполненъ добросовѣстно, — мы заключаемъ, что и герцогъ Веллингтонъ смертенъ, подобно остальнымъ: мы можемъ, дѣйствительно, проходить обобщеніе „Всѣ люди смертны“, какъ промежуточную стадію; но *выводъ* содержится не въ послѣдней половинѣ процесса, — не въ переходѣ отъ всѣхъ людей къ герцогу Веллингтону. Выводъ конченъ, когда мы сдѣлали утвержденіе, что всѣ люди смертны. Все что остается для дальнѣйшей работы, сводится къ простому толкованію нашихъ собственныхъ памятныхъ замѣтокъ.

(6) Послѣднія слова намекаютъ на дѣйствительную природу всякаго дедуктивнаго умозаключенія. Вотъ какъ Милль объясняетъ ее въ другомъ мѣстѣ. „Въ этой послѣдней фразѣ („процессъ истолкованія“ — process of interpretation) мы получили выраженіе, которое, какъ мнѣ кажется, точнѣе всякаго другого, характеризуетъ отправленія силлогизма во всѣхъ случаяхъ. Когда посылки даны авторитетомъ, отправленіе силлогизма состоитъ въ раскрытіи утвержденія свидѣтеля (напр. научной теоріи, принимаемой по вѣрѣ къ писателю) или воли законодателя, посредствомъ истолкованія (interpretation) знаковъ, въ которыхъ одинъ выразилъ свое утвержденіе, а другой свое повелѣніе. Такимъ же образомъ, когда посылки получены изъ наблюденія, отправленіе силлогизма состоитъ въ показаніи того, что̀ такое мы (или наши предшественники) считали нѣкогда выводимымъ изъ замѣченныхъ

фактовъ, и въ исполненіи вывода посредствомъ истолкованія памятныхъ замѣтокъ (memoranda) принадлежащихъ намъ или имъ. Памятныя замѣтки напоминаютъ намъ, что изъ очевидности, взвѣшенной нѣкогда болѣе или менѣе тщательно, обнаружилось что всюду, гдѣ мы замѣчаемъ извѣстный признакъ, мы въ правѣ заключить о присутствіи тамъ извѣстнаго свойства. Предложеніе (напр.): Всѣ люди смертны, показываетъ намъ, что мы имѣли опытъ, изъ котораго признали вытекающимъ, что свойства, означаемые терминомъ человѣкъ, суть признакъ смертности. Но заключая, что герцогъ Веллингтонъ смертенъ, мы выводимъ это не изъ нашихъ памятныхъ замѣтокъ, а изъ предшествующаго опыта. Все что мы выводимъ изъ памятныхъ замѣтокъ, сводится къ нашей собственной прежней увѣренности (или увѣренности передавшихъ намъ это предложеніе) относительно выводовъ, которые были гарантированы тѣмъ прежнимъ опытомъ“.

(7) Такимъ образомъ, точка зрѣнія Милля на полный процессъ умозаключенія можетъ быть представлена такъ:

(1) A, B, C и проч. смертны { Частные факты, дающіе поводъ къ индукціи.

(2) Всѣ люди смертны: — Обобщеніе, какъ результатъ индукціи.

(3) X человѣкъ { Меньшая посылка къ предыдущему общему предложенію.

(4) X смертенъ { Слѣдствіе изъ 2 и 3 предложеній, какъ большей и меньшей посылки силлогизма.

При этомъ, предложенія 1 и 2 представляютъ индукцію; предложенія 2, 3 и 4 — дедукцію въ формѣ силлогизма.

(8) Хотя дедуктивное доказательство остается скрытнымъ заключеніемъ отъ частнаго къ частному, или индукціею въ самомъ широкомъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе, выгоды дедукціи и ея силлогистической формы несомнѣнны. Силлогистическая форма заключенія отъ общаго къ частному, требующая обобщенія, индукціи, составляетъ, по Миллю, „дополнительную гарантію правильности самаго обобщенія“. — Важнѣйшая изъ услугъ силлогистической

формы умозаключенія состоитъ, далѣе, въ томъ, что она позволяетъ оцѣнить и отчетливо провѣрить каждый шагъ или каждую часть въ длинныхъ и сложныхъ умозаключеніяхъ черезъ признаки признаковъ, представляемыхъ соритами и полисиллогизмами. — Не малая услуга оказывается дедукціею, или силлогизмомъ, и тѣмъ облегченіемъ труда и сокращеніемъ самыхъ операцій умозаключенія, какія даются въ силлогизмѣ присутствіемъ общихъ предложеній.

(9) Противъ представленнаго ученія объ условіяхъ твердости дедуктивныхъ доказательствъ и зависимости дедукцій отъ индукцій—въ самыхъ основахъ или началахъ дедуктивныхъ умозаключеній, существуетъ возраженіе со стороны цѣлой школы мыслителей. Исходнымъ пунктомъ ученія о происхожденіи всѣхъ началъ путемъ индукцій, служитъ, какъ мы видѣли, то несомнѣнное обстоятельство, что начала всѣхъ дедукцій не зависятъ, по своей истинности, отъ дедуктивнаго процесса. Отсюда выводъ, что первыя начала дедукцій должны быть *пріобрѣтены* какимъ-нибудь другимъ умственнымъ процессомъ, а такимъ остается только индукція.

Противники этого ученія думаютъ поколебать его простымъ утвержденіемъ, что первыя начала *не пріобрѣтаются,* — а *даны* уму человѣка *готовыми,*—въ прирожденныхъ ему *идеяхъ, истинахъ,* или спеціальныхъ, для такихъ идей и истинъ, *потенціяхъ* въ духѣ человѣка.

Ученіе это не ново. Оно предлагается уже у *Платона,* въ теоріи *воспоминаній,* приносимыхъ рождающимся человѣкомъ изъ другого міра, въ которомъ предсуществовала его душа, — иначе въ теоріи *идей.* Это ученіе *Аристотель* подвергалъ не разъ своей критикѣ; именно, въ отвѣтъ на такое ученіе, онъ высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи первыхъ началъ, изложенное нами выше.

Такъ какъ противники ученія, представленнаго нами, ссылаются, въ оправданіе своей теоріи, на свойства различнаго рода началъ, то разборъ ихъ мнѣній естественно входитъ въ „Логику Началъ“, въ которой мы не преминемъ подвергнуть ихъ обстоятельной критикѣ.

(10) Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу состава „Логики Началъ“. Милль и Бэнъ излагаютъ ученіе о началахъ въ различныхъ частяхъ Логики, безъ общаго, цѣльнаго ихъ обозрѣнія, — что́, по нашему мнѣнію, мѣшаетъ надлежащей оцѣнкѣ ихъ природы. Поэтому *Логику Индукціи*, которая занимаетъ у Милля и Бэна средину между Логикою Дедукціи и Логикою Наукъ, мы преобразовали въ Логику Началъ. Само собою разумѣется, что этимъ изложеніемъ совсѣмъ не закрывается, что глубочайшимъ предметомъ этой части Логики остается Индукція.

(11) Въ Русской литературѣ, ученіе о доказательствѣ не останавливало на себѣ широкаго вниманія; — ученіе о дедуктивномъ доказательствѣ отдѣляетъ его весьма мало отъ доказательствъ другого рода. Послѣднее всего подробнѣе изложено въ логикахъ *Лодія, Гошкевича, Владиславлева* и *Струве*.